В Харьковскую Общественную Библиотеку от автора.

Н. Тихій.

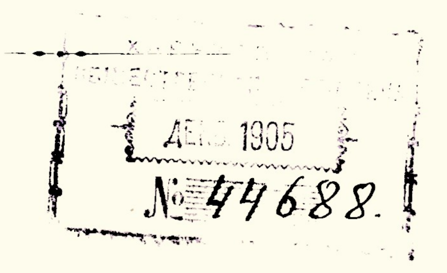
В. Н. КАРАЗИНЪ,

ВИНОВНИКЪ УЧРЕЖДЕНІЯ УНИВЕРСИТЕТА

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

По поводу брошюры г. И-ва: „В. Н. Каразинъ, мнимый основатель Харьковскаго университета“.

ХАРЬКОВЪ.
Паровая Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
1905.

На основанiи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать разрѣшается.
Харьковъ, 1 августа 1905 года.
И. д. Ректора Университета *Брiо.*

Брошюра г. И-ва „В. Н. Каразинъ, мнимый основатель Харьковскаго университета“ не производитъ впечатлѣнія научнаго изслѣдованія на лицъ, хоть немного занимавшихся вопросомъ о В. Н. Каразинѣ. Обстановка и обстоятельства, среди которыхъ появилось упомянутое сочиненіе, независимо отъ его внутреннихъ качествъ, придаютъ ему значеніе бо́льшее, чѣмъ, можетъ быть, оно заслуживаетъ. Неоднократные, недоумѣвающіе вопросы, предлагаемые намъ, свидѣтельствуютъ, что масса харьковскаго общества, достояніемъ котораго сдѣлался трудъ г. И-ва, очень слабо освѣдомлена о личности виновника учрежденія въ Харьковѣ университета. Открытіе памятника В. Н. Каразину, которое состоится въ ближайшіе дни, дѣлаетъ понятнымъ чуткость общества и интересъ его къ личности своего стараго сочлена. Эти соображенія, а также долгъ біографа, побуждаютъ насъ указать на явно несправедливыя обвиненія, бросаемыя В. Н. Каразину г. И-вымъ.

«On peut travestir les plus grandes choses,
et leur donner une teinte de ridicule».

Въ началѣ г. И-въ сообщаетъ о причинѣ возникновенія своего труда и о преслѣдуемой имъ цѣли. На основаніи *„созданнаго* Каразиными матеріала“ „образовалась *легенда о Каразинѣ,* какъ основателѣ Харьковскаго университета“ (стр. 3). Авторъ полагаетъ, что нельзя считать Каразина основателемъ Харьковскаго университета и обѣщаетъ доказать это данными, которыя внѣ всякаго сомнѣнія для него (стр. 4).

Оказывается, что г. И-въ *„только теперь*, когда г. Трифильеву удалось найти въ архивѣ подлинное дѣло объ эпизодѣ (1798 года) изъ жизни Каразина, имѣетъ возможность знать о немъ историческую правду“. А между тѣмъ, это подлинное дѣло напечатано было еще 38 лѣтъ тому назадъ [1]; мало того, г. Трифильевъ, печатая вторично документы, предваряетъ ихъ такъ: „изъ сравненія найденныхъ (г. Трифильевымъ) документовъ съ помѣщенными въ «Чтеніяхъ» оказывается, что послѣдніе *напечатаны съ этихъ самыхъ подлинниковъ*“ [2]). Далѣе для г. И-ва „изъ показанія Каразина“ вытекаетъ, что „главною причиною“ бѣгства за границу была его женитьба на крѣпостной дѣвушкѣ, что „заставило его жить“ въ глубокомъ уединеніи. А между тѣмъ въ этомъ показаніи Каразинъ выставляетъ главною причиной бѣгства — врожденную „страсть къ наукамъ, и родъ философской жизни, какую вести началъ съ дѣтства“; эта страсть заставляла Каразина „жить въ глубокомъ уединеніи почти *все время жизни* и не имѣть ни съ кѣмъ сношенія“, что „поселиться располагалъ онъ въ окрестностяхъ Гамбурга среди *просвѣ-*

4 стр. брошюры г. И-ва.

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1866 годъ, кн. III.

[2]) Записки Харьк. Ун. 1901 г. кн. II, стр. 170.

щеннаго общества", какого не находилъ въ Россіи. Второю важною причиною бѣгства Каразинъ выставлялъ болѣзнь свою и „между прочимъ, женитьба, была *одною изъ прочихъ причинъ* побудившихъ Каразина оставить отечество" [1]).

Г. И-въ дѣлаетъ рядъ ошибокъ, говоря, что „Каразинъ сочинилъ *подложное* письмо изъ Ковны въ Петербургъ, въ которомъ совершенно извратилъ содержаніе настоящаго письма къ Павлу, и пустилъ его въ оборотъ. Въ немъ онъ, между прочимъ, писалъ Императору: Прійми мое признаніе: я желалъ укрыться отъ твоего правленія, страшась его жестокости" (стр. 5). Въ дѣйствительности дѣло было такъ.

13 августа 1798 года Каразинъ былъ схваченъ на границѣ. На другой же день 14 августа онъ ухитрился послать государю упоминаемое
5. г. И-вымъ письмо съ просьбой о прощеніи: „Государь! несчастный преступникъ осмѣливается къ тебѣ писать: прійми мое признаніе: я желалъ укрыться отъ твоего правленія страшась его жестокости.... Теперь въ волѣ твоей наказать меня—и оправдать страхъ мой, или простить".... Неизвѣстно по какимъ причинамъ, но это письмо не дошло до государя; во всякомъ случаѣ оно принесло бы не мало вреда смѣлому Каразину, такъ какъ отвѣтомъ на подобное письмо могъ быть только взрывъ негодованія строгаго государя. Вѣроятно, сообразивъ неумѣстность своего образа дѣйствій и не будучи увѣренъ въ полученіи перваго посланія, Каразинъ пишетъ 30 августа *другое* письмо для государя, адресуя уже на имя рекетмейстера князя Вяземскаго: „прошеніе сіе посылается другой разъ, ибо случай, съ которымъ первое *подобное ему* было отправлено былъ сомнителенъ". Дѣйствительно, содержаніе второго письма аналогично съ первымъ: изложеніе причинъ бѣгства и просьба о помилованіи; но тонъ „письма къ государю" (какъ обозначено прошеніе) болѣе униженный: „Государь! угнетенная совѣсть нудитъ меня устремиться къ стопамъ твоимъ"... если бы „строгости суда твоего угодно было приписать мое бѣгство мрачной непріязни къ правленію Твоему, неужели милосердіемъ твоимъ не восхочешь Ты *примирить меня съ нимъ?* Неужели допустишь, чтобы наказаніе жестокое *оправдало въ душѣ моей непріязнь сію?*". „Одно любопытство, одно невинное желаніе быть счастливымъ служило причиною бѣгства". „Верховный Судья! Милователь!... ожидаю наказанія... или прощенія"... [2]). Императоръ Павелъ, какъ извѣстно, помиловалъ Каразина и опредѣлилъ его въ службу.

---

[1]) Показаніе Каразина 1 окт. 1798 г. Чтенія 1866, III, 34—35.

[2]) Подробно о двухъ письмахъ къ Имп. Павлу см. мою статью „В. Н. Каразинъ" Кіевск. Стар. 1905, Янв. Письма напечатаны также г. Трифильевымъ, Записки Х. Ун., стр. 173—175.

Г. И-въ говоритъ: „Каразинъ разсказывалъ, что будто бы Павелъ послѣ ареста и допроса приказалъ посадить его въ крѣпость, гдѣ онъ содержался съ самаго вступленія на престолъ Александра I, что будто бы Александръ, посѣщая Петропавловскую крѣпость въ качествѣ генералъ-губернатора, замѣтилъ Каразина, полюбилъ его... Разсказывалъ по тому же поводу и многія другія небылицы. Словомъ Каразинъ создалъ относительно эпизода 1798 года изъ своей жизни невѣроятную легенду“ (стр. 5). Все это неправда.

О близости Каразина къ императору Александру, какъ увидимъ, говорили въ свое время много. Было стремленіе связать эту близость съ упомянутымъ эпизодомъ изъ жизни В. Н. Каразина; напр., „В. И. Языковъ говорилъ Анастасевичу (и Анастасевичъ передаетъ намъ), что В. Н. въ Петропавловской крѣпости находился до вступленія на престолъ Александра, который въ званіи генералъ-губернатора, часто посѣщалъ Петропавловскую крѣпость, замѣтилъ въ числѣ узниковъ В. Н., послѣ бесѣды съ нимъ, полюбилъ его...“ Разсказывали Анастасевичу по тому же поводу такія же небылицы Б.-Каменскій и другіе. Самъ же Каразинъ о встрѣчѣ съ Павломъ I ни Анастасевичу, ни кому-либо другому ничего не говорилъ. „О причинѣ прежней къ нему милости, а потомъ немилости *Александра I* (Анастасевичъ) отчасти слышалъ отъ (Каразина) самого, но всегда сбивчиво“ [1]).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что г. И-въ недостаточно внимательно пользовался источниками, приписывая В. Н. Каразину то, чего онъ не говорилъ и не извращалъ.

Г. И-въ говоритъ: „изъ сказаннаго (о эпизодѣ 1798 г.) слѣдуетъ, что В. Н. Каразинъ въ своихъ отчетахъ и воспоминаніяхъ нисколько не стѣснялся историческою правдою, а имѣлъ способность извращать ее по своему усмотрѣнію. Отсюда само собой понятно, какъ недовѣрчиво историкъ долженъ относиться къ историческимъ документамъ, вышедшимъ изъ подъ пера В. Н. Каразина“ (стр. 5). Теперь мы видимъ, что заключеніе г. И-ва неосновательно.

По повелѣнію императора Павла Каразинъ былъ опредѣленъ въ 6.
канцелярію государственнаго казначея и директора медицинской коллегіи барона Васильева фактически, можетъ быть, раньше, формально съ 3 февраля 1800 года [2]). Трудолюбивый и энергичный Каразинъ не заставилъ себя ждать; по исторіи финансовъ и медицины имъ было собрано много

---

[1]) О встрѣчѣ съ Александромъ I „В. Н. разсказывалъ мнѣ *иначе*, чѣмъ Языковъ и Каменскій“. Записка Анастасевича. Чтенія 1861 г. III, 193—194.

[2]) Формулярный списокъ 1830 г. о службѣ ст. сов. и кав. В. Каразина.

матеріаловъ, переданныхъ государственному казначею; кромѣ того появилась составленная Каразинымъ „Исторія медицины въ Россіи“ и изслѣдованіе „О причинахъ постепеннаго упадка курса рубля и о средствахъ поднять оный“. Это интересный историко-политическій трактатъ, въ которомъ излагается исторія колебанія русскаго рубля со временъ до-петровскихъ въ связи съ проектомъ повысить русскую денежную единицу [1]). Труды Василія Назарьевича обратили на себя вниманіе и 22 января 1801 г. онъ „за собраніе матеріаловъ къ исторіи медицины въ Россіи, также и въ исторіи финансовъ, награжденъ чиномъ коллежскаго асессора“ [2]). Въ это время мы видимъ уже, что Каразинъ становится извѣстнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ. Вотъ какъ писалъ ему Сперанскій: „Пользуясь отъѣздомъ курьера изъ Павловска, считаю нужнымъ написать къ вамъ, любезный Василій Назарьевичъ, нѣсколько строчекъ, коихъ главнѣйшимъ предметомъ будетъ сказать вамъ, что я васъ люблю и душевно обнимаю... Когда вы возвратитесь? Когда отрясете ученую пыль, что съ такимъ стараніемъ собираете?...“ [3]). Изъ этихъ данныхъ видна произвольность слѣдующаго заключенія г. И-ва: „За два съ половиною года службы при Павлѣ, Каразинъ ничѣмъ не выдвинулся изъ толпы чиновниковъ, такъ какъ былъ совершенно неспособенъ къ серьезной практической работѣ“ (стр. 6).

„Въ мартѣ 1801 г. на престолъ вступилъ Александръ Павловичъ. Въ концѣ этого мѣсяца молодой императоръ нашелъ въ своемъ кабинетѣ анонимную записку“, по мнѣнію г. И-ва, „подброшенную подкупленнымъ лакеемъ“. Существующія свидѣтельства современниковъ указываютъ, что записка была передана черезъ должностныхъ лицъ [4]). „Александръ приказалъ найти ея автора и это оказалось дѣломъ совсѣмъ не труднымъ“. Лица, къ которымъ обратился государь, по свидѣтельству современниковъ [5]), были въ тѣсномъ соприкосновеніи съ Каразинымъ по службѣ (Державинъ, Трощинскій) или въ перепискѣ (Сперанскій) и имъ былъ хорошо извѣстенъ характерный почеркъ Каразина. Каразинъ признался въ своемъ авторствѣ. Г. И-въ говоритъ: „Императоръ побесѣдовалъ съ нимъ по поводу его записки и отпуская посовѣтовалъ ему поработать надъ вопросами, относящимися до народнаго просвѣщенія на Руси. И только?“

---

1) Чтенія 1861 г. т. III, стр. 176—191.

2) Формулярный списокъ о службѣ с. с. и к. В. Каразина.

3) Харьк. Губ. Вѣд. 1875 г. № 211.

4) Языковъ, Полѣновъ. Русс. Арх. 1873 г. т. I, 962—963. Свидѣтельства старожиловъ записаны также Чириковымъ въ неизданной его рукописи о В. Н. Каразинѣ.

5) Фортунатовъ. Русс. Арх. 1867 г., стр. 1678. Герценъ. Полярная Звѣзда, 1862 г. Лондонъ. Сахаровъ. Тоже принимаетъ Шильдеръ. Имп. Ал. I, II, 32 -33.

Почему же „только?“ Развѣ записка не имѣетъ значенія для характеристики Каразина? Развѣ не заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, который заставлялъ преклоняться предъ Каразинымъ такихъ людей какъ Герценъ?

Кто серьезно интересуется личностью В. Н. Каразина, пусть непремѣнно прочтетъ записку 1801 года полностью, только тогда можно почувствовать всю ея силу [1]). Мы передадимъ лишь нѣсколько выдержекъ.

Первыя страницы представляютъ исповѣдь отношенія автора къ родинѣ, его безпредѣльную, горячую любовь къ ней, т. е. тѣ побужденія, которыя толкнули его отважиться на рискованный шагъ. Шагъ этотъ— тѣ смѣлыя слова, которыя болѣе столѣтія тому назадъ рѣшился дать въ руководство монарху мелкій богодуховскій дворянинъ. Каразинъ заявилъ самодержцу, что онъ не долженъ ради „удовольствія самовластія жертвовать надеждою народовъ и славою, которая ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ“, что онъ долженъ „раскрыть великую книгу судьбы нашей, которую указалъ перстъ Екатерины“, „дать намъ непреложные *законы* и клятвою утвердить ихъ въ роды родовъ“... „Онъ скажетъ Россіи: *се предѣлъ самодержавія моего и моихъ наслѣдниковъ,* навѣки нерушимый!... И Россія войдетъ наконецъ, въ число державъ монархическихъ, *и желѣзный своенравія скипетръ не возможетъ сокрушить скрижалей ея завѣта* (страницъ ея законовъ)“. Государь навѣрно учредитъ правый независимый судъ изъ людей умудренныхъ опытомъ, *„удѣливъ имъ избытокъ своей власти* на охраненіе святыхъ *законовъ* отечества“, „уменьшитъ дворъ свой, изженетъ изъ него сонмы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достоянія имперіи имъ принадлежатъ, и что они преимущественное имѣютъ право на милости государя по одному тому, что случай поставилъ ихъ близъ его особы“.

„Какъ наисовершеннѣйшіе законы останутся безполезными въ народѣ развращенномъ и чуждыми смысла въ народѣ невѣждъ, то, безъ сомнѣнія, обратитъ онъ свою внимательность на *воспитаніе послѣднихъ состояній своихъ подданныхъ*... такъ какъ *не жезлъ, денно-нощно властію поднятый, заставитъ исполнять законы, но законы будутъ охраняемы нравами и нравы законами*“.

Помѣщичьимъ крестьянамъ будутъ даны человѣческія права; будутъ „поставлены предѣлы ихъ зависимости“, введено право собственности и тѣмъ самымъ искоренится пьянство и своеволіе „свойственныя отчаянію и безысходному рабству“. Каразинъ ждалъ распространенія и улучшенія земледѣлія и правильнаго лѣсоводства, заселенія пространныхъ степей

[1]) Она напечатана полностью у Шильдера: Имп. Ал. I, т. II, стр. 324—330.

Россіи посредствомъ непринудительнаго вызова жителей изъ сосѣднихъ населеннѣйшихъ мѣстъ при ободреніи ихъ къ переселенію наградами и льготами. Промышленность должна быть поднята не при помощи запретительной системы, а снятіемъ съ мануфактуры и фабрикъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимающихъ охоту заводить новыя. Всѣ граждане „воины, поселяне и прочія состоянія“ должны быть „соединены союзомъ взаимной пользы, братолюбіемъ и подданической обязанностью“. „Вооруженная сила должна выполнять истинное свое назначеніе: охраненіе общаго спокойствія“. „Народы всегда будутъ то, чѣмъ угодно правительству, чтобъ они были. Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ, съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ: онъ имѣлъ ихъ. Петръ Первый желалъ видѣть насъ слѣпыми подражателями иностраннымъ: къ несчастію, мы съ излишествомъ таковыми стали. Премудрая Екатерина начала образовывать *россіянъ*. Александръ, любимецъ народа, довершитъ великое сіе дѣло“.

Но, можетъ быть, для широкой публики записка сама по себѣ, вырванная изъ исторіи, времени и обстановки ея появленія не представляется изъ ряда выдающимся фактомъ; можетъ быть хотѣлось бы видѣть безпристрастное освѣщеніе ея спеціалистомъ историкомъ, которому не можетъ быть брошенъ упрекъ въ „незнаніи исторіи“ и „крайнемъ пристрастіи къ фамиліи Каразиныхъ“ (стр. 4)!—Проф. Кизеветтеръ въ своемъ очеркѣ „Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи“, не упоминая нигдѣ имени Каразина, ставитъ вмѣсто введенія характеристику записки Каразина 22 марта 1801 г.

„Въ достопамятные дни всеобщаго ликованія (вступленія на престолъ императора Александра I) одинъ молодой энтузіастъ тайкомъ проникъ въ кабинетъ государя и положилъ на царскій столъ объемистую рукопись. Рукопись заключала въ себѣ горячую политическую исповѣдь. Крупными и смѣлыми штрихами здѣсь была набросана картина тѣхъ преобразованій, которыя должны создать будущее благоденствіе Россіи. Тутъ говорилось о томъ, что „другъ людей“ Александръ укрѣпитъ въ обществѣ вѣру въ правосудіе, „безъ которой почтенныя слова: гражданинъ, отечество суть пустые звуки на языкѣ отечественномъ“. Здѣсь предсказывался судъ присяжныхъ—судьи, избранные изъ народа—и подчиненіе суда общественному мнѣнію. Здѣсь говорилось о необходимости широкаго распространенія образованія во всѣхъ слояхъ народа: „не въ чертогахъ только—говорилось въ запискѣ—замкнутся науки и художества, они будутъ служить воспитанію *всего* народа, поднятію его благоденствія, послѣ того, какъ Александръ разрѣшитъ узы ума и таланта“. Наконецъ авторъ записки подчеркивалъ неизбѣжность и соціаль-

ной реформы: „Александръ обезпечитъ права человѣчества въ помѣщичьихъ крестьянахъ, введетъ у нихъ собственность, поставитъ предѣлы ихъ зависимости“.

Въ порывѣ увлеченія авторъ записки высказывалъ твердую увѣренность, что всѣ эти великія преобразованія совершатся и завершатся въ теченіе одного царствованія. Онъ и не подозрѣвалъ, что его пылкое перо набросало *программу цѣлаго столѣтія*. Въ самомъ дѣлѣ: преобразованіе суда и управленія на началахъ строгой законности, уничтоженіе крѣпостного права и уравненіе всѣхъ сословій въ ихъ гражданскихъ правахъ, наконецъ, всеобщее обученіе народа и равномѣрное распространеніе просвѣщенія по всей странѣ,—развѣ все это—не тѣ самые вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ упорно и настойчиво работала цѣлая вереница поколѣній русскихъ людей, смѣнявшихъ другъ друга на жизненной сценѣ въ теченіе всего XIX столѣтія? XIX столѣтіе пережито. Сбылись ли, хотя бы теперь, *мечты молодого энтузіаста, устами котораго высказалась вся молодая Россія сто лѣтъ тому назадъ?*“

Проф. Кизеветтеръ не догадался, что авторомъ записки былъ „маньякъ“ (стр. 6).

Таково освѣщеніе содержанія записки независимо отъ обстоятельствъ, среди которыхъ оно фигурировало. Какъ же была принята записка Александромъ I? Рѣшеніе этого вопроса стоитъ въ зависимости отъ того, насколько высказанныя въ запискѣ мысли соотвѣтствовали взглядамъ государя. Мы видѣли, что Каразинъ въ своей запискѣ на первое мѣсто ставитъ идею законности. „Александръ, подготовленный воспитаніемъ къ принятію новыхъ общественныхъ идей, обнаружилъ явное стремленіе на мѣсто слѣпой прихоти и насилія водворить законъ и справеливость. Онъ не побоялся даже открыто высказать, что не признаетъ на землѣ справедливой власти, которая бы не исходила отъ закона“. „При каждомъ удобномъ случаѣ государь выставлялъ принципъ законности, которому охотно подчинялъ неограниченность своей собственной самодержавной власти“ [1]), „онъ хотѣлъ быть философомъ на престолѣ и управлять по законамъ и по сердцу своей бабки“ [2]).—Могъ ли молодой мечтатель императоръ принять отраженіе своихъ идеаловъ въ горячей запискѣ 27-лѣтняго идеалиста такъ хладнокровно, какъ изображаетъ безъ всякихъ основаній для того г. И—въ? Намъ кажется, что гораздо естественнѣе и правдоподобнѣе та редакція пріема Каразина Александ-

---

[1]) Шильдеръ. Имп. Ал. I, т. II, стр. 12, 22, 30 и др. О тождествѣ взглядовъ на ходъ предстоящихъ реформъ въ Россіи Лагарпа и Каразина, см. тамъ же, стр. 33 и 36.

[2]) Проф. Трачевскій. Сем. унив. „Русская исторія“, стр. 136.

ромъ Павловичемъ, которая принята Шильдеромъ, спеціальнымъ историкомъ царствованія этого императора, слѣдовательно, свободнаго отъ обвиненія въ незнаніи исторіи и крайнемъ пристрастіи къ фамиліи Каразиныхъ.

„Каразинъ былъ представленъ императору. „Ты написалъ эту бумагу?"—„Я, государь!"—„Дай обнять тебя и благодарить за благія твои пожеланія мнѣ чувства истиннаго сына отечества! Продолжай всегда такъ чувствовать и дѣйствовать сообразно съ этими чувствами. Продолжай всегда говорить мнѣ правду! Я желалъ бы имѣть побольше такихъ подданныхъ"! Государь прижалъ его къ своей груди, и Каразинъ, рыдая какъ ребенокъ, бросился къ его ногамъ со словами: „клянусь, что буду всегда говорить правду". Александръ усадилъ Каразина и сказалъ, что онъ коснулся въ бумагѣ столькихъ предметовъ, что надобно подумать, съ чего начать работу. „Конечно съ образованія народнаго", отвѣчалъ Каразинъ. Началась продолжительная бесѣда по этому предмету, которая кончилась тѣмъ, что государь велѣлъ ему писать къ себѣ въ собственныя руки—двери кабинета были открыты для него" [1]). Фактъ подобной встрѣчи съ императоромъ Александромъ подтверждается послѣдующимъ его отношеніемъ къ Каразину.

Со своей стороны добавимъ, что приведенный случай свидѣтельствуетъ о безграничной любви Каразина къ родинѣ, ибо притворщикъ не могъ бы писать такъ, какъ писалъ о ней Каразинъ (первые листы записки), что только эта любовь и крайняя вѣра въ святость идеи могла подвинуть Василія Назаровича на актъ гражданскаго мужества, которымъ онъ, ничтожный оффиціально чиновникъ, не скрывая своего характернаго почерка, рискнулъ, обойдя узаконенные пути, дать въ руководство монарху наставленіе, какъ надо царствовать; трактатъ 1801 года свидѣтельствуетъ о недюжинныхъ способностяхъ человѣка, который въ 27-лѣтнемъ возрастѣ далъ историческую программу цѣлаго столѣтія [2]).

---

[1]) Шильдеръ. Имп. Ал. I, II, 35—36. Эта редакція принята всѣми современниками и біографами Каразина.

[2]) Опустивъ исторію съ запиской 1801 г. и придавъ ей мимолетное, произвольное, ничѣмъ не доказанное, ни на что не опирающееся освѣщеніе, г. И—въ изъ этого плода собственнаго воображенія вывелъ одинаково произвольное заключеніе, что „Каразинъ уже считалъ себя *наперсникомъ* государя, „другомъ души Александра" (это извращеніе смысла словъ Каразина, который называлъ государя „другомъ души своей" т. е. Каразина; что „его воображеніе рисовало ему въ перспективѣ чины и ордена и высшій постъ въ Государственномъ Управленіи. У него появилась манія величія, къ которой присоединилась вскорѣ еще манія преслѣдованія". Подобное настроеніе Каразина было слѣдствіемъ его умопомѣшательства, „плодомъ разстроеннаго воображенія мелкопомѣстнаго дворянина". Среди всѣхъ этихъ заключеній г. И—ва нѣтъ ни одного, которое могло бы опереться на документальныя данныя, нѣтъ, конечно, и тѣни правды.

Г. И-въ говоритъ: „Каразинъ создалъ невѣроятную легенду о своей близости къ Александру I“ (стр. 5). Посмотримъ, насколько виноватъ Каразинъ въ „невѣроятной легендѣ“. 7.

Въ день первой встрѣчи съ Государемъ „11 апрѣля 1801 года Каразинъ *за труды, кои были лично извѣстны* блаженной памяти Государю Императору Александру Благословенному пожалованъ *(черезъ чинъ)* въ коллежскіе совѣтники“—„И въ тотъ же день награжденъ богатымъ перстнемъ“.—„За продолженіе оныхъ удостоенъ въ разное время нѣсколькихъ *весьма милостивыхъ собственноручныхъ рескриптовъ* Его Величества“ [1]). Принимая во вниманіе оффиціальное происхожденіе формулярнаго списка, достовѣрность и документальная доказанность котораго была еще разъ оффиціально признана Министерствомъ Юстиціи въ 1829 году, Слободско-Украинскимъ гражданскимъ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства [2]),—мы считаемъ вполнѣ вѣроятнымъ фактъ, принятый біографами Каразина о письменномъ обращеніи къ нему Государя: „Mon cher Karasinn“...

Державинъ свидѣтельствуетъ: „Каразинъ имѣлъ доступъ къ Государю. Онъ показывалъ въ Москвѣ къ нему писанные такіе благосклонные или лучше сказать *дружескіе рескрипты*, что могли привести всякаго въ удивленіе *довѣренностію къ нему монарха*“ [3]).

Анастасевичъ, сослуживецъ Каразина, свидѣтельствуетъ: „*Благоволеніе къ Каразину Государя особенно обнаружилось* въ бытность Александра I въ Москвѣ, для коронаціи“, т. е. лѣтомъ 1801 года. Объ этомъ разсказываетъ *Б.-Каменскій*: „Василій Назарьевичъ незванный явился на балъ къ главнокомандующему графу И. П. Салтыкову, когда ожидали Государя; хозяинъ замѣтивъ его и по особенно рѣзкимъ чертамъ лица и по поступи,

---

Неясностью отличается и слѣдующее заключеніе: „важнѣйшія реформы, совершонныя въ началѣ 19 в.“, Каразинъ связывалъ со своимъ именемъ. Остаются открытыми вопросы: сколько важнѣйшихъ реформъ Каразинъ связывалъ со своимъ именемъ (по нашему счету, одну); въ какой степени связывалъ Каразинъ съ собой реформы. Опуская аргументацію несостоятельности выводовъ проф. Д. И. Багалѣя, какъ не относящуюся къ дѣлу, дадимъ фактически документальную характеристику отношенія Императора Александра I къ Каразину въ первое время послѣ исторіи съ запиской отъ 22 марта 1801 года.

[1]) Формулярный списокъ ст. с. и к. В. Каразина.

[2]) Арх. Харьк. Дв. Деп. Собр. „Дѣло по отношенію здѣшняго Гражд. Губ. къ Губ. Предв. Двор. о дополненіи формулярнаго о службѣ списка с. с. В. Каразина“, по описи дѣлъ Губ. Предв. Дв. 1829 г. № 22, 15 л. Часть переписки, находящейся въ этомъ дѣлѣ напеч. въ майской книжкѣ Рус. Стар. 1905 г.

[3]) Въ Арх. Мин. Вн. Д. найдено представленное Имп. Александру I (кн. Чарторижскимъ) прошеніе Каразина 1804 г.: „*Вы* нѣкогда удостаивали мои порывы самаго лестнаго имени“.

не весьма свѣтской и ловкой, въ такомъ блистательномъ собраніи, послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ спросить, кто онъ и за чѣмъ? В. Н. отвѣчалъ, что онъ самъ доложитъ Его Сіятельству и, подойдя, подалъ ему письмо, оно было отъ Государя, съ выраженіемъ принять его благосклонно. Едва лишь публика имѣла время изъявить удивленіе свое внезапно оказанному отъ графа сему гостю отличному пріему, какъ объявлено о прибытіи Государя. Всѣ бросились на встрѣчу. Государь, вошедши, замѣтилъ Василія Назарьевича, изъявилъ ему рукою знакъ благосклонности и тотчасъ самъ рекомендовалъ его графу; этимъ еще болѣе увеличилось удивленіе собранія". *Д. И. Языковъ* слышалъ отъ бывшаго тогда въ Москвѣ Оберъ-Полиціймейстера *Каверина* такъ: Императоръ Александръ I предварилъ графа И. П. Салтыкова, что будетъ къ нему на вечеръ, но чтобы не было постороннихъ, кромѣ близкихъ и родныхъ графу. Не успѣлъ графъ спросить Василія Назарьевича, какъ онъ тутъ явился къ нему, въ то самое время, когда сказано, что Государь прибылъ, и хозяинъ, съ гостьми своими, поспѣшилъ на встрѣчу высокому гостю, который вошедши и увидѣвъ здѣсь Василія Назарьевича, сказалъ графу, чтобы онъ извинилъ его за непредвареніе о семъ гостѣ, коего ему рекомендуетъ, и всѣ не могли понять тогда сего отличія" (Записка Анастасевича).

А вотъ и собственноручное письмо императора Александра Павловича къ Московскому ген.-губ. гр. И. П. Салтыкову, написанное государемъ *полностью:* „Графъ Иванъ Петровичъ. Вручитель сего коллежскій совѣтникъ Каразинъ оставленъ мною въ Москвѣ на нѣкоторое время для пріисканія въ здѣшнихъ архивахъ историческихъ свѣдѣній. *Онъ мнѣ лично извѣстенъ съ хорошей стороны*, почему и *пріятно мнѣ поручить его въ ваше особенное благорасположеніе.* Пребываю въ протчемъ вамъ доброжелательный Александръ" [1]).

Итакъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ мы считаемъ возможнымъ утверждать, что В. Н. Каразинъ хотя и былъ „мелкимъ чиновникомъ", но это не помѣшало ему, вопреки г. И-ву, пользоваться большимъ, изъ ряда выходящимъ расположеніемъ императора Александра I.

Расположеніе императора выражалось въ довѣріи къ Каразину и во вниманіи къ его голосу. Со словъ современниковъ Каразина извѣстно дѣло одного священника (имени его нельзя установить), который незаслуженно пострадалъ во время пресловутаго харьковскаго инцидента въ послѣдніе дни царствованія императора Павла. Каразинъ сообщилъ о

---

[1]) Русскій Архивъ 1876 г., Январь. Помѣтка: получено 18 Окт. 1801 г.

несправедливости государю, который пожаловалъ пострадавшему орденъ Анны 2 ст. [1]).

Хлопоты Каразина по дѣлу Надаржинской надѣлали въ свое время много шуму въ Петербургѣ. Дѣло было такъ со словъ Державина. Въ Государственный совѣтъ поступило дѣло между Надаржинской и Кондратьевымъ. Послѣдній опровергалъ законное рожденіе дочери Надаржинской (внѣ брака зачатой), неимѣющей, слѣдовательно, права на громадное наслѣдство, на которое и заявлялъ свои притязанія Кондратьевъ. Дѣло склонялось въ пользу Кондратьева, на сторонѣ котораго былъ гр. Зубовъ и его сильнѣйшая въ то время партія. Между тѣмъ, нравственная правда была на сторонѣ Надаржинской и Каразинъ рѣшилъ предотвратить несправедливый исходъ дѣла. „Каразинъ человѣкъ умный и расторопный, но не весьма завидной честности; онъ внушилъ Государю дѣло Надаржинской поручить разсмотрѣнію г. Лагарпа и Державина, какъ людей совѣстныхъ и знающихъ юриспруденцію. *Императоръ на сіе соизволилъ* и гр. В. А. Зубовъ привезъ Державину, когда онъ совсѣмъ не ожидалъ, сіе дѣло *при запискѣ Каразина съ высочайшимъ повелѣніемъ*, чтобы онъ представилъ свое мнѣніе. Державинъ далъ свое мнѣніе въ пользу сей несчастной сироты. Графъ Зубовъ, принесъ къ Государю заготовленный уже указъ въ пользу Кондратьева, но столько былъ благороденъ и *честенъ* [2]), что остановя руку Государя, совѣтовалъ ему потребовать прежде отъ Державина заключенія. По поднесеніи Державинымъ доказательствъ *правости* дѣвицы, состоялся указъ въ ея пользу“ [3]). Государь лично выразилъ сочувствіе кліенткѣ Каразина, пославъ чрезъ него ей подарокъ [4]).

Толкуя на разные лады вышеприведенный случай, *современники* согласны лишь въ одномъ: что въ указанномъ эпизодѣ сильно выразилась близость и вниманіе государя къ Каразину.

Въ ноябрѣ 1801 г. Александръ I „предложилъ Державину множество извѣтовъ о злоупотребленіяхъ, происходившихъ въ Калужской губерніи, чинимыхъ губернаторомъ Лопухинымъ, приказывая, открыть эти злоупотребленія формально, говоря, что по тѣмъ извѣтамъ *нарочно посланными отъ него* подъ рукою *уже ощупаны всѣ слѣды* и остается

---

[1]) Ярославскій. Воспоминанія. Харьк. Сборн. 1887 г. 65—66. Анастасевичъ. Записка о Каразинѣ. Чириковъ, со словъ старожиловъ: Біографія Каразина, неизд. рукопись. Арх. Ист.-Фил. Общ. при Х. Ун.

[2]) Противорѣчіе Державина своему мнѣнію о Каразинѣ.

[3]) Державинъ. Записки, Изд. Акад. Н., т. VI, 774—775.

[4]) Анастасевичъ. Записка о Каразинѣ. Чтенія, стр. 195. Тоже Ярославскій, Чириковъ.

только открыть ихъ *оффиціально*. Государь отдалъ всѣ бумаги, отъ посланныхъ отъ него потаенно для развѣдыванія и повѣрки извѣтовъ къ нему доставленныя, примолвивъ: „еще получишь въ Москвѣ отъ к. с. Каразина. Державинъ прибылъ въ Москву, гдѣ *получилъ отъ помянутаго Каразина* нарочито важныя бумаги, между прочимъ и *подписку секретно именемъ Государя истребованную* отъ помѣщика Гончарова. Гончаровъ все подъ присягой объявилъ Каразину, а онъ отдалъ подписку для обличенія преступника Державину, какъ равно и другія бумаги, доказывающія преступленія губернатора. Открылись злоупотребленія губернатора: въ покровительствѣ смертоубійства за взятки, въ отнятіи имѣнія, въ разореніи завода“ и т. д. [1]).

На основаніи приведенныхъ засвидѣтельствованныхъ фактовъ мы считаемъ основательнымъ заключеніе, что въ 1801 и началѣ 1802 г. Каразинъ пользовался большой близостью къ императору Александру и ему оказывалось государемъ довѣріе въ нѣкоторыхъ случаяхъ близкое къ неограниченному [2]).

Послѣ того какъ мы нѣсколько познакомились съ характеромъ „изслѣдованія“ г. И-ва—, его неосвѣдомленностью въ вопросѣ, умалчиваніемъ и подтасовкой обрѣзанныхъ фактовъ, и произвольными заключеніями,—перейдемъ къ критикѣ его выводовъ объ оффиціально общественной дѣятельности Каразина въ періодъ 1802—1804 г.г. При томъ считаемъ нужнымъ заявить, что задача преслѣдуемая этой статьей, есть разборъ обвиненій, касающихся только В. Н. Каразина.

Отдавая должную справедливость общему заключенію акад. Пыпина, что „Александръ оставался главнымъ дѣятелемъ“ (стр. 7) при введеніи реформъ, мы полагаемъ, что оно не исключаетъ возможной и неизбѣжной частности. Именно, если императоръ Александръ являлся главнымъ виновникомъ общихъ государственныхъ мѣръ, какъ то—вопроса о министерствахъ, о необходимости поднять образованіе учрежденіемъ университетовъ, то это нисколько не устраняетъ возможности утверждать, что на рѣшеніе вопроса о количествѣ, напр., университетовъ, ихъ программахъ или о выборѣ города для южно-русскаго университета, могла имѣть сильное вліяніе инціатива частная, а также лицъ съ широкой исполнительной властью. Дѣйствительно, всѣ указанные вопросы перерѣшались въ учебныхъ комитетахъ по нѣскольку разъ въ зависимости отъ частныхъ вліяній и обстоятельствъ.

---

[1]) Державинъ. Записки. 764—767 стр.

[2]) См. также Данилевскій, Укр. Стар , 121; Шильдеръ II, 36 и др.

Еще до учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія Неоф- 8.
фиціальный Комитетъ Александра I среди общей „работы надъ реформой государственной администраціи" посвятилъ вопросу о народномъ просвѣщеніи 4 засѣданія; первое было 23 дек. 1801 г., послѣднее 12 мая 1802 г. [1]) Нѣтъ основаній предполагать, что въ это время Каразинъ окончилъ составленіе какого либо отдѣльнаго проекта по организаціи народнаго просвѣщенія. Но остается фактомъ, что еще въ мартѣ 1802 года Каразинъ работалъ въ этомъ направленіи въ особо учрежденномъ Комитетѣ. Этотъ особый Комитетъ былъ учрежденъ 18 марта 1802 г. для пересмотра уставовъ двухъ академій и Московскаго университета. Онъ состоялъ изъ М. Н. Муравьева, гр. Потоцкаго, пр. Баузе и дѣлопроизводителя Каразина. Въ результатѣ работъ Комитета появился проектъ новаго устава Московскаго университета, который обсуждался въ засѣданіи Министерства Народнаго Просвѣщенія (коммиссіи объ училищахъ) 18 октября 1802 года [2]). Въ частномъ письмѣ отъ 2 мая 1802 г. Каразинъ пишетъ о работахъ своихъ надъ академическими уставами и о томъ, что только „принялся было за начертаніе плана къ Харьковскому университету", которое на время оставилъ. Во всякомъ случаѣ, заключеніе г. И-ва, что въ это время „Каразинъ несомнѣнно чрезъ придворныхъ лакеевъ подавалъ Александру свои проекты" (стр. 8)—совершенно произвольно.

Разбираемъ далѣе заключенія г. И-ва. „Замѣчательно, что Александръ Павловичъ въ письмѣ къ Лагарпу, перечисляя ему своихъ сотрудниковъ по дѣлу народнаго просвѣщенія, упоминаетъ о Завадовскомъ, Муравьевѣ, Новосильцевѣ, Клингерѣ, Чарторижскомъ, но ни слова о Каразинѣ". Обращаемся къ упомянутому письму Александра къ Лагарпу: „Сожалѣнія ваши... о назначеніи Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія (т. е. дѣло идетъ уже о концѣ 1802 г.) весьма бы уменьшились, еслибъ вамъ извѣстна была организація его министерства. Оно ничтожно. *Это совѣтъ*, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторижскаго, Новосильцева и другихъ—т. е. Хитрово, Озерецковскаго, Фуса и Каразина [3])—*который всѣмъ управляетъ; нѣтъ бумаги, которая бы не была обработана ими, нѣтъ человѣка назначеннаго не ими*" [4]). Это

---

[1]) Историч. обз. дѣят. Мин. Нар. Просв. 1802—1902 г. составленъ по журналамъ Архива Мин. Нар. Просв. С. В. Рождественскій. СПБ. 1902 г. стр. 32—35.

[2]) Тамъ же, стр. 56.

[3]) Указъ 8 сентября 1802 года.

[4]) „Завадовскій ничтоженъ и посаженъ въ Министерство только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ". Тоже письмо.

письмо скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ уничтожаетъ дѣятельность Каразина въ министерствѣ [1]).

„Манифестъ Императора Александра Павловича, 8 сентября 1802 года, преобразовавшій систему высшей администраціи Россіи, *впервые* сосредоточилъ управленіе народнымъ просвѣщеніемъ въ *особомъ самостоятельномъ вѣдомствѣ*". „Положеніе Коммиссіи училищъ (Имп. Екатерины II) было недостаточно устойчиво и опредѣленно: во все время своего существованія (до 1802 г.) она имѣла характеръ скорѣе временнаго, чѣмъ постояннаго учрежденія, органически входившаго въ составъ высшаго государственнаго управленія" [2]).

9. Ни спеціальныя изслѣдованія, ни документальныя данныя (исключая свидѣтельства самого В. Н. Каразина) не подтверждаютъ того, что В. Н. Каразинъ *первый или одинъ* далъ идею отдѣльнаго Министерства Н. Пр. и своими трудами положилъ дѣйствительное существованіе его. Уже въ годъ воцаренія имп. Александра I (23 дек. 1801 г.) Неоффиціальный Комитетъ, состоявшій изъ друзей государя, занимался обсужденіемъ постановки образованія въ Россіи и разсматривалъ по этому предмету записку Лагарпа. 12 мая 1802 г. происходило обсужденіе проектовъ гр. Воронцова и Строганова по учрежденію отдѣльнаго вѣдомства Народнаго Просвѣщенія и окончательное опредѣленіе названія учрежденія, которое послѣ нѣкотораго спора, въ коемъ не упоминается имени Каразина, положено было назвать Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія [3]). То обстоятельство, что В. Н. Каразинъ составилъ одинъ изъ проектовъ Министерства, какъ увидимъ, очень вѣроятно.

Самъ Василій Назаріевичъ считалъ себя всецѣло виновникомъ учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія и вотъ нѣкоторые его доводы: „Оффиціальнымъ доказательствомъ того, что я былъ *первоначальною* причиною не только Харьковскаго университета, но и всего Департамента Народнаго Просвѣщенія, можетъ служить Высочайшій указъ 8 сентября 1802 г. [4]), въ которомъ *я одинъ* (въ лицѣ правителя дѣлъ

---

[1]) Вѣдь если лишь *поименованныя* въ письмѣ лица были „сотрудниками по дѣлу народнаго просвѣщенія", то будучи послѣдовательнымъ, прійдется заключить, что проекты „такихъ высокообразованныхъ людей, какъ академики Озерецковскій и Фусъ" не удостоивались другого мѣста, кромѣ корзины подъ столомъ (стр. 10, 8). А съ этимъ не согласится даже г. И—въ.

[2]) Рождественскій. Историч. Обз. Мин. Н. Пр. стр. 1, 27; сост. на основ. журналовъ и архива Министерства.

[3]) Рождественскій. Ист. Обз. М. Н. Пр. стр. 32—33, 34—35. Также см. Е. Шмидъ. Ист. ср. уч. зав. въ Росс. СПБ., 1878, стр. 9.

[4]) Этимъ указомъ „назначенъ былъ личный составъ *руководящихъ* дѣятелей новаго министерства: графъ Завадовскій, М. Н. Муравьевъ, князь Чарторижскій, графъ

коммиссіи объ училищахъ) именованъ на ряду съ членами и министрами, назначенными *въ тотъ же день*. Воля Государя въ семъ случаѣ не могла быть безъ особливой причины—всего меньше по представленію тѣхъ лицъ, кои сами въ тотъ же день назначены, слѣдовательно не успѣли еще ни о чемъ докладывать—и я думаю, что *это единственный примѣръ въ своемъ родѣ. Назначеніе директоровъ и правителей канцеляріи свойственно быть не иначе, какъ по докладу, подписанному завѣдующими министрами.* Въ дѣлахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія есть еще одно отношеніе Михаила Никитовича Муравьева отъ 12 ноября 1802 г. за № 1924 къ министру, доказывающее то-же. Прочее не выходило изъ комнаты Его Величества, слѣдовательно не можетъ быть предметомъ ссылки. Одинадцати бумагъ, представленныхъ графу Виктору Павловичу (Кочубею) въ концѣ 1804 г. помнится и въ томъ числѣ одной рѣшительной по сему дѣлу, я не получалъ обратно, равно какъ и другихъ для меня и моего семейства довольно важныхъ, которыя взяты были тайною экспедиціею въ несчастную ночь съ 26 ноября 1820 г. въ Петербургѣ" [1]. Прежде чѣмъ не опровергнетъ критика приведенные доводы Каразина, было бы несправедливо заключить разъ навсегда о непричастности В. Н. Каразина къ рѣшенію вопроса объ учрежденіи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Намъ же кажется вѣроятнымъ, что если на ряду съ академиками, генералами, князьями и графами въ новое Министерство былъ назначенъ только одинъ *коллежскій совѣтникъ* Каразинъ, то такое назначеніе вѣроятно имѣло какое-нибудь основаніе вродѣ предварительныхъ работъ его по соотвѣтствующему вопросу.

„Спрашивается,—говоритъ г. И—въ, могъ ли имѣть вліяніе *мало-* 10.
образованный коллежскій совѣтникъ въ томъ учрежденіи, гдѣ засѣдали такіе высокообразованные люди, какъ академики Озерецковскій и Фусъ?" (стр. 10).

Что чинъ коллежскаго совѣтника не могъ служить препятствіемъ вліянію В. Н. Каразина на ходъ дѣлъ въ новомъ учрежденіи, едва ли надо доказывать. Въ такомъ же небольшомъ чинѣ Каразинъ былъ очень близокъ къ самому Государю.

Объ образованіи Каразина, не вдаваясь въ многочисленные восторженные отзывы современниковъ, доподлинно извѣстно, что онъ прекрасно зналъ французскій, нѣмецкій языки, а съ латинскимъ былъ зна-

---

Потоцкій, генералъ-маіоръ Клингеръ, генералъ-маіоръ Хитрово, академикъ Озерецковскій, академикъ Фусъ и *коллежскій совѣтникъ* Каразинъ". Рождественскій, стр. 37.

[1]) Письмо къ кн. А. А. Долгорукову 8 іюля 1829 г.

комъ чисто научно. На первомъ Каразинъ писалъ статьи научнаго содержанія, между прочимъ, и для иностранныхъ журналовъ [1]), свободно изъяснялся на второмъ, а на сочиненіе написанное по латыни писалъ рецензію „по порученію Общества Любителей Россійской Словесности", почетнымъ членомъ котораго былъ избранъ [2]). Хорошо былъ знакомъ съ литературой, исторіей, которой занимался въ архивахъ и по которой собралъ богатѣйшую библіотеку рукописей. Нечего и говорить о познаніяхъ Каразина въ естествознаніи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова [3]). На почвѣ науки Каразинъ познакомился съ Карамзинымъ, Погодинымъ, Ремановъ, Бецкимъ, митрополитомъ Евгеніемъ и мн. др. Даже біографъ — неблагопріятель заявляетъ, что „Каразинъ обладалъ рѣдкимъ для своего времени разностороннимъ образованіемъ". Не даромъ Василій Назарьевичъ *былъ выбранъ почетнымъ членомъ семи ученыхъ учрежденій своего времени.*

Итакъ, образованный правитель дѣлъ Министерства народнаго просвѣщенія *могъ* имѣть вліяніе въ немъ.

„Совѣтъ министра являлся яркимъ выразителемъ реформаторскихъ стремленій правительства. Его членами были: Муравьевъ, Новосильцевъ, Чарторижскій, Строгановъ, Потоцкій, Клингеръ, Озерецковскій, Фусъ. Правителемъ дѣлъ Комиссіи былъ В. Н. Каразинъ, имя котораго связано съ основаніемъ Харьковскаго университета. Въ этомъ составѣ главныхъ дѣятелей новоучрежденнаго министерства ясно различаются двѣ группы лицъ: одна—это ближайшіе друзья Государя, члены Неоффиціальнаго Комитета; имъ принадлежало руководящее вліяніе; ихъ участіе сообщало Министерству Народнаго Просвѣщенія особенный авторитетъ и независимость въ осуществленіи его плановъ. Другую группу составили ученые спеціалисты и *практическіе дѣятели, выносившіе на своихъ плечахъ всю тяжесть исполнительной работы*".

Послѣдняя фраза въ значительной степени относится къ Каразину. Первой обязанностью Министерства, согласно указу 8 сентября, было „сочинить правила, на которыхъ должны быть основаны сношенія и зависимость окружныхъ училищъ отъ центральныхъ университетовъ" [4]). „Для того, чтобы дать университетамъ окончательное устройство въ связи со

---

[1]) Это не пропущенный цензурой рядъ статей о Польскомъ вопросѣ 1839 г. На французскомъ языкѣ написана статья о Сербахъ, проектъ Харьковскаго университета (для кн. Чарторижскаго, который зналъ этотъ языкъ лучше, чѣмъ русскій), О метеорологіи, О учебной системѣ въ Россіи и множество другихъ.

[2]) Соревнователь просвѣщенія 1820 г., кн. II.

[3]) Все это доказывается многочисленными научными изслѣдованіями Каразина.

[4]) Сборн. постановленій по Мин. Н. Пр. т. I, стр. 4—5.

всѣми учебными заведеніями, приступлено къ разсмотрѣнію *общаго плана народнаго воспитанія, который составленъ подъ руководствомъ Комиссіи правителемъ дѣлъ ея В. Н. Каразинымъ"* [1]). Изъ журнала Комиссіи Училищъ за 1802 г. видимъ, что „въ засѣданіи 4 октября 1802 г. Комиссія поручила правителю дѣлъ приготовить *общій планъ* гимназій, *согласивъ мнѣнія* Клингера, Озерецковскаго, Фуса, Янковича и Чарторижскаго, составленныя по частнымъ вопросамъ". „Каразинъ быстро исполнилъ возложенное на него порученіе. 11 октября Комиссія приступила къ обсужденію *представленнаго имъ „Предначертанія устава объ общественномъ воспитаніи"*, начавъ со статей о начальныхъ, уѣздныхъ и губернскихъ училищахъ, а въ слѣдующемъ засѣданіи 18 октября, перейдя къ постановленіямъ объ университетахъ". Въ началѣ 1803 года былъ готовъ общій планъ учебной системы, Высочайше утвержденный 24 января подъ именемъ „Предварительныхъ Правилъ Народнаго Просвѣщенія" [2]).

„Другой работой В. Н. Каразина, уже совершенно самостоятельной, было составленіе первоначальнаго университетскаго устава. 7 февраля 1803 года „члены главнаго правленія училищъ [3]) признали нужнымъ составить проэктъ общаго устава университетовъ, который бы могъ служить образцомъ для частныхъ и положили: взявъ за основаніе *предначертаніе университетскаго устава составленнаго Каразинымъ*, главу объ учебной части поручить Фусу, главу о внутренемъ управленіи университета Озерецковскому, главу объ управленіи училищъ Янковичу, а главу о хозяйственной части предоставить Клингеру" [4]).

На основаніи указаній Сухомлинова Н. А. Лавровскій приписываетъ Каразину *основныя мысли*, какъ въ „предначертаніи устава объ общественномъ воспитаніи", позднѣйшихъ „Предварительныхъ Правилахъ Н. Пр.", такъ и въ „предначертаніи университетскаго устава". Приведенныя новыя данныя еще болѣе дѣлаютъ вѣроятнымъ подобное заключеніе [5]).

---

[1]) Сухомлиновъ. Матеріалы для ист. образ. т. I, стр. 59—60.

[2]) Рождественскій. Ист. обз. М. Н. Пр. стр. 49—50.

[3]) Съ 8 сентября 1802 г. Министерство Народнаго Просвѣщенія управлялось возстановленной „Комиссіей Училищъ", которая съ 24 Января 1803 г. называется уже „Главнымъ Правленіемъ училищъ".

[4]) Сухомлиновъ. Матеріалы. I, 60. Тоже: Рождественскій, Ист. обз., 56.

[5]) Обращаемъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: въ основу Предварительныхъ Правилъ полагалась идея общеобразовательной школы, необходимой „для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія". Первый пунктъ (нравств. образ.) особенно подчеркивалъ Каразинъ въ запискѣ 22 марта 1801 года; второй (образов. соотвѣтственно обязанност. и польз. кажд. сосло-

Согласно желанію императора графъ Завадовскій 4 октября 1802 г. предложилъ князю Чарторижскому „заняться соображеніемъ всего, касающагося до университета Виленскаго, слѣдуя тому расположенію, какое имѣла бывшая въ Польшѣ Эдукаціонная Коммиссія“ [1]). Если принять во вниманіе, что Чарторижскій былъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ и, назначенный членомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, „очутился,—по его словамъ,—въ положеніи воина, брошеннаго дружескою рукою и случаемъ въ чужіе ряды“ [2]), то этимъ подтверждается свидѣтельство о новыхъ серьезныхъ трудахъ Каразина въ званіи Правителя Дѣлъ Коммиссіи: „Занятія мои съ Василіемъ Назаровичемъ,—пишетъ Анастасевичъ,—состояли въ нѣкоторыхъ проэктахъ для образованія Харьковскаго университета и, *въ особенности*, по канцеляріи князя Чарторижскаго, также въ приготовленіи диплома и общихъ уставовъ для преобразованія Виленскаго университета и его округа, по прежнимъ уставамъ бывшей училищной (эдукаціонной) коммиссіи, существовавшей въ послѣдніе годы (до 1794 г.) прежняго Польскаго Правительства съ примѣненіемъ ихъ къ настоящему времени; а когда образовалась часть Виленскаго округа (т. е. съ 24 января 1803 г.), то мои служебныя сношенія съ Василіемъ Назаровичемъ продолжались, какъ съ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ“ [3]).

Можно указать еще на одну работу В. Н. Каразина: „8 августа 1803 года Главное Правленіе постановило „приступить къ сочиненію

вія) настойчиво проводилъ въ уставѣ Харьковскаго университета и письмѣ къ Реману. „Въ заключеніе „Предварительныя Правила“ (редактированныя Каразинымъ) призывали „всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ“ вспомоществовать правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ“. (Рождественскій, стр. 51). Призывъ къ общественной иниціативѣ въ дѣлахъ, клонящихся къ общей пользѣ—характерный пріемъ Каразина, который онъ употреблялъ въ продолженіи всей жизни (при устроеніи Харьковскаго университета, образованія филотехническаго общества, организаціи ученыхъ изданій, разныхъ промышленныхъ предпріятій, общественной благотворительности и т. д.). Приведенныя соображенія подтверждаютъ серьезное участіе Правителя Дѣлъ Министерства В. Н. Каразина въ составленіи Предварительныхъ Правилъ Н. Пр. (Можно было бы привести еще нѣсколько общихъ мыслей, проведенныхъ въ Предварит. Прав., и тождественныя имъ общія мысли Каразина о народномъ просвѣщеніи, проведенныя въ письмѣ къ Реману и Предначертаніи Харьковскаго университета. Въ Предварительныхъ Правилахъ встрѣчаются характерныя выраженія и слова В. Н. Каразина).

[1]) Рождественскій, Ист. обз М. Н. Пр., стр. 50.

[2]) Рождественскій, 39.

[3]) На тѣ же работы В Н. Каразина указываетъ и Сухомлиновъ, Мат., стр. 28. Сравн. о томъ же критическія замѣчанія въ пользу Каразина Н. А. Лавровскаго: Журн. Мин. Н. Пр. 1873 г., февраль, стр. 298.

проэкта такого наказа, въ коемъ бы предписаны были подробнымъ и опредѣленнымъ образомъ должности вообще Главнаго Училищъ Правленія, и въ особенности попечителей и ихъ сочленовъ". Сочиненіе проэкта поручили Каразину. Но чѣмъ кончилось это дѣло изъ журналовъ Главнаго Правленія не видно" [1]).

Приведенныя данныя показываютъ ясно, что В. Н. Каразинъ, будучи Правителемъ Дѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, оказывалъ серьезное вліяніе на ходъ дѣлъ этого учрежденія, редактируя и составляя наравнѣ съ прочими членами Министерства проекты первостепенной важности [2]).

Формулярный списокъ Каразина гласитъ: „22 сентября 1803 года, *за особливые труды* по комитету составленія ученымъ въ Россійской имперіи заведеніямъ новыхъ уставовъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени".

Чтобъ не прерывать вставкою предстоящій разсказъ о возникно- 12
веніи Харьковскаго университета, скажемъ сперва о томъ положеніи, какое занималъ Каразинъ среди слободско-украинскаго дворянства въ 1801—1802 годахъ.

По вступленіи на престолъ императора Александра I слободско-украинское дворянство рѣшило отправить къ государю депутацію для ходатайства предъ Высочайшею властью о подтвержденіи спеціальныхъ привилегій слободского дворянства. Губернское собраніе происходило 31 мая 1801 года, т. е. въ то время, когда „случай" Каразина и близость его къ императору были въ Харьковѣ послѣдней злобой дня. Этимъ только можно объяснить, что на ряду съ губернскимъ предводителемъ Донецъ-Захаржевскимъ и Яснопольскимъ (исп. об. уѣздн. предв.) былъ избранъ депутатомъ колл. сов. В. Н. Каразинъ, котораго не было въ то время въ Харьковѣ. Съѣхавшись въ Москвѣ (Каразинъ изъ Петербурга, прочіе изъ Харькова), депутаты въ октябрѣ 1801 г. принесли государю просьбу, послѣ чего, не дожидаясь конца дѣла, Захаржевскій и Яснопольскій передали оффиціальной бумагой свои полномочія Каразину, поручая ему окончить предпріятіе, а сами возвратились въ Харьковъ. 12 ноября

---

[1]) Рождественскій. Ист. обз., стр. 54—55.

[2]) Въ концѣ 1804 года черезъ кн. Чарторижскаго Императору Александру представлена была записка Каразина, въ которой, между прочимъ, значится: „мои порывы *Вы* нѣкогда удостоивали самаго лестнаго имени"... „я былъ единственнымъ письмоводцемъ по части Департамента Просвѣщенія, отъ самаго его такъ сказать зарожденія въ умѣ *Вашемъ* до окончанія послѣднихъ, знатнѣйшихъ (главнѣйшихъ) его учрежденій, безпосредственно по отставкѣ моей на *Высочайшее Ваше* утвержденіе поднесенныхъ". Тотъ ли смыслъ въ этой фразѣ, который придалъ обрывку ея г. И—въ? (стр. 10).

Губернскій предводитель давалъ обо всемъ выше сказанномъ отчетъ уѣзднымъ, сообщивъ, что начатыя по порученію дворянъ и неоконченныя дѣла будетъ вести одинъ Каразинъ [1]). 29 декабря 1801 года Государь подписалъ дворянамъ Слободско-Украинской губерніи грамоту на просимыя ими привилегіи [2]). Эту грамоту В. Н. Каразинъ лично препроводилъ губернскому предводителю въ іюнѣ 1802 года [3]).

Теперь перейдемъ къ вопросу о роли Каразина въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета.

11. „Въ то время (1802 г.), пишетъ Лавровскій, выборъ Харькова дѣйствительно не могъ прійти въ голову никому, кромѣ Каразина, и въ этомъ заключается важная заслуга, оказанная имъ нашему городу“ [4]).

Дѣйствительно, еще въ царствованіе Императрицы Екатерины II было двѣ попытки основать университетъ на югѣ Россіи: въ 1784 г.— въ Екатеринославѣ, въ 1786 г.—въ Черниговѣ [5]). Не останавливаясь на статистическихъ данныхъ, скажемъ только, что Харьковъ въ то время былъ слишкомъ незначительнымъ городкомъ, чтобы выборъ палъ на него. Немного шагнулъ впередъ Харьковъ и къ 1802 году. Отзывы современниковъ о состояніи города не лестны [6]). По количеству жителей онъ уступалъ даже уѣзднымъ городамъ Ахтыркѣ и Валкамъ, не говоря

---

[1]) „Дѣло объ отправленіи депутатовъ въ Москву для принесенія императору Александру I благодарности за подтвержденіе грамоты дворянамъ“ 1801 г. № 6. Арх. Харьк. Двор. Деп. Собр. Дѣло это мы разсматривали лично.

[2]) Ильяшевичъ. Очеркъ исторіи Харьковскаго Дворянства. X. 1885, стр. 69.

[3]) Изъ Арх. Харьк. Двор. Деп. Собр. напеч. проф. Багалѣемъ: „Опытъ исторіи Харьк. унив.“ I, 55.

[4]) Это заключеніе возмущаетъ г. И-ва, онъ указываетъ на преимущества Харькова и, прибавляя, для вящшей убѣдительности, такія, какихъ въ Харьковѣ не существовало (напр., Семинарію) говоритъ: „Можно ли послѣ этого говорить, что Харьковъ въ началѣ 19 в. былъ городомъ, мало извѣстнымъ (!) въ Петербургѣ! Нѣтъ, всѣ усилія Каразиныхъ и ихъ пріятелей, а вслѣдъ за ними и историковъ, прославить В. Н. Каразина, какъ основателя Харьковскаго университета, не имѣютъ никакихъ историческихъ основаній. *Историческая* правда заключается въ слѣдующемъ“—слѣдуетъ рядъ ошибокъ и извращеній (см. ниже).

[5]) Загоскинъ. Исторія Казанскаго университета. Казань 1902. Т. I, стр. X. С. В. Рождественскій. Ист. обз., стр. 25--26.

[6]) Тимковскій, увидѣвъ Харьковъ, отозвался о немъ такъ: „городъ только лишь выходитъ изъ состоянія дикой необразованности“. Де-Пуле говоритъ о Харьковѣ начала XIX в., какъ о глухомъ степномъ городкѣ, уступавшемъ далеко даже Бѣлгороду. Роммель сильно жалуется въ своихъ запискахъ на весеннюю харьковскую грязь, побудившую университетъ учредить для студентовъ „грязные каникулы“. Среди иностранныхъ профессоровъ возникъ даже проектъ о переводѣ университета въ Кіевъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій Харькова (Роммель). См. „Опытъ“ проф. Д. И. Багалѣя, I, 14—15.

ужъ о Екатеринославѣ, Таганрогѣ, Черниговѣ, Одессѣ [1]). Въ административномъ отношеніи онъ приближался къ Екатеринославу, въ торговомъ—къ Таганрогу, Одессѣ, но „имѣлъ значеніе скорѣе пограничнаго склада, чѣмъ центральнаго пункта", какъ замѣтилъ И. С. Аксаковъ. Во всѣхъ отношеніяхъ, а также какъ просвѣтительный центръ, Харьковъ сильно уступалъ Кіеву (и Казани) [2]).

Сравнимъ эти города какъ просвѣтительные центры. Въ Харьковѣ съ 1797 года существовало главное народное училище (преобразованное позже въ 1-ую Харьковскую гимназію); съ 1726 г. Коллегіумъ (преобразованный въ 1841 году въ Семинарію). Въ Кіевѣ главное народное училище существовало раньше Харьковскаго (съ 1789 г.), но онъ имѣлъ огромное преимущество передъ Харьковомъ, обладая *высшимъ учебнымъ заведеніемъ* знаменитой Кіевской Академіей, насчитывавшей свыше 200 лѣтъ существованія (съ послѣднимъ названіемъ отъ 1701 г.), издававшей въ концѣ XVIII ст. свой научный журналъ. Всѣмъ извѣстно просвѣтительное значеніе для южной Руси Кіевской Академіи. За Кіевъ была также традиція прежней „матери городовъ русскихъ" и значеніе всероссійскаго религіозно-нравственнаго центра. Что жъ особеннаго было въ молодомъ Харьковѣ, чтобы предпочесть его Кіеву, какъ мѣсто для учрежденія южно-русскаго университета?

---

1) Въ Харьковѣ въ 1802 г. числилось 5378 душъ, Валкахъ 5392, Ахтыркѣ 6309, Таганрогѣ отъ 8 до 10 тыс., Екатеринославѣ въ 1804 г. 6389, Одессѣ 9 тыс. и т. д. Годовой доходъ Харькова достигалъ лишь 10 тыс. руб. По числу народныхъ школъ Харьковъ стоялъ ниже многихъ уѣздныхъ, изъ которыхъ первымъ въ этомъ отношеніи былъ Сумы. Здѣсь же возникъ и первый литературный кружокъ А. А. Палицына и еще въ 60-хъ годахъ XVIII ст. была мысль объ устройствѣ университета въ Сумахъ.

2) Строго говоря конкурентомъ Харькова (какъ мѣсто для учрежденія южно-русскаго университета) являлся Кіевъ; онъ насчитывалъ 19—30 тыс. жителей (1796—1800 гг.); Харьковъ 5373 (1802 г.); въ Харьковѣ 4 ярмарки, въ Кіевѣ 5, къ которымъ съ 1797 г. изъ Дубно перенесены знаменитые „контракты" съ милліонными оборотами (была даже спеціальная громадная *биржа*, такъ наз. контрактовый домъ); въ концѣ XVIII ст. въ Кіевѣ былъ организованъ первый кіевскій банкъ, съ капиталомъ, достигшимъ 600 тыс. руб. Доходъ Кіева въ концѣ XVIII ст достигалъ 46,830 р.; расходъ, въ связи съ сильнымъ прогрессомъ города, въ 1800 г. равнялся 140 т. руб. Доходъ Харькова въ 1802 г. не превышалъ 10 т. руб. Съ 1782 г. въ Кіевѣ учреждено намѣстничество (генералъ-губернаторство). Иконниковъ, Кіевъ въ 1654—1855 гг. 70, 79, 87, 80, 81 стр.

Для полноты разбора брошюры г. И-ва скажемъ, что кадетскіе корпуса дворянство одновременно (1801 г.) предположило открыть въ нѣсколькихъ городахъ; для остановки въ Харьковѣ императрицы Екатерины II, дѣйствительно, строили „нарочито" домъ, строили потому, что въ городѣ не было ни одного сколько-нибудь пригоднаго для остановки императрицы помѣщенія.

И дѣйствительно, Комиссія училищъ [1]) въ засѣданіи 20 сентября 1802 года признала возможнымъ „на первое время учредить одинъ университетъ въ городѣ Кіевѣ или въ Казани, потому что въ первомъ изъ нихъ учреждена Академія, а во второмъ существуетъ обширная гимназія, (съ 1758 г.) слѣдовательно, найдется довольно учащихся, способныхъ проходить университетскій курсъ; въ прочихъ же городахъ, учредить на первый разъ гимназіи, въ коихъ бы учащіеся могли приготовить себя къ университетскимъ лекціямъ“ [2]). Неожиданно рѣшеніе Комиссіи подверглось измѣненію: Кіевъ университета не получилъ, второй же университетъ рѣшено было открыть въ Харьковѣ—„*во уваженіе патріотическаго приношенія предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи*“ [3]). 30 сентября 1802 г. была уже оффиціально получена въ Харьковѣ благодарность Государя дворянству, который принималъ пожертвованіе „на устроеніе въ Харьковѣ университета“ [4]). Такимъ образомъ вопросъ объ университетѣ въ Харьковѣ Высочайше былъ рѣшенъ въ концѣ сентября 1802 г., иначе говоря, Харьковскій университетъ учреждался вторымъ по очереди русскимъ университетомъ. Указомъ 24 января 1803 г. Высочайше былъ утвержденъ третій русскій университетъ—Казанскій.

Итакъ, вопросъ объ университетѣ въ Харьковѣ получилъ разрѣшеніе ранѣе, чѣмъ вопросъ объ университетахъ въ Кіевѣ и Казани, несмотря на фактическую и оффиціально признанную (20 сент. 1802 г.) неподготовленность Харькова въ сравненіи съ этими городами. Въ то же время изъ цитированныхъ данныхъ ясно, что такое рѣшеніе вопроса было непосредственно связано съ пожертвованіями на него Харьковскаго общества.

Теперь остается выяснить, гдѣ причина того безпримѣрнаго факта, что только въ харьковскомъ обществѣ пробудилась мысль объ университетѣ, поддержанная полумилліоннымъ пожертвованіемъ. Почему не было этого хотя бы въ Кіевѣ и Казани, которые далеко оставляли за собой Харьковъ какъ просвѣтительные центры, гдѣ общество должно было быть болѣе просвѣщено и подготовлено къ подобному дѣйствію.

Для рѣшенія этого вопроса разумнѣе всего прослѣдить—гдѣ и когда впервые встрѣчается мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ университета и каково ея развитіе.

---

[1]) Такъ назывался первое время департаментъ Министерства Народн. Просв.

[2]) Журналъ коммиссіи училищъ за 1802 г. см. Рождественскій, „Ист. обз.“, 53 стр. Тоже Сухомлиновъ, Матеріалы, I. 59.

[3]) Указъ 24 января 1803 г. См. Загоскинъ „Ист. Каз. ун.“ I, 2.

[4]) Документъ этотъ въ арх. Харьк. Двор. Собр. см. „Опытъ“ проф. Д. И. Багалѣя I, 92.

Г. И—въ сообщаетъ, что на Харьковъ, какъ на будущій университетскій городъ, указывали еще до учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія (до 8 сент. 1802 г.) члены особаго Комитета; въ доказательство г. И—въ приводитъ свидѣтельство Каразина. Это сообщеніе совершенно невѣрно и только лишній разъ указываетъ на неосвѣдомленность автора въ исторіи образованія въ Россіи и на извращеніе свидѣтельствъ Каразина [1]). Никакого „рѣшенія Комитета, во главѣ Муравьева, объ основаніи университета въ Харьковѣ“ (стр. 13) никогда не было, слѣдовательно ни о чемъ подобномъ Муравьевъ не могъ докладывать Государю (стр. 11), не могло быть извѣстно о такомъ рѣшеніи и въ Слободской Украйнѣ (стр. 13). Свидѣтельство же В. Н. Каразина имѣетъ смыслъ обратный тому, который хочетъ видѣть въ немъ г. И—въ.

Въ первый разъ мысль объ университетѣ въ Харьковѣ встрѣчаемъ 12.
2 мая 1802 года въ частномъ письмѣ Каразина къ Фотіеву [2]). Здѣсь Каразинъ сообщаетъ общія черты *устава* Харьковскаго университета,

---

[1]) Особый Комитетъ былъ учрежденъ (18 марта 1802 года) для составленія проектовъ новыхъ уставовъ двухъ академій и Московскаго университета. Нѣтъ никакихъ основаній заключать, что этотъ комитетъ (исключая Каразина) занимался иными вопросами, какъ напр., вопросомъ объ учрежденіи новыхъ университетовъ или о выборѣ городовъ для нихъ, ибо результатомъ трудовъ Комитета былъ только проектъ устава Московскаго университета, который обсуждался 18 октября 1802 г. въ Коммиссіи Училищъ. (Рождественскій, Ист. Обз.“, стр. 56). Въ первый разъ вопросъ о томъ, „въ которыхъ городахъ Россійской имперіи выгоднѣе и удобнѣе завести университеты“, поднятъ былъ 13 сентября 1802 г. въ Коммиссіи Училищъ, когда и было поручено „сдѣлать начертаніе“ на этотъ счетъ, выполненное къ *20 сентября 1802 г.* (Рождественскій, Журналы Коммиссіи, 49, 53). Одинъ изъ университетовъ былъ намѣченъ въ Харьковѣ; въ рядѣ засѣданій (20 сент.—ноябрь) обсуждался выборъ городовъ для университетовъ, при чемъ въ Коммиссіи „всѣ члены прежняго Комитета“, т. е. Муравьевъ, Потоцкій и Фусъ, подали голосъ за проектъ (Фуса), намѣтившій университетскимъ городомъ, между прочимъ, Харьковъ. Вотъ что разумѣлъ Каразинъ когда писалъ мин. внутр. дѣлъ гр. Кочубею: „мечтѣ моей о университетѣ въ Харьковѣ, прежде учрежденія нынѣшней коммиссіи объ училищахъ (т. е. до 8 сент. 1802 г.) два раза удостоилъ Августѣйшій Монархъ показать свое благоволеніе. Всѣ члены прежняго Комитета вмѣстѣ съ идеею о учрежденіи университетовъ (*13 сент.* 1802 г.), единогласно полагали (*октябрь* 1802 г.) одинъ изъ нихъ въ Харьковѣ, руководствуясь мѣстнымъ лишь его положеніемъ; *дворянство и граждане* не только *предварили сіе мнѣніе* (*1 сент.* 1802 г.), особъ, чрезъ которыхъ, казалось, въ семъ случаѣ само правительство дѣйствовало, но обнаружили порывъ патріотизма“, рѣшивъ дѣло огромными пожертвованіями.—Въ какомъ смыслѣ Каразинъ понималъ мѣстное положеніе Харькова, свидѣтельствуетъ слѣдующая фраза: „Маловажный Харьковъ не могъ похвалиться (въ 1802 году) ничѣмъ, кромѣ средоточнаго положенія въ южныхъ губерніяхъ; онъ не могъ надѣяться“ на учрежденіе университета. „Историч. записка о принош. дворянъ на университетъ“. Неиздан. докум.

[2]) Письмо это хранится въ Харьковскомъ университетѣ.

принятыя дворянствомъ 29 августа 1802 г. подъ именемъ „Предначертанія о Харьковскомъ университетѣ“; указываетъ на *источники денежныхъ средствъ*, принятые точнѣйшимъ образомъ протоколами собраній дворянства и гражданства 1 сентября 1802 г. [1]). За неимѣніемъ въ Харьковѣ слушателей, способныхъ начать занятія въ университетѣ, Каразинъ проектировалъ ходатайствовать предъ духовнымъ вѣдомствомъ о допущеніи въ университетъ семинаристовъ. Такъ впослѣдствіи и было. Однимъ словомъ, здѣсь уже была программа позднѣйшихъ дѣйствій харьковскаго общества по отношенію къ университету, о которомъ никто, кромѣ Каразина, не подавалъ еще голоса.

„Подбивая“ Фотіева пропагандировать свою мысль и тѣмъ подговить общество къ рѣшительному шагу, Каразинъ самъ началъ дѣятельную переписку съ членами Харьковскаго общества. 20 іюня губернскій предводитель дворянства Д.-Захаржевскій получилъ отъ Каразина жалованную Грамоту на привилегіи Слободско-Украинскаго дворянства [2]) вмѣстѣ съ предложеніемъ созвать общее собраніе дворянъ для рѣшенія вопроса объ университетѣ [3]). Изъ отвѣта Захаржевскаго видно, что онъ склонился къ мысли Василія Назаровича Каразина объ учрежденіи университета въ Харьковѣ на пожертвованія общества, но не имѣлъ возможности созвать необходимое для осуществленія этой мысли губернское собраніе дворянства, такъ какъ губернаторъ отказалъ въ разрѣшеніи на съѣздъ дворянъ. Тогда началась переписка, ясно показывающая, кто былъ истиннымъ руководителемъ плана учрежденія въ Харьковѣ университета.

13. Письмомъ отъ 20 іюня (въ день полученія жалованной грамоты) Донецъ-Захаржевскій (губернскій предводитель) просилъ В. Н. Каразина исходатайствовать разрѣшеніе на созывъ дворянъ для добровольныхъ сборовъ на университетъ: „Спѣшу васъ увѣдомить, что дворянство Слободско-Украинской губерніи, всегда готовое къ изъявленію глубочайшаго благоговѣнія къ августѣйшему Монарху, предположило съѣхаться въ губернскій городъ на 12 августа для принесенія Всевышнему о здравіи Его Величества публичнаго молебствія по поводу полученія Высочайше пожалованной Государемъ Императоромъ подтвердительной правъ и привилегій дворянской грамоты и *для иныхъ положеній, о коихъ я васъ*

---

[1]) Разумѣемъ „часть винныхъ доходовъ“, принятую протоколомъ собранія купечества, (1 сент. 1802 г.) и „должные дворянству“ 66 тыс. руб.; также временное помѣщеніе университета въ зданіи присутственныхъ мѣстъ и т. д.

[2]) Предложеніе губ. предв. уѣздному отъ 20 іюня 1802 г. Арх. Дв. Собр. см. „Опытъ“ проф. Д. И. Багалѣя I, 55—56.

[3]) Историческая записка о Харьковскомъ университетѣ.

предварялъ, но начальникъ губерніи на таковой съѣздъ дать своего согласія не рѣшился, о чемъ отзывы его въ копіи прилагая, *покорнѣйше прошу васъ*, милостиваго государя, въ разрѣшеніе *испросить предписаніе* поспѣшнѣе, дабы предположеннаго времени намъ не упустить; *симъ много обяжете всѣхъ*". О какихъ „положеніяхъ" здѣсь идетъ рѣчь, ясно видно изъ предписанія генералъ-прокурора Беклешова, которое выхлопотано было Василіемъ Назаріевичемъ Каразинымъ. „Хотя отъ 10 сего іюля, писалъ Беклешовъ Харьковскому губернатору, сообщалъ я вашему превосходительству, что Государь Императоръ, не желая сборомъ дворянства дѣлать какого-либо принужденія, на собраніе онаго Высочайшаго соизволенія не изъявилъ. Но, *какъ увѣряютъ здѣсь, что желаніе дворянства явиться въ Харьковъ имѣетъ главною цѣлію*, дабы при семъ случаѣ *сдѣлать произвольную складку суммы на построеніе предполагаемаго университета, то Его Императорское Величество указать соизволилъ*, чтобы при произведеніи въ дѣйствіе столь похвальнаго со стороны дворянства предположенія не чинить оному ни малѣйшихъ препятствій". Письмо это написано всего 4 дня спустя послѣ перваго (10 іюля) и прямо въ отмѣну его. Характерно въ немъ выраженіе—*какъ увѣряютъ здѣсь*—прямое указаніе на В. Н. Каразина, можетъ быть, даже съ оттѣнкомъ непріятнаго чувства къ нему со стороны Беклешова, поставленнаго теперь въ необходимость отмѣнять распоряженіе, сдѣланное почти наканунѣ" [1]). Получивъ предписаніе генералъ-прокурора, Каразинъ послалъ его Артакову. 24 іюля губернаторъ Артаковъ писалъ Каразину: „*письмо ваше отъ 15 числа сего мѣсяца*, по нарочной эстафетѣ, *съ приложеніемъ отношенія* отъ его высокопревосходительства господина *генералъ-прокурора* и кавалера Александра Андреевича *Беклешова* о всемилостивѣйшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи на съѣздъ въ городъ Харьковъ благороднаго здѣшняго дворянства, намѣревающагося между прочимъ произвесть въ дѣйствіе предпріятіе, толико отечеству и особенно здѣшнему краю полезное имѣлъ я честь получить сего мѣсяца 24 числа и съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ изъ онаго желаніе ваше почтить меня вашимъ знакомствомъ". Затѣмъ Артаковъ обѣщаетъ споспѣшествовать дѣлу университета [2]).

Изъ документальныхъ данныхъ, которыя приведены нами (а другихъ о началѣ Харьковскаго университета не найдено), видно, что безъ личности В. Н. Каразина не только теряется происхожденіе идеи о

---

[1]) Изъ Арх. Харьк. Двор. Собр. См. „Опытъ ист. Х. ун." пр. Д. И. Багалѣя.

[2]) Все, что сообщаетъ г. И-въ на стр. 12 и 13 своей брошюры, есть его собственныя *предположенія* и ошибки; разумѣется, что доказать документально своихъ положеній онъ не можетъ.

Харьковскомъ университетѣ, но безъ хлопотъ его не могло бы состояться губернское собраніе для пожертвованій на университетъ. Каразинъ является центральнымъ лицомъ въ первоначальной исторіи университета: онъ пропагандируетъ идею, къ нему обращается съ просьбой о представительствѣ губернскій предводитель дворянства, ему передается предписаніе генералъ-прокурора, ему же докладываетъ объ университетѣ губернаторъ.

Впрочемъ самъ г. И—въ утверждаетъ, что (послѣ 8 августа) „Александръ Павловичъ удостоилъ Каразина аудіенціи", что „на ней Каразинъ сообщилъ Государю, что слободско-украинское дворянство жертвуетъ на университетъ" и, что „Александръ *повѣрилъ* Каразину" (стр. 13). Принимая, въ общемъ [1]), что Каразинъ еще въ началѣ іюня 1802 г. довелъ до свѣдѣнія государя о готовности дворянъ жертвовать на университетъ, мы должны указать на полную неосновательность заключенія, что Каразинъ сообщилъ государю о „милліонномъ пожертвованіи" дворянъ (стр. 13 и 15). Находясь въ перепискѣ съ наиболѣе видными представителями общества, Каразинъ могъ видѣть готовность дворянъ итти навстрѣчу предложенію жертвовать на университетъ; но, разумѣется, сумма могла выясниться лишь въ собраніи дворянства. Г. И—въ называетъ „обманомъ" сообщеніе государю Каразинымъ о готовности жертвователей. Но Каразинъ получалъ „отзывы" представителей дворянства, а потому *фактически* былъ правъ сообщая о дѣйствительномъ настроеніи общества [2]). Если смотрѣть формально, то Каразинъ, конечно, не имѣлъ права дѣй-

[1]) Въ частностяхъ, передаваемыхъ г. И—вымъ, множество погрѣшностей: *анахронизмы*—ибо Государь за долго до 8 августа зналъ о намѣреніи дворянъ жертвовать на университетъ (предписаніе Беклешова); грамота была послана Каразинымъ въ Харьковъ не послѣ 8 августа, а до 20 іюня (отнош. губ. предв. къ уѣздн.) и др; *противорѣчія* г. И—ва своимъ собственнымъ заключеніямъ. Съ одной стороны, г. И—въ характеризуетъ Каразина „малообразованнымъ" „писмоводителемъ", въ доказательство ничтожества Каразина подчеркиваетъ его небольшой чинъ по службѣ, называя его презрительно „коллежскимъ совѣтникомъ", который не можетъ пользоваться вліяніемъ у государя и т. п. Съ другой стороны, самъ же г. И—въ утверждаетъ, что этотъ, по его мнѣнію, ничтожный Каразинъ не только удостоился аудіенціи императора, но что такому человѣку Александръ I „повѣрилъ" на слово (въ томъ, что „слободское дворянство жертвуетъ на университетъ чуть не милліонъ" (стр. 12, 13), не наводя даже справокъ, которыя бы обнаружили, что Каразинъ „обманываетъ" (стр. 13, 14, 15) государя. Далѣе, по словамъ г. И—ва, довѣріе Александра I къ рѣчамъ ничтожнаго Каразина простерлось до того, что Государь „вручилъ" ему Жалованную Грамоту с.—укр. дворянству, поручая передать ее „дворянству". Противорѣчитъ самому себѣ г. И—въ и въ томъ, что нерѣдко дѣлаетъ заключенія, основываясь исключительно на „созданныхъ Каразиными матеріалахъ" (стр. 3), которые въ то же время признаетъ „вымыслами" (стр. 10)

[2]) Это настроеніе признаетъ и г. И—въ, (неосновательно, впрочемъ, объясняя причину его): „общество не могло не отнестись (къ мысли о Харьковскомъ университетѣ) сочувственно и свое сочувствіе рѣшило выразить пожертвованіями" (стр. 13).

ствовать отъ лица дворянства безъ *оффиціальнаго* полномочія; но на это можно отвѣтить съ одинаковымъ основаніемъ, что онъ и не дѣлалъ оффиціальнаго представленія (Беклешовъ пишетъ, что въ Петербургѣ только „*увѣряютъ*"). Въ чемъ же обманъ?—Каразинъ чувствовалъ свое положеніе, понималъ возможность придирки, зналъ, что пока онъ не имѣетъ оффиціальныхъ полномочій, предпріятіе его стоитъ на шаткой почвѣ, что въ случаѣ неудачи въ отвѣтѣ оставался онъ одинъ; но онъ рѣшилъ рискнуть и во имя блага Украйны поставить себя на карту. Вотъ чѣмъ объясняются его слова въ общемъ собраніи дворянъ: „Воля ваша, изображенная въ *отзывахъ*, которыхъ я былъ удостоенъ, не должна ли была меня уполномочить дѣйствовать предварительно?" „Здѣсь предстою предъ вами въ лицѣ вашего друга или преступника". Актомъ колоссальнаго пожертвованія дворянство оправдало дѣйствія своего депутата.

Когда В. Н. Каразинъ сообщилъ въ Харьковъ о разрѣшеніи (устномъ) государя на общее собраніе слободскихъ дворянъ, губернскій предводитель дворянства приглашалъ послѣднее съѣхаться на 27—30 августа для составленія суммы на университетъ. Содѣйствовать той же цѣли приглашены были и граждане Харькова. 28 августа пріѣхалъ изъ Петербурга Каразинъ, а черезъ два дня харьковцы пожертвовали на университетъ полмилліона рублей и выбрали ходатаемъ объ университетѣ Каразина. Какъ же это случилось? Очень просто: по пріѣздѣ своемъ, „Каразинъ,—говоритъ г. И-въ,—обѣщалъ отъ имени императора чины и ордена предводителямъ дворянства и *разнымъ вліятельнымъ лицамъ*" (стр. 14). Предоставляемъ читателямъ вѣрить новому *предположенію* г. И-ва; мы полагаемъ, что причиной успѣха было сочувствіе общества разумнымъ проектамъ Каразина. Вотъ относящіяся къ этому времени документальныя данныя. 14.

Узнавъ отъ предводителя дворянства о приглашеніи дворянъ къ подпискѣ на университетъ, дворянинъ Иванъ Ковалевскій писалъ 28 августа Каразину: „*имѣя всегда въ памяти моей слышанные нѣкогда мною ваши разговоры,* и довольно съ оныхъ замѣтивши васъ, какое вы рвеніе имѣли учинить полезнымъ членомъ обществу, съ немалымъ моимъ удовольствіемъ *нынѣ вижу настоящее того вашего желанія событіе (осуществленіе)*, безъ лести скажу вамъ, и Богъ тому свидѣтель, какъ я сердечно радуюсь, что *вы достигли вашего желанія* и что теперь нашъ край имѣетъ въ обществѣ такого полезнаго члена, коего посредствомъ таковое общеполезное у насъ устроеется благо, которое *увѣковѣчитъ памятникъ вашъ* въ сердцахъ и потомства нашего!!.. [1]).

---

[1]) И далѣе: „не малое мое желаніе было ѣхать видѣть васъ и восхитительно благодарить за оные оказанные *вами* обществу услуги, по несчастію будучи теперь

Въ частномъ собраніи дворянъ 29-го и въ общемъ 30-го августа Каразинъ читалъ составленное имъ „Предначертаніе о Харьковскомъ университетѣ“ [1]). Въ виду широкой программы этого заведенія въ сравненіи съ современными, назвать его университетомъ было бы не совсѣмъ точно. Это планъ высшаго учебнаго заведенія, учебная, административная и особенно хозяйственная часть котораго подробно разработана. Особенность этого университета заключалась въ томъ, что онъ соединялъ въ себѣ больше спеціальныхъ высшихъ школъ, чѣмъ вмѣщаютъ въ себѣ нынѣшніе университеты. Всего было 9 отдѣленій въ числѣ которыхъ, кромѣ современныхъ, намѣчены были богословское, художественное, технологическое, военное; кромѣ того при университетѣ учреждались 2 низшихъ училища—агрономическое и ремесленное. Этому плану не удалось осуществиться тогда, но время показываетъ, что въ немъ ничего не было фантастическаго [2]). Ректоръ Дерптскаго университета проф. Парротъ такъ отозвался о предначертаніи Каразина: „Проэктъ вашъ доказываетъ, что вы глубоко обдумали вашу задачу и освободились отъ всѣхъ тѣхъ предразсудковъ, подъ вліяніемъ которыхъ составлялись ус-

---

весьма нездоровъ, не имѣю силъ ѣхать, а потому лишаясь сего моего удовольствія непремину хотя сими строками излить вамъ *за все ваше патріотическое стараніе* мою чувствительную *благодарность, довлѣемая и отъ всего дворянскаго общества,* и также не мало что не могу быть свидѣтелемъ всего, того что *вы* нынѣ къ усовершенствованію нашего общаго блага предполагать будете; но безъ всякаго сомнѣнія надѣюсь, что посредствомъ способностей и талантовъ вашихъ и пониманіемъ почтенныхъ начальниковъ нашихъ все къ общему благу предполагаемое имѣть будетъ желаемый успѣхъ“... Записки Харьк. Унив. 1905, кн. I.

[1]) По адресу предначертанія г. И—въ отозвался лишь въ грубыхъ выраженіяхъ не разбирая его (стр. 14).

[2]) „Наши университеты въ своихъ факультетахъ соединяютъ въ себѣ 4 высшихъ спеціальныхъ школы; по мысли В. Н. Каразина, такихъ школъ было бы 8 или 9—разница количественная, а не качественная. И кто знаетъ? Быть можетъ мы современемъ и перейдемъ къ такому именно типу университета. Во всякомъ случаѣ *тогда* его осуществить было легче, потому что науки не требовали такого количества кабинетовъ, лабораторій, мастерскихъ и т. п., въ какомъ нуждаются теперь. Припомнимъ кстати, что и въ настоящее время въ заграничныхъ университетахъ имѣется богословскій факультетъ, а у насъ въ Россіи предполагается устройство при университетахъ агрономическихъ институтовъ; что же касается военнаго отдѣленія, то оно должно было замѣнить военный корпусъ, который предполагалось устроить въ Харьковѣ и средства котораго (100 т. р.) для этой цѣли обратили въ пользу университета; наконецъ, въ настоящее время Харьковъ имѣетъ и технологическій институтъ и консерваторію и профессіональныя школы. Слѣдовательно, Василій Назаровичъ только слишкомъ рано мечталъ обо всемъ этомъ. Мысль В. Н. Каразина объ учрежденіи ученаго общества при университетѣ заслуживаетъ, конечно, самой полной симпатіи. Она вошла въ министерскій уставъ Харьковскаго университета и практически осуществилась съ открытіемъ Общества наукъ“.

тавы другихъ университетовъ, не исключая и нашего (Дерптскаго) самаго новѣйшаго; и я вполнѣ сочувствую идеѣ вашей обойтись безъ факультетовъ. Харьковскій университетъ болѣе отдаленный отъ Германіи, и не имѣющій съ ней такихъ тѣсныхъ связей, можетъ дѣйствовать свободнѣе. Спасибо ему скажемъ и за то, что онъ посовѣтовался только съ здравымъ разсудкомъ“ [1]).

Г. И-въ говоритъ, что Каразинъ предлагалъ, для составленія суммы на университетъ, „обложить помѣщичьихъ *крестьянъ* по одному рублю“ (стр. 12) и что „собраніе (дворянъ) рѣшило 400 тысячную сумму разложить *на* души крѣпостныхъ *крестьянъ*“ (стр. 15).

Это есть перефразировка г. И-вымъ фактовъ съ извращеніемъ ихъ смысла. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ §§ Предначертанія указывалъ наиболѣе справедливый и пропорціонально-равномѣрный способъ добровольныхъ взносовъ: „Взносъ суммы дворянство расположитъ по мѣрѣ возможности (состоятельности) каждаго дворянина, и такъ какъ *возможность (состоятельность) измѣряется имуществомъ, а имущество въ цѣлой Россіи вѣрнѣе всего опредѣлено быть можетъ числомъ мужеска пола душъ*, состоящихъ на имѣніяхъ, то несомнительнѣе и удобнѣе всего расположить взносъ суммы по числу помѣщичьихъ крестьянъ, убѣждая тѣхъ дворянъ, кои преимущественное число земли и другихъ угодій имѣютъ, прибавить сверхъ положенія произвольныя дополненія къ нему по силамъ своимъ“ [2]).

Предначертаніе не встрѣтило возраженій и тогда же 29 августа 10 именитыхъ дворянъ, среди которыхъ читаемъ имена просвѣщенныхъ Палицына, Петра Ковалевскаго, Алферова, Шидловскаго, Квитокъ, подписали свое согласіе жертвовать на университетъ (по разверсткѣ на губернію) 1 милліонъ рублей. 30 августа дворянство выслушивало „Предначертаніе о харьковскомъ университетѣ“, а 31 собралось для окончательнаго опредѣленія своего отношенія къ учрежденію университета. Въ этомъ собраніи, бывшемъ „исходной точкой исторіи Харьковскаго университета“ (Лавровскій), Каразинъ произноситъ „одушевленную“ рѣчь (Лавровскій); „25 лѣтъ спустя одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ какъ то объ этой рѣчи и *не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ юнымъ ораторомъ*... просьбы на колѣняхъ, мольбы со слезами, обѣщанія разныхъ наградъ у правительства, все было имъ употреблено“ [3]). „Упомянутый поступокъ вполнѣ согласуется съ харак-

---

[1]) Русс. Стар. 1875 г. Т. XIII, стр. 77.

[2]) Точно такимъ же способомъ, т. е. по числу помѣщичьихъ душъ было постановлено въ 1801 году вносить добровольныя пожертванія на кадетскій корпусъ въ Харьковѣ.

[3]) Въ текстѣ рѣчи Каразина объ „обѣщаніи наградъ“ не сказано ни слова. Не подтверждается это и прочими документальными данными.

теромъ Каразина, и едва ли кому прійдетъ въ голову въ настоящее время обвинять его уже потому, что, въ случаѣ неудачи, онъ принималъ всю отвѣтственность предъ государемъ на себя одного. Имъ руководило страстное одушевленіе идеей и горячее желаніе добра родной сторонѣ, а такія побужденія не осуждаются, но оправдываютъ естественныя увлеченія. Можно съ рѣшительною увѣренностью сказать: не будь этого страстнаго элемента въ Каразинѣ, не было бы и пожертвованій, не было бы и университета въ Харьковѣ, такъ какъ значительность этихъ пожертвованій главнѣйшимъ образомъ и склонила дѣло въ пользу Харькова, какъ это точно означено въ указѣ 24 января 1803 г.“ [1]).

15. Оппозиція незначительнаго числа дворянъ (какъ это признано Высочайшимъ указомъ послѣ разбора дѣла Капустянскаго) [2]) ни формально, ни фактически не могла помѣшать массѣ дворянства составить протоколъ 1 сентября. Въ этомъ протоколѣ значится, что дворянство рѣшило учредить въ Харьковѣ университетъ по плану „сходственно предначертанію, представленному 29 августа въ сіе собраніе“, что „400 тысячною суммою признаютъ украинскіе дворяне себя должными государству отъ сего дня“, часть которой 66 тыс. р. предполагалось выхлопотать у правительства какъ долгъ дворянамъ за поставку въ 1789 г. фуръ и лошадей арміи. Ходатайствовали о временномъ помѣщеніи университета въ новомъ зданіи присутственныхъ мѣстъ [3]). Всѣ ходатайства и „всеподданнѣйшее представленіе, въ сходство настоящаго положенія, дворянство поручаетъ депутату своему, коллежскому совѣтнику Василію Назаровичу Каразину *сдѣлать отъ имени дворянъ*“. Протоколъ заключается фразой: „Такова есть нераздѣльная воля благороднаго общества сей губерніи“. Протоколъ торжественно былъ подписанъ губернскимъ предводителемъ отъ имени всего дворянства. Затѣмъ слѣдовали подписи отъ имени уѣздовъ губерніи уѣздныхъ предводителей (кромѣ изюмскаго Капустянскаго), исполняющихъ ихъ должности и депутатовъ [4]); далѣе

---

[1]) Лавровскій, В. Н. Каразинъ. Журн. Мин. Нар. Пр. 1872 г. 159 т. 65 стр. „Каразинъ надѣялся, что приговоръ въ 1 милл. рублей будетъ утвержденъ и на общемъ собраніи 31-го августа; но неожиданное противодѣйствіе, встрѣченное имъ со стороны *нѣсколькихъ дворянъ* разрушило его надежду. Хотя эти дворяне принуждены были со стыдомъ удалиться изъ собранія, но тѣмъ не менѣе общій энтузіазмъ былъ уже до нѣкоторой степени охлажденъ и приговоръ состоялся только на 400 т. р.“ Цитируемъ это свидѣтельство Ф. Каразина, такъ какъ оно искажено въ пересказѣ г. И—ва (стр. 15).

[2]) Указъ напечатанъ въ „Опытѣ Ист. Хар. Ун.“ проф. Д. И. Багалѣя, I, 166.

[3]) Сравни письмо къ Фотіеву отъ 2 мая 1802 г.

[4]) Между прочимъ предводитель и депутатъ Валковскаго уѣзда подписывались за весь уѣздъ на основаніи письменнаго протокола уѣзднаго собранія: „если на общемъ съѣздѣ изобрѣтено будетъ полезнѣйшее (университету) въ томъ и наше согласіе подписать уполномочиваемъ“. Документъ напеч. въ „Опытѣ“, I, 59.

слѣдуютъ подписи *всѣхъ* присутствовавшихъ. Всего на подлинномъ протоколѣ 90 подписей лицъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ въ губерніи; неприсутствовавшіе дали письменное согласіе свое съ приговоромъ. Взносы опредѣлялись соотвѣтственно имущественной способности каждаго, а потому согласіе богатѣйшихъ лицъ было рѣшительнымъ.

Въ тотъ же день Харьковскіе горожане, несмотря на „неимущество бóльшей части здѣшнихъ городскихъ жителей и скудость жилищъ ихъ“, постановили протоколомъ жертвовать на университетъ (между прочимъ половину винной откупной суммы) [1], при чемъ всѣ хлопоты по университету поручили „дворянствомъ избранному депутату г. кол. сов. Вас. Наз. Каразину, которому мы вѣримъ поднесть Всемилостивѣйшему Монарху и представленіе съ тѣмъ, что онъ по сему учинитъ, впредь спорить и прекословить не будемъ, въ чемъ и подписуемся“.

4 сентября 1802 года Каразину было выдано за подписью губернскаго, девяти уѣздныхъ предводителей и 5 депутатовъ „Свидѣтельство отъ Слободско-Украинской губерніи дворянства: Слободско-Украинской губерніи дворянство въ полномъ собраніи разсмотрѣвъ представленное ему отъ депутата своего господина коллежскаго совѣтника Василія Назарьевича Каразина предначертаніе о заведеніи въ городѣ Харьковѣ университета, согласно съ общимъ желаніемъ всего здѣшняго края, въ изъявленіе благодарныхъ своихъ чувствъ за таковую о просвѣщеніи ревность и ходатайство испросить на то Высочайшее соизволеніе, даетъ ему господину Каразину, какъ почтенному по его просвѣщенію и усердію къ общему благу, сочлену своему, сіе похвальное свидѣтельство, за подписаніемъ предводителей и депутатовъ дворянства и съ приложеніемъ дворянской печати“.

Въ тотъ же день Каразинъ получилъ копію съ протокола общаго собранія дворянъ „для ходатайствованія, гдѣ слѣдовать будетъ, отъ имени всего дворянства“ [2]).

На общемъ собраніи при подписаніи постановленія *отъ имени всего Слободского дворянства* не было *ни одного* возраженія. Прошелъ законный срокъ опротестованія; никто не заявилъ протеста, не возражалъ и Капустянскій. Тогда губернскій предводитель передалъ протоколъ дворянства губернатору [3]. Между тѣмъ протоколъ, напечатанный во множествѣ экземпляровъ, былъ разосланъ по уѣздамъ и окрестнымъ губерніямъ. Прошло 5 мѣсяцевъ, когда состоялся Высочайшій указъ объ

---

[1]) Сравни письмо къ Фотіеву 2 мая 1802 г.

[2]) Всѣ эти документы взяты изъ архивовъ и говорятъ сами за себя; комментаріи къ нимъ излишни.

[3]) „Отношеніе губернск. предвод. къ губерн.“ 30 дек. 1802 г.

оффиціальномъ принятіи жертвуемыхъ суммъ; ни въ Харьковѣ, ни въ Петербургѣ, куда поѣхалъ Каразинъ выполнять порученія, не было получено ни одного заявленія о протестѣ противъ приговора дворянъ (исключая незаконныя дѣйствія Капустянскаго, осужденныя Уголовной Палатой и потомъ особымъ Высочайшимъ указомъ). Мало того, когда пришли сроки взносовъ пожертвованій послѣднія были внесены во многихъ уѣздахъ *бездоимочно;* второй взносъ прошелъ бездоимочно въ харьковскомъ, ахтырскомъ, зміевскомъ, купянскомъ и валковскомъ уѣздахъ [1]).

Извѣстно, что большія общества, раздѣляемыя пространствомъ, не могутъ дѣйствовать *единогласно* въ точномъ смыслѣ слова, но тѣмъ не менѣе справедливо называютъ *общимъ* такое рѣшеніе, которое послѣ торжественнаго признанія и объявленія не встрѣтитъ протестовъ; оно становится закономъ для каждаго члена того общества, тѣмъ болѣе если правительство утвердитъ и приметъ его.

Можно ли послѣ всего сказаннаго заключить, какъ г. И—въ (стр. 15), что харьковское общество не имѣло довѣрія къ Каразину, что оно считало его обманщикомъ? Наоборотъ, мы увидимъ, что послѣ описанныхъ событій уваженіе къ Каразину общества и признаніе его заслугъ, какъ виновника учрежденія университета въ Харьковѣ, выражались особенно ярко.

Вотъ какъ писали Каразину лица, между прочимъ, и неприсутствовавшія на собраніи дворянъ.

Предводитель сумскихъ дворянъ А. Савичъ писалъ: „что касается до учиненнаго въ общемъ собраніи приговора о учрежденіи въ Харьковѣ университета, копію котораго доставилъ мнѣ К.-Яснопольскій (исп. об. предв.), то я съ онымъ согласуюсь и сумскихъ гг. дворянъ оповѣстить о немъ не умедлю“ (11 сент.). Зміевской предводитель Мейеръ: „Письмо ваше, съ истинною благодарностью къ неусыпнымъ трудамъ и истинно патріотическому расположенію *вашимъ*, получилъ; прошу васъ милостивый государь Василій Назаровичъ вѣрить, что я не уступлю никому въ соревнованіи вамъ въ попеченіи весьма нужнаго просвѣщенія нашему краю. Ибо теперь мы только сказать можемъ, что людей за доброю волею много“ (4 дек.). Лебединскій предводитель А. Алферовъ: „Имѣю честь донесть вамъ, милостивый государь, о увѣренности моей въ дворянствѣ Лебединскаго уѣзда, что оно *подвигъ вашъ* для блага общаго пріиметъ съ особливымъ удовольствіемъ и истинною признательностью“ (18 нояб.). Фотіевъ: „Всѣ благомыслящіе и любящіе пользу отечественную бывшимъ *пріѣздомъ вашимъ* крайне довольны. Устроеніе университета въ Харьковѣ

---

[1]) См. подробныя статистическія свѣдѣнія у проф. Д. И. Багалѣя „Опытъ“, I, 175.

есть единственный предметъ (желаніе) всѣхъ состояній. О дай Боже, чтобы Высочайшее благоволеніе, утвердило благополучную участь нашу" (23 сент.). Зміевской депутатъ Николай Шидловскій: „Письмо извѣщающее *о благоуспѣшности предпріятій вашихъ, къ пользѣ просвѣщенія краю нашей отчизны, устроеніемъ въ ономъ университета* имѣлъ честь получить. *Благородный подвигъ вашъ* предстательствомъ у человѣколюбивѣйшаго Монарха къ изліянію столь великихъ къ намъ милостей его и признательность, съ коимъ приняло благомыслящее слободское дворянство *усердіе ваше* достаточно подтвердить вамъ могутъ и о нелестномъ признаніи и благодарности каждаго сочлена въ кругу коихъ вы столь прекрасно объяснили сердце ваше стремящееся къ патріотизму" (13 дек.). И. Куликовскій: „Письмо касательно о благомъ успѣхѣ *предпріятія вашего* къ общей пользѣ Слободско-Украинскаго дворянства получилъ" (дек. 1802 г.). Ахтырскій предводитель М. Кондратьевъ: „видя благополучное *предпринятыхъ вами* къ пользѣ сего края, въ устроеніи въ губернскомъ нашемъ городѣ университета, трудовъ окончаніе, чувствъ благодарности моей и господъ дворянъ Ахтырскаго уѣзда не могу вамъ выразить, тѣмъ болѣе, что таковая принадлежитъ вамъ отъ всѣхъ обывателей Слободско-Украинской губерніи.—Пріятно мнѣ мыслить, что страна сія существующая съ давныхъ временъ, обрѣла васъ перваго патріота, старающагося о ея усовершенствованіи и возведеніи отличительно прочихъ на степень славы и благоденствія, и что позднѣйшее *потомство считать будетъ васъ* благотворителемъ и виновникомъ его просвѣщенія" (21 дек.). Подобное же признаніе заслугъ Каразина было со стороны малороссійскаго ген.-губ. кн. Куракина, екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства Миклашевскаго, Хорвата и др. Можно еще привести множество подобныхъ отзывовъ о В. Н. Каразинѣ и только въ интересахъ краткости мы лишаемъ себя удовольствія продолжить характеристику отношенія общества къ Каразину, какъ виновнику основанія университета въ Харьковѣ. Мы цитировали нарочно тѣ письма, содержаніе которыхъ является отраженіемъ *общественнаго мнѣнія*, и авторы которыхъ съ наибольшимъ основаніемъ могутъ считаться выразителями его.

По случаю избранія Каразина въ предсѣдатели Уголовной палаты былъ представленъ въ Министерство Юстиціи его формуляръ; Каразинъ заявилъ, что въ формулярномъ спискѣ сдѣланы важныя упущенія, характеризующія его роль въ учрежденіи Харьковскаго университета, и представилъ 4 свертка документовъ (до сихъ поръ не найденныхъ), доказывающихъ, что онъ „былъ первоначальною причиною основанія Харьковскаго университета". Управляющій Министерствомъ Юстиціи Дашковъ,

получивъ документы, оффиціально призналъ заслуги Каразина, въ отношеніи къ Слободско-Украинскому губернатору Каховскому, такъ: „Прочитавъ документы со вниманіемъ, я не могу не отдать полной справедливости усердію и дѣятельному участію, которыя оказалъ господинъ Каразинъ на пользу отечества въ учрежденіи Харьковскаго университета; покорно прошу васъ, м. г., сдѣлавъ по сношеніи съ господиномъ предводителемъ дворянства нужныя въ послужномъ спискѣ его дополненія, представить отъ себя въ Правительствующій Сенатъ въ замѣнъ доставленнаго уже вами“ [1]). Формулярный списокъ дѣйствительно былъ пополненъ, согласно документамъ „по соглашенію съ предводителемъ дворянства“, о чемъ Каховской и доносилъ Дашкову.

„1829 года 19 сентября Дворянство Богодуховскаго уѣзда, бывъ въ полномъ собраніи по случаю рекрутскаго набора, съ удовольствіемъ выслушало объясненіе одного изъ членовъ своихъ статскаго совѣтника Василія Назарьевича Каразина по поводу полученнаго имъ въ сіе самое время объявленія отъ имени его прев. г. управляющаго министерствомъ юстиціи. Въ семъ объявленіи требуется отъ него, г. Каразина документовъ на дѣйствія его въ отношеніи къ Харьковскому университету и именно: *подлинно ли онъ былъ виновникомъ сего заведенія и пожертвованій на оное, простиравшихся до 618 тыс. рублей.* Внявъ принесенной имъ г. Каразинымъ просьбѣ, долгомъ поставляетъ (дворянство) по совершенной извѣстности многимъ изъ насъ или родственниковъ нашихъ, участвовавшихъ въ семъ пожертвованіи, не только засвидѣтельствовать съ своей стороны истину сего происшествія, но почтительнѣйше пригласить къ тому же и тѣхъ изъ собратій нашихъ, кои въ настоящемъ собраніи не присутствуютъ, желая, чтобы и въ другихъ уѣздахъ тоже было сдѣлано. ***Ибо отдавать справедливость заслугамъ, есть одинъ изъ признаковъ прямо благородной души.*** Вышеупомянутыя пожертвованія въ оной Слободско-Украинской губерніи простирались свыше 500 тыс. рублей, болѣе 400 тыс. отъ дворянства и болѣе 100 тыс. отъ купечества и гражданства, а и другія губерніи такъ же и разныя лица въ особенности въ оныхъ участвовали. *Памятно намъ также, что онъ господинъ Каразинъ изъ сего подвига собственно для себя не стяжалъ никакой награды*, но получили оную отъ монаршихъ щедротъ нѣкоторые господа предводители и другіе особы, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ Высочайшій рескриптъ, данный бывшему тогда губернскимъ предводителемъ дворянства В. М. Донцу-Захаржевскому, отъ 31 января 1803 года, въ которомъ и имени упомянутаго нашего сочлена не находилось, между тѣмъ какъ

---

[1]) Новые документы изъ Арх. Мин. Нар. Пр. Записки Х. Ун., 1905, I.

мы часто встрѣчали оное въ протоколахъ дворянскихъ собраній и другихъ актахъ, начиная отъ избранія его въ іюнѣ мѣсяцѣ 1801 года депутатомъ для испрошенія Высочайшаго подтвержденія привилегій Слободско-Украинской губерніи. Подлинный протоколъ подписали: уѣздный предводитель и господа дворяне, Богодуховскаго уѣзда" [1]). Въ это время забитый опальный Каразинъ не могъ ужъ „обѣщать отъ имени императора чины и ордена" (стр. 14).

Въ формулярѣ Каразина значится: „*подалъ мысль* Слободско-Украинскому дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета (который и Высочайше утвержденъ въ 1803 году), послуживъ орудіемъ къ пожертвованію на оный изъ двухъ губерній 618 тыс. рублей по тогдашнему курсу—что нынѣ составляетъ болѣе двухъ милліоновъ ассигнаціями.—*Уклонился* отъ Всемилостивѣйшей награды за сей подвигъ" [2]).

Намъ кажется, что приведенныхъ доводовъ вполнѣ достаточно для заключенія, что В. Н. Каразинъ дѣйствительно былъ и среди современнаго общества считался единогласно виновникомъ учрежденія въ Харьковѣ университета. Если существуютъ разногласія въ вопросѣ о причинахъ милости къ Каразину Императора Александра I или роли его въ Комиссіи училищъ, то въ вопросѣ о роли его, какъ виновника учрежденія университета, разногласій не существовало. И современники, и потомство говорятъ одно и тоже, и ни одинъ изъ историковъ не отрицаетъ послѣдней роли Каразина. Теперь прервемъ на время доказательства признанныхъ обществомъ заслугъ В. Н. Каразина по отношенію къ университету и перейдемъ къ разбору оппозиціи дѣлу университета, которой г. И—въ неосновательно придаетъ значеніе „протестовъ слободскаго дворянства" (стр. 15).

Оппозиція началась тѣмъ, что Капустянскій съ немногими дворянами вышелъ изъ собранія 31 августа, не подписавъ приговора и не возразя на него, а между тѣмъ по закону онъ какъ уѣздный предводитель, обязанъ былъ заявить о своемъ согласіи или несогласіи [3]); „въ продолженіе сроковъ, признанныхъ законами достаточными для представленія апелляціи на рѣшеніе присутственныхъ мѣстъ, не послѣдовало никакого возраженія" [4]). Затѣмъ Капустянскій, *минуя законные пути*, набралъ въ своемъ уѣздѣ 43 подписи несогласныхъ съ общимъ приговоромъ дворянъ, при чемъ „къ умноженію числа набралъ безпомѣстныхъ дво-

---

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правленія. См. Записки Хар. Ун. 1905, I.

[2]) Въ письмѣ къ Н. Н. Новосильцеву Каразинъ просилъ „уволить" его отъ наградъ „какого бы рода онѣ не были". Неизд. док. изъ Арх. Мин. Вн. Д.

[3]) Донесеніе губ. предв. губернатору 30 дек. 1802 г.

[4]) Рѣшеніе собранія предводителей дворянства 21 апр. 1803 г.

рянъ и разнаго званія людей и лѣкарей, прикащиковъ имѣній" и т. п. Правда, дѣйствія Капустянскаго были скоро парализованы: многіе, узнавъ о незаконности дѣйствій и обманахъ Капустянскаго, отказались отъ своихъ подписей; съ другой стороны образовался противовѣсъ изъ группы изюмскихъ дворянъ съ Н. Р. Шидловскимъ во главѣ, которые также дали свои подписи въ пользу постановленія общаго собранія (въ маѣ, 44 подписи); но преступная попытка Капустянскаго подорвать рѣшеніе губернскаго собранія рѣшеніемъ уѣзднаго вовлекла его въ уголовный судъ, а Уголовная Палата вынесла ему обвинительный приговоръ. Видя, что его дѣло принимаетъ дурной оборотъ, Капустянскій обратился съ жалобой на Высочайшее имя (въ іюнѣ 1804 года). Государь разсмотрѣлъ просьбу; открылась настолько возмутительная дѣятельность Капустянскаго, что государь приказалъ рѣшеніе дѣла *отпечатать для всеобщаго свѣдѣнія*: „Донесеніе Капустянскаго, якобы положеніе о взносѣ суммы на Харьковскій университетъ сдѣлано не съ общаго согласія дворянства *найдено неосновательнымъ* по слѣдующимъ причинамъ: 1) при самомъ началѣ сего предположенія всѣ уѣздные предводители предварены были отъ губернскаго, чтобъ пригласили они дворянъ въ общее собраніе для рѣшительнаго постановленія о приношеніи на заведеніе въ Харьковѣ университета; 2) *положеніе въ собраніи дворянъ* по сему приглашенію сдѣланное *и по количеству лицъ подписавшихся, и по самому обряду сего собранія, должно признать общимъ всего дворянства положеніемъ;* 3) противъ сего общаго положенія *несогласіе малаго числа дворянъ*, не явившихся въ собраніе, *не могло быть принято во уваженіе;* 4) изъ донесенія мѣстнаго начальства было тогда же видно, что *предводитель Захаршевичъ-Капустянскій, утаивъ Высочайшее соизволеніе на заведеніе университета, не сдѣлалъ о немъ надлежащаго дворянамъ извѣщенія;* 5) нѣкоторые изъ дворянъ впослѣдствіи отозвались губернскому предводителю, что имъ не дано было даже знать объ общемъ положеніи дворянства, и наконецъ 6) предводитель *Капустянскій, для умноженія числа несоглашающихся* съ симъ положеніемъ, *заставилъ у себя подписаться людей безпомѣстныхъ и даже управителя помѣщика Хлопова, тогда какъ самъ Хлоповъ подписалъ общее положеніе дворянства.* За всѣ сіи уклоненія отъ порядка предводитель Капустянскій правильно подвергнутъ былъ въ то же время отвѣту предъ судомъ" [1]).

Этотъ Высочайшій приговоръ вмѣстѣ съ осужденіемъ Капустянскаго утверждаетъ законность и правильность университетскаго дѣла.

Оппозиція волчанскихъ дворянъ выразилась тѣмъ, что 10 человѣкъ (безъ предводителя) подписали свое несогласіе съ общимъ приговоромъ,

[1]) Арх. Харьк. Двор. Собр. см. проф. Д. И. Багалѣй. „Опытъ", I, 166—167.

при чемъ, когда губернскій предводитель обратился письменно къ наиболѣе вліятельнымъ, они немедленно отказались отъ своихъ подписей, сославшись на обманъ и невѣдѣніе.

Слѣдующіе представители благороднаго негодованія „слободского дворянства“ (стр. 15): на Каразина губернаторъ Артаковъ и прокуроръ Евецкій, дѣйствовали уже изподтишка. О первомъ извѣстно, что когда городской голова Урюпинъ внесъ протоколъ гражданства въ губернское правленіе, Артаковъ набросился на него съ криками и угрозами, такъ что тотъ долженъ былъ искать защиты сначала въ городской думѣ, а потомъ и у министра внутреннихъ дѣлъ. Къ счастью для Харьковскаго университета послѣ этого Артаковъ былъ отрѣшенъ отъ должности. Но до этого онъ сколько могъ мѣшалъ дѣлу университета. Онъ задерживалъ протоколъ купечества, покрывалъ Капустянскаго и его незаконныя дѣйствія и только послѣ хлопотъ Каразина, повинуясь желанію министра, очистилъ помѣщеніе, предназначенное для университета [1]).

Представитель изюмскаго дворянства Г. Р. Шидловскій и городской голова Урюпинъ жаловались въ одинъ голосъ на противодѣйствіе Артакова [2]). О прокурорѣ Евецкомъ извѣстно лишь нелестное свидѣтельство губернскаго предводителя [3]).

Можно ли говорить послѣ этого, что приговоръ по дѣлу Капустянскаго „вызвалъ общее раздраженіе дворянъ“? (стр. 16). 16.

Роль Каразина въ учрежденіи Харьковскаго университета, по мнѣнію г. И—ва заключается лишь въ слѣдующемъ: „Каразинъ приказалъ прибить (къ помѣщенію университета) доску съ надписью: „Государственный университетъ“. Вотъ единственно несомнѣнная услуга, которую Каразинъ оказалъ Харьковскому университету“ (стр. 17). Продолжаемъ изложеніе дѣятельности Каразина.

---

[1]) Д. И. Багалѣй. „Опытъ ист. Х. Ун. I, 78—80, 92—93. 101—103 и др.; все это архивные матеріалы.

[2]) „Скажу въ откровенности, писалъ Г. Р. Шидловскій Потоцкому по поводу устроенія университета, что при начальномъ установленіи, въ обществѣ нашемъ для университета были бы лучшіе успѣхи, по крайности всѣ бы были отвращены непріятности, если бы не вмѣшались, съ одной стороны скорость, а съ другой—худое расположеніе губернатора Артакова“. Урюпинъ, говоря о замедленіи въ сборѣ суммы на университетъ, замѣчаетъ, что она была бы давно собрана, „если бы притязанія здѣшняго архонта въ томъ не дѣлали намъ препоны“. Лавровскій Ж. М. Н. Пр., ч. 159, стран. 67.

[3]) „Я подозрѣваю весьма въ согласіи съ Капустянскимъ по отзывамъ о немъ г прокурора Евецкаго тѣмъ паче, что онъ и при подрядахъ на города здѣшніе имѣлъ подставного съ аттестатами своего тестя и соглашалъ на кондиціи, противныя правамъ, пожалованнымъ здѣшнему краю“. См. „Опытъ“, I, 95.

Какъ только состоялся указъ о принятіи пожертвованій, Потоцкій (попечитель округа) добился въ Правленіи Училищъ отпуска Каразину съ тѣмъ, чтобы „возложить на него первоначальныя распоряженія относительно учреждаемаго въ Харьковѣ университета". Чтобы облегчить дѣйствія Каразина, Потоцкій вручилъ ему „уполномачивающее дѣйствовать" письмо и рекомендаціи къ губернатору и губернскому предводителю, гдѣ сказано, что „мысли свои и начальныя распоряженія" гр. Потоцкій „ввѣрилъ" Каразину и Тимковскому [1]). Послѣдній пріѣхалъ значительно позже и первое время дѣло университета велъ всецѣло Каразинъ. Къ нему обращается губернскій предводитель съ просьбой ускорить рѣшеніе дѣла Капустянскаго, ему даетъ отчетъ екатеринославскій предводитель о пожертвованіяхъ тамошняго дворянства и малороссійскій губернаторъ пишетъ ему же о подобномъ дѣлѣ; Каразину пересылались пожертвованія [2]), онъ переписывался непосредственно съ Потоцкимъ [3])
17. и т. д. За три мѣсяца пребыванія въ Харьковѣ Каразинъ добился полученія 10 т. руб., которые выслалъ въ Петербургъ, между прочимъ, для выѣзда въ Харьковъ приглашенныхъ профессоровъ; выхлопоталъ генералъ-губернаторскій домъ, переселивъ губернатора на пріисканную и нанятую имъ квартиру, началъ въ послѣднемъ передѣлки для университета, хлопоталъ объ очищеніи вице-губернаторскаго дома, приготовилъ нѣсколько квартиръ для профессоровъ, готовъ былъ и планъ постоянныхъ зданій университета, составилъ даже церемоніалъ открытія его [4]) и т. д. [5]). Но серьезное препятствіе въ широкихъ дѣйствіяхъ Каразинъ встрѣчалъ въ недостаткѣ денегъ. Чтобы преодолѣть эту препону, Каразинъ на основаніи данныхъ ему полномочій добился у губернскаго предводителя дворянства созыва собранія уѣздныхъ предводителей, которое бы учредило коммиссію изъ дворянъ для первоначальныхъ заботъ объ университетѣ (согласно протоколу 1 сент.). „Я считаю нужнымъ,—писалъ въ циркулярѣ губернскій предводитель,—безъ замедленія приступить къ открытію коммиссіи на основаніи отношенія ко мнѣ попечителя (переданнаго Каразинымъ) и довѣренности Его Сіятельства данной В. Н. Каразину" [6]). 21 апрѣля состоялся съѣздъ предводителей, который, не состав-

---

[1]) Арх. Двор. Собр. „Дѣло объ учрежд. ун." „Опытъ", I, 101, 113.

[2]) Матеріалы о Каразинѣ. Записки Хар. Ун. 1905, I.

[3]) Сѣв. Пч. 1860 г. № 92. „Опытъ ист. X. Ун.", I, 105—107.

[4]) Которое Каразинъ предполагалъ въ сентябрѣ 1803 г. Этотъ церемоніалъ былъ положенъ въ основаніе при торжествѣ открытія университета 17 января 1805 г.

[5]) Все это доказывается оффиціальными архивными данными (переписка Потоцкаго, Тимковскаго, Захаржевскаго и др.).

[6]) Изъ Арх. X. Дв. С. „Опытъ", I, 113.

ляя коммиссіи, предоставилъ правительству распоряженіе жертвуемыми суммами. Взносъ 400 т. р. былъ разбитъ на шесть сроковъ (по 66 т. р.) начиная съ 1 сентября 1803 г., при чемъ въ счетъ перваго взноса было рѣшено обратить 66 т. р. должные дворянству правительствомъ. Собраніе еще разъ подтвердило Каразину полномочія дворянства, данныя 1 сент. 1802 г., и дало ему новыя порученія. Такъ какъ безъ денегъ дѣло не могло итти впередъ, а деньги должно было получить въ Петербургѣ (т. е. первый взносъ—долгъ дворянству), то Каразинъ и отправился туда. Передъ отъѣздомъ Каразинъ оставилъ Тимковскому оффиціальное письмо, уполномочивая его за себя вести устроеніе университета, а помогать Тимковскому поручилъ г. Шишкину, который до пріѣзда послѣдняго уполномоченъ Каразинымъ вести начатыя перестройки и приготовленія [1]). Въ Петербургѣ Каразинъ горячо началъ дѣйствовать: представилъ планы новаго университета и сталъ осаждать министровъ просьбами поторопиться выдачей долга дворянству. Послѣ настояній Каразина Новосильцевъ ходатайствовалъ предъ Завадовскимъ о выдачѣ хотя части изъ суммъ ассигнованныхъ правительствомъ на университеты (по 130 т. р. на каждый). Министръ отказалъ во всемъ. Мало того: Правителю Дѣлъ департамента народнаго просвѣщенія, назначенному на этотъ постъ Высочайшимъ указомъ 8 сентября, графъ Завадовскій „запретилъ сообщать дѣловыя бумаги“ (стр. 26) и тѣмъ двигать дѣло университета. Каразинъ умолялъ въ безпрестанныхъ письмахъ [2]) мин. вн. дѣлъ гр. Кочубея добиться хоть должныхъ дворянамъ 66 т. р.; кончилось тѣмъ, что Кочубей просилъ „развязать его съ этимъ человѣкомъ“ [3]).
Каразинъ одинъ хлопоталъ по университету: попечитель петербургскаго 23.
округа (Новосильцевъ) ограничивался пріемомъ донесеній, Потоцкій изъ-за границы, а Тимковскій изъ Харькова слали Каразину жалобу за жалобой на полную остановку дѣла Харьковскаго университета, благодаря отсутствію денегъ. Положеніе было критическое и безвыходное. Натура Каразина не мирилась съ бездѣйствіемъ и онъ рѣшается на послѣднее средство: жаловаться государю на чиновное, безучастное отношеніе къ родному ему дѣлу Харьковскаго университета. Этотъ шагъ былъ особенно рискованъ, если вспомнить, что государь отказывалъ Каразину въ аудіенціи еще до 1 сентября 1802 г.—Въ письмѣ Каразинъ жаловался на то,

[1]) Изъ Арх. Х. Ун. „Опытъ“, 121; Лавровскій Ж. М. Н. Пр., ч. 159, 78.

[2]) Всѣ они найдены въ Арх. Мин. Вн. Дѣлъ и скоро выйдутъ въ свѣтъ. Часть ихъ напечатана Филадельфомъ Каразинымъ съ буквальной точностью въ Русской Стар. 1875 г.

[3]) Съ этими словами Кочубей отдалъ адресованное ему Каразинымъ письмо Сперанскому.

что онъ вопреки указу 8 сентября, благодаря гр. Завадовскому фактически пересталъ быть Правителемъ Дѣлъ министерства; затѣмъ указы-
24. валъ на безпорядки въ новомъ министерствѣ [1]), приписывая ихъ всецѣло Завадовскому. Въ доказательство своихъ словъ Каразинъ предлагалъ навести справки у членовъ совѣта министра и прилагалъ аналогичное письмо гр. Потоцкаго. Жалоба была лично на Завадовскаго, но могла быть принята на свой счетъ другими, какъ товарищами министра, почему Каразинъ и просилъ государя „не ссорить его" съ уважаемыми имъ людьми. На подлинникѣ написано [2]): „августа 16-го 1803 г. под. въ Каменноостровскомъ дворцѣ чрезъ камердинера Гаврилова, и *того жъ часа отвѣтъ* получилъ чрезъ *оберъ-гофмаршала*". Въ чемъ заключается этотъ отвѣтъ—неизвѣстно. Изъ слѣдующаго письма Каразина къ госу-
25. дарю (отъ 23 августа) видно, что наканунѣ онъ явился во дворецъ, что государь узналъ объ этомъ, и такъ какъ это былъ самовольный не „по опредѣленной должности" приходъ, то Каразинъ получилъ отъ государя „милостивый выговоръ". Каразинъ писалъ: „Вы въ одно время и наказали, и наставили меня, скажу болѣе: кто такъ какъ вы, въ первыя минуты гнѣва, можетъ отдавать *справедливость тому, что хорошаго было* въ нескромномъ поступкѣ". „Простите сельского мечтателя. Я васъ нѣкогда не безъ намѣренія предварялъ о моемъ воспитаніи. Мнѣ должно быть свойственно глубокое невѣжество (неосвѣдомленность) *во всемъ что принадлежитъ до большого свѣта*" [3]).

Какой результатъ былъ всѣхъ этихъ писемъ, трудно сказать; по крайней мѣрѣ Каразинъ жаловался Потоцкому и этотъ „достойный вождь университета", „идеалъ попечителя" (стр. 23) вполнѣ соглашался съ сѣтованіями Каразина (окт. 1803 г.). „Что касается того, что Вы говорите

---

[1]) Не опровергнутые г. И—вымъ. Сравни отзывъ государя о Завадовскомъ относ. къ этому времени Сборн. Русс. Ист. Общ. V т., стр. 39.

[2]) Что признаетъ и г. И—въ; онъ цитируетъ (обрѣзавъ по усмотрѣнію) даже 2 раза эту фразу, несмотря на то, что она написана на бумагахъ, поданныхъ одновременно. Эта приписка даетъ поводъ г. И-ву сдѣлать слѣдующія заключенія о Каразинѣ: „Каразинскіе доносы доходили до Государя..." „чрезъ придворныхъ лакеевъ" (стр. 24); „Анонимная записка (1801 г.), вѣроятно подброшена подкупленнымъ лакеемъ" (стр. 6); „Несомнѣнно, что Каразинъ чрезъ придворныхъ лакеевъ подавалъ Александру свои проэкты" (стр. 8).

[3]) И далѣе: „Должно, однако (и смѣть ли мнѣ надѣяться), чтобъ вы еще разъ мнѣ повторили *ваше милостивое дозволеніе*, чтобъ вы симъ рѣшительно меня успокоили и дали бы поводъ въ первой бумагѣ оправдать себя, показать, что до нынѣ еще нѣтъ другой моей вины передъ вами, какъ одна нескромная живость и *упомянутое* невѣжество, которыми *объяснятся* всѣ мои поступки". Этими документами г. И-въ пользуется, искажая ихъ смыслъ (стр. 24—25). Русс. Стар. 1875 г. т. XIV, 278, 470—471. Въ нихъ нѣтъ ни доносовъ, ни жалобъ на кого бы то ни было.

о перемѣнѣ вашихъ мыслей на счетъ нѣкоторыхъ особъ и досадѣ, которую вамъ причиняетъ ходъ нѣкоторыхъ дѣлъ, то я скажу вамъ (и въ этомъ заключается мой страшный вамъ выговоръ), что я вижу, что вы вѣчно останетесь однимъ и тѣмъ же, вѣчно будете проникнуты чистѣйшимъ рвеніемъ къ благу общему и черезъ чуръ увлекаемы пылкимъ вашимъ воображеніемъ. Простите мнѣ дорогой мой другъ эти выраженія! Конечно, такой недостатокъ свойственъ всѣмъ истинно благороднымъ душамъ. Положимъ, что дѣйствительно нѣкоторые люди и вещи не такіе, какими бы имъ слѣдовало быть“ [1]) и т. д.

Одновременно Каразинъ, какъ могъ, готовилъ университетъ къ открытію. Въ бытность еще въ Петербургѣ „Каразинъ положилъ первое основаніе университетской библіотекѣ. По его выбору и старанію пріобрѣтены для нея первыя сочиненія; его личному содѣйствію и вліянію она обязана большимъ числомъ книгъ, пожертвованныхъ въ то время разными частными лицами“ [2]). Всего поступило въ библіотеку при В. Н. Каразинѣ болѣе 3000 разныхъ книгъ [3]). Для типографіи В. Н. Каразинъ пріобрѣлъ 4 печатныхъ станка, словолитныя формы и котлы, желѣзные инструменты и т. д., для типографіи законтрактованъ былъ факторъ и литейщикъ [4]). Многое Каразинъ дарилъ и отъ себя (электрическую машину, атласы, книги, коллекціи и т. п.).

11 апрѣля 1804 г. былъ установленъ Комитетъ изъ профессоровъ для завѣдыванія хозяйственной частью университета. Потоцкій, назначая Каразина членомъ этого Комитета, уполномочилъ его оффиціально „споспѣшествовать комитету во всѣхъ случаяхъ, гдѣ (Каразинъ) заблагоразсудитъ, давать ему свои замѣчанія о происшедшемъ или сообщать свои мысли о мѣрахъ касательно распоряженій на будущее“. Найденныя недавно (не напечатанныя) дѣла комитета свидѣтельствуютъ о многочисленныхъ хлопотахъ Каразина по хозяйственной части университета. Весь, можно сказать, инвентарь, до малѣйшей подробности не миновалъ заботъ Каразина.

Во всѣхъ описанныхъ хлопотахъ Каразина по устройству универ- **18—19.**
ситета замѣтна одна характерная черта: онъ мало считался съ формальной стороной дѣла, преслѣдуя его сущность. Тоже надо сказать о хозяйственныхъ заботахъ по университету. Платя, напр., университетскія деньги, Каразинъ не требовалъ росписокъ [5]); когда, напр., адъюнктъ

---

[1]) Сѣв. Пч. 1860 г. № 92.

[2]) Фойгтъ. Ист. стат. зап. объ Имп. Х. ун. 1859 г., стр. 25.

[3]) Арх. Х. ун. „Исторія дѣлъ относ. къ унив.“ см. Опытъ, I, 137.

[4]) Фойгтъ, стр. 133, 134.

[5]) Университетскій Архивъ. Опытъ, I, 139. О томъ свидѣтельствуютъ и дѣла комитета (ненапечатанныя).

Каретниковъ просилъ себѣ третное жалованье у Каразина, онъ послалъ 300 р. собственныхъ денегъ [1]), не получая росписки, и только несогласіе адъюнкта взять вторично деньги могло доказать честность Каразина. Характерно полномочіе Каразина Шишкину: „Я совершенно ввѣряю вамъ всѣ издержки, бывши удостовѣренъ, что излишняго не употребите; посему все что ни сдѣлаете вы, *пріемлю я на собственный мой счетъ.* Если нужны какіе либо письменные договоры вы можете ихъ дѣлать моимъ именемъ“ [2]). Это письмо свидѣтельствуетъ о полнѣйшей самостоятельности распоряженій Каразина, а крайняя простота способовъ расходованія казенныхъ денегъ не могла не лечь тяжело на личныя средства его; то же обстоятельство было причиной нареканій на честность Каразина и главнымъ поводомъ къ его отставкѣ.

„Въ концѣ 1803 года или въ январѣ 1804 Каразинъ купилъ для университета у извѣстнаго Аделунга собраніе эстамповъ въ числѣ 2,477, за 5 т. рублей. Каталогъ этого собранія подписанъ былъ извѣстнымъ археологомъ Келеромъ, хранителемъ императорскаго кабинета эстамповъ и живописцемъ Лабунскимъ, живописцемъ Кюгельхеномъ, профессоромъ скульптуры акад. худ. Прокофьевымъ и любителемъ искусствъ Цимсеномъ, оцѣнившими его свыше 5000 р. и свидѣтельствовавшими, что „это собраніе весьма рѣдкое и въ особенности удобное служить къ изученію исторіи гравировальнаго искусства и притомъ заключающее лучшіе образцы величайшихъ мастеровъ всѣхъ временъ сего искусства“. Если вспомнимъ, какимъ хотѣлъ видѣть Каразинъ университетъ, что въ немъ предполагалось „отдѣленіе изящныхъ художествъ“, что протоколомъ дворянства 1 сент. 1802 г. этотъ проектъ былъ утвержденъ и что Каразину было поручено хлопотать о выполненіи этого постановленія—будетъ понятна причина покупки Каразинымъ эстамповъ. Попечитель опредѣлилъ: „если комитетъ найдетъ собраніе полезнымъ для университета и цѣну не дорогою выдать 5000 рублей Каразину, по предъявленіи имъ надлежащаго довѣрія отъ Аделунга“. Комитетъ пригласилъ спеціалистовъ (учителя рисованія Маттеса, Шепфлина и проф. Умлауфа). Всѣ они признали собраніе полезнымъ для университета, а относительно стоимости положились на мнѣніе знатоковъ, подписавшихся подъ каталогомъ, такъ какъ они „какъ недавно пріѣхавшіе въ Россію иностранцы, цѣны художественнымъ произведеніямъ въ оной никакъ назначить не могутъ“. Съ этимъ согласились члены комитета за исключеніемъ Делавиня и Балю, полагавшихъ, что покупка не стоитъ затраты. Попечитель также заключилъ: „нарочно собирая ихъ, дешевле требуемой цѣны пріобрѣсть нельзя“.

[1]) Записки Х. ун., 1905 г. I, 31.

[2]) Лавровскій. Ж. М. Н. Пр. 1872 г. ч. 159, 78.

Несмотря на то, что Каразинъ заплатилъ деньги Аделунгу, росписку котораго представилъ, ему денегъ не уплачивали. Дѣло въ томъ, что приготовленія къ открытію университета и необходимые для того расходы начались еще задолго до отпуска изъ государственнаго казначейства суммъ, ассигнованныхъ для этой цѣли (Лавровскій) и главныя хозяйственныя заботы, какъ мы видѣли, первое время лежали на Каразинѣ и были выполняемы имъ. Будучи въ Петербургѣ онъ пріобрѣталъ для университета необходимый инвентарь: была, между прочимъ, прислана въ Харьковъ библіотека (свыше 3000 тт.), на имя Шишкина были высланы (14 дек. 1803 г.) принадлежности для кабинетовъ (въ 12 громадныхъ ящикахъ, вѣсомъ въ 57 пудовъ 27 ф.). На деньги, полученныя отъ Новосильцева, были куплены (за 1250 р. 34 к.) 4 печатныхъ станка, принадлежности для типографіи и проч. [1]) Эти и другіе расходы отчасти были возмѣщены тѣми 4 т. р., которые Каразинъ получилъ отъ Новосильцева (въ концѣ (м.—б. въ декабрѣ) 1803 года [2]). Росписокъ же, по обыкновенію, Каразинъ не бралъ. Когда же комитетъ университета постановилъ возмѣстить Каразину 5 т. р., уплоченные имъ изъ своихъ денегъ за эстампы, былъ поднятъ вопросъ о тѣхъ 4 тыс., которыя Каразинъ получилъ отъ Новосильцева (въ концѣ 1803 г.) [3]). Возникла путаница, усложнявшаяся отсутствіемъ формальныхъ свидѣтельствъ со стороны Каразина. Въ результатѣ Каразину не только не возмѣстили расходовъ за эстампы, но еще потребовали уплаты полученныхъ отъ Новосильцева 4 тыс. Кромѣ того отъ Каразина потребовали возврата денегъ (ок. 1 тыс. р.), взятыхъ на нужды университета; часть ихъ (деньги Каретникова) Каразинъ, какъ извѣстно, отправилъ по назначенію, не получивъ росписки; поэтому онъ „далъ правленію подписку, что если Каретниковъ будетъ требовать этихъ денегъ, то онъ немедленно и безъ отговорокъ внесетъ сіи деньги въ присутствіе правленія“ [4]). Изъ дѣлъ правленія не видно, чтобы Ка-

[1]) Дѣла Комитета. Арх. X. ун. См. между прочимъ Фойгтъ, стр. 133.

[2]) Изъ Арх. Деп. Собр. см. Опытъ I, 132. Это тѣ деньги, которыя Каразинъ посылалъ Новосильцеву, взявъ заимообразно отъ Аникѣева, думы и др. Росписка въ полученіи отъ Новосильцева денегъ была взята у Каразина значительно позже, когда поднятъ былъ вопросъ объ эстампахъ (11 марта 1804 г.).

[3]) Лавровскій. Ж. М. Н. Пр., 159, 83.

[4]) 16 ноября 1803 г. Шишкинъ, между прочимъ, получилъ отъ Каразина 4 тыс. рублей при слѣдующемъ письмѣ: „Спѣшу доставить вамъ, принятыя мною по порученію начальства деньги, слѣдующія въ раздачу профессорамъ и на другія надобности. И именно (перечисленіе выдачъ и тратъ). Итого четыре тысячи рублей. Полученіе оныхъ прошу внести въ книгу и раздачу съ росписокою препоручить господину Дзюбину“. Университетскій Архивъ. Дѣла Комитета (связка бумагъ, поступившихъ до открытія университета [1801—1803 гг.]). Въ маѣ 1803 г. Каразинъ препроводилъ Шишкину еще 2000 рублей. Лавровскій, Ж. М. Н. Пр. 1873 г.

ретниковъ требовалъ, а Каразинъ вносилъ эту сумму. Дѣло объ эстампахъ не кончилось еще въ серединѣ 1805 года, когда Каразинъ былъ уже въ опалѣ.—31 марта 1805 года Каразинъ просилъ еще комитетъ о возвратѣ затраченныхъ на эстампы денегъ. „Если иногда съ трудомъ могъ я употреблять въ расходъ суммы для сего назначенныя, то не отлагая нимало, тогда же замѣнялъ оныя своею собственностью. Бумаги Его Сіятельства (Потоцкаго) и доставленные въ университетъ счеты представятъ тому множество доказательствъ. Всякому извѣстно, что въ университетъ получено болѣе какъ на 20,000 всякаго рода вещей и при томъ безъ всякихъ счетовъ употребленныхъ на то суммъ“ [1]). Ректоръ университета Рижскій далъ такое заключеніе: „ни утверждаю, ни отрицаю, что эстампы такъ полезны, что ихъ нужно тотчасъ непремѣнно пріобрѣсти, особенно когда университетъ такъ нуждается въ болѣе необходимомъ. А такъ какъ теперь *очевидно, что г. Каразинъ, оказавшій столько услугъ Харьковскому университету съ колыбели его, побужденный особенною ревностію къ университету, заплатилъ эту сумму изъ собственныхъ средствъ,* то я считаю справедливымъ, чтобъ университетъ озаботился оградить его отъ убытковъ“ [2]). Изъ исторіи дѣла объ эстампахъ видно, что если можно обвинять Каразина въ непрактичности, въ слишкомъ довѣрчивомъ отношеніи къ людямъ, то никакъ нельзя ему бросить упрека въ нечестности. „Въ безкорыстіи Каразина нисколько не сомнѣвается“ и Н. А. Лавровскій [3]). Г. И-въ, перепутывая и извращая факты, полагаетъ, что въ дѣлѣ объ эстампахъ была со стороны Каразина „попытка прикарманить 4 т. рублей“ (стр. 19).

20—21. При первоначальномъ устроеніи университета особенно ощущались недостатокъ рабочихъ и дороговизна заработной платы. И Тимковскій, и Рижскій неоднократно жаловались Потоцкому на эти обстоятельства: „столько и такія встрѣчаются затрудненія, писалъ Рижскій, въ покупкѣ матеріаловъ и наймѣ рабочихъ людей, что живущіе въ столицахъ ни

---

[1]) Арх. Харьк. унив. Опытъ, I, 139.

[2]) Лавровскій. Ж. М. Н. Пр., ч. 159, стр. 85.

[3]) Вотъ его заключеніе о дѣлѣ эстамповъ: „путаница въ денежныхъ счетахъ, вслѣдствіе совершенно патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами, вслѣдствіе займа первыхъ оказавшихся свободными денегъ на встрѣтившіяся въ данную минуту потребности, весьма живо и наглядно рисуетъ намъ перваго дѣятеля въ пользу Харьковскаго университета. Не сомнѣваясь нисколько въ безкорыстіи Каразина мы къ сожалѣнію должны признать... его... плохимъ... распорядителемъ...“ Читатель видитъ, что г. И-въ не только исказилъ данныя по дѣлу объ эстампахъ, комбинируя факты, но представилъ въ ложномъ свѣтѣ заключеніе Лавровскаго, который считаетъ Каразина „основателемъ Харьковскаго университета“, „личностью во всякомъ случаѣ замѣчательною“ (стр. 100), „замѣчательнымъ общественнымъ дѣятелемъ“ и т. п.

вообразить ни повѣрить сему не могутъ. Недостатокъ работниковъ столь великъ, что принуждены были вызывать ихъ изъ другихъ городовъ". Это обстоятельство побудило Каразина выписать на собственный счетъ 32 семейства мастеровъ. Когда Каразинъ потребовалъ возмѣщенія расходовъ, возникла путаница въ счетахъ. Министръ велѣлъ разслѣдовать дѣло Потоцкому и это разслѣдованіе покажетъ лучше всего, въ чемъ заключалось дѣло и въ чемъ обвиняли Каразина.—„По строжайшему изслѣдованію моему сего дѣла, извлекаю я слѣдующее заключеніе,—докладывалъ Потоцкій—: извѣстно уже вашему сіятельству, что г. Каразинъ *во всѣхъ своихъ, впрочемъ похвальныхъ предпріятіяхъ*, не употребляетъ ни осмотрительности, ни тѣхъ правилъ, каковыхъ требуетъ заведенный порядокъ. Онъ точно такимъ образомъ поступилъ и въ семъ случаѣ: видѣвъ, что открытіе университета требовать будетъ множества предварительныхъ работъ, для которыхъ въ городѣ Харьковѣ, скудномъ и въ самыхъ простыхъ ремеслахъ, не достанетъ никакихъ средствъ, онъ свойственными ему пріемами и убѣжденіями вызвалъ изъ С.-Петербурга 32 мастеровыхъ, выдалъ каждому изъ нихъ отъ 100—500 руб. по своему разсмотрѣнію, съ условіемъ, что они большую часть сихъ денегъ повинны отработать университету, остальныя же останутся на ихъ обзаведеніе. Всѣ условія заключены какъ между частными людьми и писаны отъ его собственнаго имени". Затѣмъ, указавъ вкратцѣ, что Каразинъ пригласилъ мастеровъ по собственной инипіативѣ и что 4 изъ нихъ университету не нужны, Потоцкій продолжаетъ: „съ другой стороны, разсуждая: 1) что *пріобрѣтеніе университету суммы городскихъ приношеній была собственная идея г. Каразина и преимущественно имъ произведена была въ дѣйство;* 2) что самая большая часть доставленныхъ ремесленниковъ, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ университета и города Харькова совершенно необходимы, и въ такой степени, что учрежденный комитетъ для успѣха предварительныхъ работъ принужденъ будетъ выписать въ добавокъ еще нѣсколькихъ мастеровыхъ; 3) что изъ суммы, употребленной на нихъ, подъ благоразумнымъ присмотромъ за работами ихъ, возвратиться должно 8,450 руб. въ непродолжительномъ времени; 4) что пріемомъ учениковъ, которыхъ оные мастера отъ стороннихъ людей по показанію университета безъ платы взять обязались можетъ быть выручена еще нѣкоторая значущая сумма; 5) что привозъ изъ столицъ мебели и другихъ вещей нужныхъ для классовъ, библіотеки, физическаго и модельнаго кабинетовъ, лабораторіи и типографіи, которые могутъ быть сдѣланы здѣсь на мѣстѣ сими ремесленниками, составило бы сумму, превосходящую издержки на доставленіе ихъ самихъ и сверхъ того былъ бы сопряженъ съ великими неудобствами; 6) что поселеніе ихъ въ Харьковѣ

составляетъ вѣрное пристанище и способъ къ жизни дѣтямъ бѣдныхъ мѣщанъ, которые, выходя изъ уѣздныхъ училищъ, станутъ затрудняться въ пропитаніи, но, бывъ отданы въ мастерство, они не только сберегутся отъ нищеты и разврата, но и послужатъ со временемъ на пользу сего края, весьма скуднаго со стороны искусствъ и рукодѣлій; 7) что выписка сихъ людей дѣйствительно принесла удовольствіе жителямъ Харькова, какъ то я многократно имѣлъ случай слышать отъ нихъ, и что она можетъ принадлежать къ числу тѣхъ средствъ, которыми начальство университета, оказавъ здѣшней публикѣ угожденіе и попеченіе о ея выгодахъ, пріобрѣтетъ болѣе и болѣе ея довѣренность; 8) что, наказавши г. Каразина, за его необдуманную ревность оставленіемъ его на произволъ кредиторовъ въ такомъ состояніи его имѣнія, которое, сколько мнѣ извѣстно, уже и безъ того едва ли не превышаютъ *долги, сдѣланные на пользу общую,* — будетъ, значитъ, наказывать не его, но сихъ кредиторовъ собственно и тѣхъ ремесленниковъ, которые по условію съ нимъ не успѣли еще получить денегъ...“—Мы спросимъ читателя—ясна ли польза дѣйствій Каразина или нѣтъ? Однако Потоцкій уклонился отъ заключенія: „—всѣми таковыми причинами убѣждаясь, но не преклоняясь въ пользу Каразина я предаю дѣло и мое сужденіе въ собственное уваженіе вашего сіятельства“ [1]).

Какъ бы въ доказательство внутренняго признанія заслугъ Каразина, Потоцкій въ день отправленія донесенія (19 апрѣля) Завадовскому, предоставилъ Каразину дѣлать заказы законтрактованнымъ имъ ремесленникамъ (Лавровскій).

Черезъ нѣсколько времени Потоцкій даетъ слѣдующее порученіе Каразину: „Увольненіе ваше въ отпускъ отъ дѣлъ главнаго правленія училищъ представляетъ мнѣ вожделѣнный случай, при учрежденіи здѣсь мною комитета правленія по дѣламъ Харьковскаго университета просить васъ симъ, милостивый государь мой, по извѣстности вамъ всего, что доселѣ происходило въ главномъ правленіи училищъ, *споспѣшествовать комитету во всѣхъ случаяхъ, гдѣ вы заблагоразсудите дать ему свои замѣчанія о происходившемъ или сообщить свои мысли о мѣрахъ касательно распоряженій на будущее,* удѣляя на сіе нѣсколько отъ времени пребываній вашихъ въ Харьковѣ, тѣмъ болѣе побуждаюсь къ сей просьбѣ, что мнѣ извѣстно *усердіе, съ каковымъ содѣйствовали вы къ учрежденію университета и что я увѣренъ въ расположеніи вашемъ содѣйствовать и впредь ко благу сего заведенія*“.

---

[1]) Арх. Мин. Нар. Пр. Дѣло за № 5472, к. № 152. Напеч. въ Запискахъ Харьк. унив. 1905, I.

Получивъ донесеніе Потоцкаго, гр. Завадовскій доложилъ государю, что Каразинъ „самъ собою, безъ всякаго дозволенія отъ начальства“ вызвалъ мастеровыхъ людей въ Харьковъ „въ видѣ потребныхъ работъ для университета“, за что онъ (Завадовскій) приказалъ объявить Каразину выговоръ и воспретить вмѣшиваться въ дѣла университета. Получивъ въ такомъ видѣ мнѣніе Потоцкаго, государь 20 іюня подписалъ заключеніе Завадовскаго [1]). Формуляръ Каразина гласитъ: „Продолжая дѣятельно участвовать въ устроеніи всего принадлежащаго къ Харьковскому университету, *по необходимости* въ художникахъ въ городѣ Харьковѣ, доставилъ туда 32 семейства иностранныхъ мастеровъ на собственномъ иждивеніи (хотя впослѣдствіи по особенной Высочайшей милости, употребленная имъ сумма 12,200 рублей была ему возвращена). Отставленъ *съ награжденіемъ* чина статскаго совѣтника 27 августа 1804 г.“ [2]). Причину отставки Каразина мы видимъ въ „недоброжелательствѣ къ нему начальствующихъ лицъ (гл. обр. Завадовскаго), воспользовавшихся нѣкоторыми недостатками его характера и охлажденіемъ къ нему непостояннаго императора Александра“ [3]).

Замѣчателенъ тотъ фактъ, что при первыхъ предвѣстникахъ отставки Каразина (въ половинѣ 1804 г.) „пожертвованія Харьковскаго дворянства совсѣмъ прекратились“ (стр. 27); прошелъ второй срокъ взносовъ (1 сент. 1804 г.), а комитетъ жаловался губернскому предводителю дворянства, что въ счетъ этой суммы (т. е. второго взноса) не получено ни одной копейки. И ничего нѣтъ удивительнаго, что съ отставкой В. Н. Каразина довѣріе общества къ университету и надежды на него были сильно подорваны. Вспомнимъ, что дворянство, учреждая университетъ, *подписалось подъ проэктомъ Каразина* (протоколъ 1 сент.), что *выполненіе проэкта*, согласованнаго съ желаніями дворянства, *было поручено В. Н. Каразину*. Дворяне, напримѣръ, постановили въ 1801 году открыть въ Харьковѣ кадетскій корпусъ и ассигновали на него 100 т. р. По предложенію Каразина корпусъ былъ замѣненъ „отдѣленіемъ военныхъ наукъ“ въ университетѣ, и 100 т. руб. были переведены на послѣдній. Могло ли дворянство, послѣ отставки своего депутата, быть увѣрено, что Харьковскій университетъ будетъ устроенъ соотвѣтственно нуждамъ края, а не подобно прочимъ по казенному нѣмецкому шаблону (какъ впослѣдствіи и случилось)? [4]) 27.

---

[1]) Это и предыдущее см. Лавровскій, Ж. М. Н. Пр. 1879. 159, 91—94.

[2]) И въ этомъ случаѣ г. И-въ многое прибавляетъ отъ себя, говоря, что Каразинъ былъ „высланъ изъ Петербурга“ (стр. 21).

[3]) Кіевская Старина, 1905 г. мартъ, стр. 363.

[4]) Отдѣленіе военныхъ познаній въ Харьковскомъ университетѣ существовало въ первое время и было включено въ составъ физико-математическаго факультета (Сухо-

28. Впрочемъ, не лишнимъ будетъ привести смѣту взносовъ харьковскаго дворянства на университетъ въ виду слѣдующихъ словъ г. И-ва: „ко времени открытія Харьковскаго университета слободскимъ дворянствомъ внесена изъ 400 т. р. такая ничтожная часть, что о ней и говорить не стоитъ: всего собрано только 5 т. р. сер.“ (стр. 28). Въ дѣйствительности дѣло обстояло такъ. Въ счетъ перваго взноса (до 1 сент. 1803 г.) Каразину было поручено дворянствомъ два раза (вторично въ собр. уѣздн. предвод. 21 апр. 1803 г.) выхлопотать должные казною дворянству и обращенные въ пользу университета 66 тыс. р. Эти деньги были послѣ долгихъ хлопотъ Каразина выданы въ 1804 году. Въ промежутокъ отъ 9 сентября 1804 г. до открытія университета (17 января 1805 г.) въ счетъ второго взноса было получено 22 тыс. р. [1]). Всего въ теченіе 1804 и 1805 гг. было получено денегъ отъ харьковскаго дворянства 114,639 рублей $70\frac{1}{2}$ к. Къ этой суммѣ надо причислить поступленія екатеринославскаго и херсонскаго дворянства, пожертвованія горожанъ и частные взносы. На эти средства устраивался въ Харьковѣ университетъ [2]). Кромѣ того *на содержаніе* учебныхъ *округовъ* правительство ассигновало съ 1804 года по 130 тыс. руб. въ годъ [3]).

Должно согласиться съ мнѣніемъ г. И—ва, что вѣнецъ каждому дѣлу давала конфирмація Государя; что ходатайства Каразина о губернскомъ собраніи, рѣшившемъ дѣло университета получили значеніе лишь послѣ согласія императора; что университетъ былъ утвержденъ въ Харьковѣ лишь послѣ того, какъ вызванныя Каразинымъ пожертвованія были приняты Государемъ; что губернаторскіе дома университетъ могъ считать своимъ помѣщеніемъ лишь тогда, когда хлопоты Каразина въ этомъ отношеніи осуществились рѣшеніемъ Государя, что Харьковскій универ-

млиновъ). — Причину недоимокъ при сборѣ пожертвованныхъ суммъ г. И-въ видитъ „въ разнаго рода обманахъ, которые когда стали всѣмъ извѣстны, то вызвали со стороны дворянства раздраженіе“ (стр. 27) Предположенія объ „обманахъ“ и „раздраженіи дворянства“, какъ мы видѣли, неосновательны.

[1]) Это тѣ деньги, которыя г. И-въ нашелъ нужнымъ для уменьшенія цифры (ибо нѣтъ другой причины) перевести на серебро (5 т. р. сер.); этотъ пріемъ употребленъ для умаленія заслугъ общества въ дѣлѣ устроенія Харьковскаго университета, которыя г. И-въ склоненъ приписать всецѣло (стр. 28) правительству.

[2]) Вѣдомость о взносахъ дворянской суммы, составленная къ 17 января 1806 г. См. Опытъ, I, 175. 168—169.

[3]) Это деньги, упоминаемыя г. И-вымъ (стр 28), который говоритъ, что за 2 года правительство выдало „*Харьковскому университету* 270 тыс. штатныхъ суммъ“. Но ошибочно было бы со стороны читателя вѣрить, что штатныя суммы университетъ получалъ лишь на свои университетскія нужды; университеты, согласно указу 8 сентября 1802 года, являлись въ учебномъ округѣ центромъ въ административномъ и учебномъ отношеніи, почему и могли получать ассигнуемыя *на весь учебный округъ* суммы.

44688

ситетъ сталъ существовать послѣ дарованія ему Утвердительной Грамоты императоромъ Александромъ I. Со всѣмъ этимъ спорить нельзя, но тѣмъ не менѣе „первоначальною причиною“ возникновенія университета въ Харьковѣ былъ тотъ, кому впервые пришла мысль объ университетѣ въ Харьковѣ, кто далъ первые, рѣшительные толчки *дѣлу*, принявшему впослѣдствіи свои окончательныя *формы*.

17 января 1805 года состоялось торжественное открытіе университета. Гвоздемъ торжества была Утвердительная Грамота университету, подписанная императоромъ Александромъ. Этотъ фактъ прославлялся въ рядѣ витіеватыхъ рѣчей, на разные лады развивавшихъ идею о пользѣ просвѣщенія. Естественно, что въ подобной обстановкѣ на ряду съ именемъ Государя было бы наивно ставить другое, опальное, хотя бы и Василія Назаріевича Каразина. Но торжество заключалось не въ однихъ церемоніяхъ: „17 января,—писалъ Каразину участникъ торжества,— исполнилось наше желаніе и ревностнѣйшее попеченіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостью; самые зоилы въ восторгѣ духа искали Васъ, спрашивали и признавались, что счастьемъ симъ, сверхъ всякаго чаянія Украйна Вамъ единственно обязана; тѣмъ, кои Вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія Ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли Ваше имя. Итакъ, если упрямая судьба воспрепятствовала Вамъ насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій Вашихъ *яко первому виновнику*, то конечно незазорная совѣсть утѣшитъ Васъ не только въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ таковаго намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь отдаленному потомству“ [1]).

„Въ засѣданіи совѣта 10-го іюня 1805 г., *послѣ окончанія дѣла* 29.
объ эстампахъ“, какъ бы въ оправданіе В. Н. Каразина, „проф. Баленъ де-Балю предложилъ избрать Каразина въ почетные члены университета; ректоръ отклонилъ это предложеніе признавъ его *неблаговременнымъ* (только!), *съ чѣмъ согласились* всѣ присутствующіе“ [2]). Дѣйствительно, посылать Завадовскому на утвержденіе выборъ Каразина почетнымъ членомъ того университета, въ дѣла котораго графъ только что запретилъ ему вмѣшиваться, было бы несвоевременнымъ, напраснымъ трудомъ.

Г. И-въ заявляетъ: „Попытки Каразина прикарманить 5 т. руб., покупка эстамповъ и наемъ мастеровыхъ были еще у всѣхъ въ

---

[1]) Сѣверная Пчела за 1860 г. № 92.

[2]) Лавровскій, Ж. М. Н. Пр. 1872 г., ч. 159, стр. 101. Ср. о томъ же стр. 29 брошюры г. И-ва, придающаго иной смыслъ заключенію Лавровскаго.

памяти. Но вотъ... сходятъ со сцены главные сотрудники Александра въ первое пятилѣтіе его царствованія, лица, хорошо знавшіе настоящее мизерное положеніе Каразина въ министерствѣ народнаго просвѣщенія („Потоцкій, Рижскій“ и др.) и ту неблаговидную роль, которую онъ игралъ въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета. Тогда Каразинъ и былъ избранъ въ почетные члены Харьковскаго университета“; такъ предполагаетъ г. И-въ (стр. 29).

Мы видѣли нѣсколько разъ, какъ уважали и цѣнили труды В. Н. Каразина на пользу просвѣщенія поименованные г. И-вымъ Потоцкій, Рижскій и мн. др. Черезъ мѣсяцъ съ немногимъ послѣ открытія Харьковскаго университета В. Н. Каразинъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета, который призналъ его таковымъ, „уваживъ отличную любовь къ наукамъ и *извѣстную ученому свѣту патріотическую ревность къ распространенію отечественнаго просвѣщенія*“. Одинъ „изъ главныхъ сотрудниковъ Александра въ первое пятилѣтіе его царствованія“ М. Н. Муравьевъ, сослуживецъ Каразина по особому комитету и коммиссіи училищъ, препровождая упомянутый дипломъ писалъ Василію Назаріевичу такъ: „Имѣвъ честь быть *ближайшимъ свидѣтелемъ Вашей просвѣщенной ревности къ развитію полезныхъ знаній* въ отечествѣ нашемъ служащей, съ истиннымъ удовольствіемъ препровождаю при семъ Вамъ дипломъ на званіе почетнаго члена императорскаго Московскаго университета, съ должною чувствительностью и признательностью участвующаго въ благосостояніи россіянъ, соотчичей своихъ... Примите сіе яко достовѣрнѣйшій знакъ къ Вамъ моего истиннаго почтенія“; 28 марта 1805 года [1]).

Въ засѣданіи совѣта 30 августа 1811 г. В. Н. Каразинъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Харьковскаго университета (графъ Завадовскій оставилъ постъ министра въ 1810 г.); совѣтъ торжественно призналъ заслуги Каразина и роль его въ основаніи Харьковскаго университета, мотивируя свое избраніе такъ: „Ad hunc virum eligendum senatus, praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est; quia eius singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta“ [2]), т. е. „Совѣтъ подвигнутъ былъ къ выборамъ этого мужа, помимо выдающихся познаній, которыми онъ отличается, еще также чувствомъ благодарности; ибо *единственно его старанію и труду нужно приписать учрежденіе въ Харьковѣ университета*“.

Чѣмъ же объясняетъ г. И-въ тотъ фактъ, что совѣтъ оффиціально призналъ Каразина основателемъ Харьковскаго университета?—Ему „ка-

---

1) Русская Старина, 1900 г. апрѣль, стр. 185.

2) Лавровскій, 101.

жется“, что „профессора университета испугались страсти Каразина къ доносамъ“. Основанiе оригинальное, но не убѣдительное.

Въ 1810 году лейбъ-медикъ ученый Реманъ просилъ Каразина, 30—31.
какъ лицо „находившееся въ самомъ центрѣ дѣйствiя“ Министерства Просвѣщенiя, высказать свой взглядъ на положенiе народнаго просвѣщенiя въ Россiи. Въ отвѣтъ на просьбу Каразинъ пишетъ, по словамъ г. Иванова, „доносъ“, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ. Высказавъ мысль, что Министерство Народнаго Просвѣщенiя должно быть главнымъ предметомъ заботъ правительства, такъ какъ будущность народа стоитъ въ тѣсной связи съ его просвѣщенiемъ, и что Мин. Нар. Просв. должно объединять въ себѣ всѣ учебныя заведенiя, Каразинъ указываетъ на неправильную, формальную постановку учебнаго дѣла въ Россiи [1]). „Много проэктовъ было подаваемо, разсматриваемо, пересматриваемо, переправляемо. Принималось въ соображенiе *все*, кромѣ

[1]) Русская Старина, 1875, XII. „*Народное просвѣщенiе!..* какое прекрасное выраженiе! Если-бъ, черезъ полсотни лѣтъ, я сдѣлался наконецъ *способнымъ* быть министромъ, то больше всего желалъ бы быть министромъ народнаго просвѣщенiя. Если что-либо можетъ обезпечить незыблемость безмѣрнаго пространства Россiи, то это только просвѣщенiе ея народовъ. Если что-либо можетъ сдѣлать ее истинно независимою отъ всякаго внѣшняго давленiя,—какъ бы громадно оно ни было,—то это опять-таки только просвѣщенiе“. „Произнося слово народное просвѣщенiе, я воображаю себѣ отрасль государственнаго, отеческаго управленiя, обнимающую все, что только можетъ относиться къ образованiю добрыхъ гражданъ, *къ какому бы сословiю они не принадлежали, какого бы пола и возраста ни были*. Но...?..!..“

Далѣе цитируемъ слова Каразина въ подтвержденiе указываемыхъ въ текстѣ пунктовъ.— „Я полагалъ бы возможнымъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, исправить понемногу, безъ шуму, недостатки настоящаго порядка вещей“. I, II. „Директоръ университета вмѣсто попечителя) долженъ уже жить непремѣнно на самомъ мѣстѣ, имѣть надзоръ надъ всѣмъ, что только относится до образованiя народнаго и распоряжаться хозяйственною частью, которая въ рукахъ профессоровъ, занятыхъ прямымъ ихъ дѣломъ, не можетъ процвѣтать и иногда самихъ ихъ невольно подвергаетъ осмѣянiю. Одинъ изъ профессоровъ, носящiй названiе *безсмѣннаго засѣдателя*, можетъ быть помощникомъ этого директора и исполнять также должность *прокурора*, если ему дается *право сноситься непосредственно съ министромъ* въ случаяхъ особенной важности. *Самъ университетъ въ своемъ коллегiальномъ составѣ (in corpore) могъ бы также пользоваться правомъ дѣлать непосредственныя представленiя министру. Это заставило бы* директора быть осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствiяхъ“. Происходятъ злоупотребленiя профессоровъ, получающихъ безконечные отпуски для ревизiй: „въ эту минуту, какъ я это пишу... да, именно *половина* профессоровъ Харьковскаго университета въ отлучкѣ подъ разными предлогами. Бывали случаи, что иной профессоръ въ семь лѣтъ своей службы въ университетѣ не прочелъ и двадцати лекцiй! А между тѣмъ жалованье ему идетъ своимъ порядкомъ. Вотъ, между прочимъ, слѣдствiя настоящаго порядка вещей!“ III. „Не только директоры университетовъ, но и директоры гимназiй и смотрители уѣздныхъ училищъ должны быть изъ мѣстныхъ дворянъ. Помѣщикъ, привязанный всѣми возможными узами

духа народа, его существеннѣйшихъ нуждъ и желаній" (сравни: Предначертаніе Харьковскаго университета Каразина). Организація учебныхъ заведеній должна соотвѣтствовать нуждамъ населенія; поэтому Каразинъ полагалъ нужнымъ (I) „преобразовать" (одинъ) Казанскій университетъ „въ *высшее* для азіатскихъ народовъ училище, въ которомъ *изученіе восточныхъ языковъ* было бы обязательно, для чего допустить пріемъ и русскихъ", этимъ достигались бы двѣ цѣли: уменьшились бы „малопроизводительныя издержки" и удовлетворилась бы насущная потребность края. Кромѣ того Каразинъ считалъ нужнымъ (II) вообще реформу университетскаго строя: бо́льшую автономію профессорской коллегіи, возможность контролировать начальство, освобожденіе профессоровъ отъ экзекуторскихъ и инспекторскихъ обязанностей по учебному округу [1]). (III) Послѣднія должности во избѣжаніе взяточничества и *съ цѣлью привлечь общество* къ дѣлу просвѣщенія передаются мѣстнымъ дворянамъ-помѣщикамъ [2]). (IV—V) При современномъ положеніи народное просвѣщеніе сильно страдаетъ одностороннимъ, военнымъ характеромъ. Причина этой ненормальности заключается, во 1-хъ, въ томъ, что поступленіе въ кадетскій корпусъ обезпечиваетъ карьеру учащагося и, во 2-хъ, родители увѣрены, что „дѣти будутъ имѣть хорошій надзоръ, такъ какъ въ корпусахъ они получаютъ полный пансіонъ. Отдавая преимущество граж-

---

къ мѣсту своего рожденія и постояннаго жительства, безъ сомнѣнія предпочтительнѣе человѣка, присланнаго съ вѣтру и пріѣзжающаго большею частью съ пустымъ карманомъ". „Дворянство, имѣя въ виду такія должности, невольно интересовалось бы дѣломъ народнаго просвѣщенія, между тѣмъ, какъ теперь оно ему чуждо". IV—V. Подъ руководствомъ преподавателя военныхъ наукъ, гимназисты могли бы играя, такъ сказать, учиться военнымъ эволюціямъ, по большей части для нихъ заманчивымъ. Упражненія эти могутъ продолжаться и въ университетахъ, вмѣстѣ съ другими гимнастическими занятіями, какъ то: верховой ѣздой, фехтованьемъ и пр. Такимъ путемъ государство достигло бы цѣли имѣть хорошихъ военныхъ офицеровъ. Въ доказательство, пусть сравнятъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ московскомъ и харьковскомъ университетахъ и поступившихъ, по желанію своему, въ военную службу, съ лучшими изъ воспитавшихся въ петербургскихъ корпусахъ". — „Родители всегда будутъ воспитывать дѣтей или дома, или въ пансіонахъ („даже плохихъ, за неимѣніемъ хорошихъ, обѣщающихъ образованіе полное"), чѣмъ пускать ихъ бѣгать въ такъ называемые храмы Минервы". Предлагаемъ читателю сравнить цитированныя мѣста изъ письма къ Реману съ соотвѣтствующими имъ заключеніями г. И-ва стр. 30—32. Подобное сравненіе явилось бы яркой иллюстраціей извращеній словъ В. Н. Каразина и пріемовъ, которые употребляетъ г. И-въ для доказательства своихъ выводовъ.

[1]) На обязанности профессоровъ университета лежала ревизія училищъ учебныхъ округовъ, растягивавшихся на тысячи верстъ.

[2]) Эта самая мысль проводится въ Предварительныхъ Правилахъ Н. Пр. и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ письмѣ В. Н. Каразина къ Реману.

данскому образованію, Каразинъ полагалъ нужнымъ поднять его условія устроеніемъ пансіоновъ при учебныхъ заведеніяхъ по примѣру „московскаго университетскаго пансіона“ и привлечь членовъ общества къ управленію этими интернатами; если же, кромѣ того, въ удовлетвореніе потребности общества прибавить хоть трехъ профессоровъ военныхъ наукъ въ университетъ, а въ гимназіи приглашать по одному офицеру для преподаванія военной гимнастики, то родители охотно будутъ отдавать дѣтей въ университеты и гимназіи, а государство безъ большихъ затратъ будетъ имѣть и просвѣщенныхъ чиновниковъ и образованныхъ офицеровъ.

Какъ далеки всѣ эти мысли отъ вывода г. Иванова: „да погиб- 32.
нутъ университеты, да здравствуютъ въ Россіи кадетскіе корпуса!“.

Въ заключеніе письма Каразинъ высказываетъ нѣсколько общихъ взглядовъ на дѣло воспитанія. Необходимо „разрѣшить пріемъ дѣтей церковнослужителей во всѣ училища. *Государство должно освободиться отъ стремленія дѣлить людей на служебныя касты;* всякій долженъ имѣть возможность избирать себѣ то поприще, къ какому онъ склоненъ по индивидуальной своей природѣ. Рознь и вражда между сословіями, порождаемая разностію воспитанія съ самаго дѣтства, духъ партій, поддерживаемый въ затворахъ духовныхъ и свѣтскихъ („корпусахъ“), бываютъ главною причиною государственныхъ переворотовъ. *Истинно-патріотическое воспитаніе должно быть основано на началахъ болѣе честныхъ*“. Этотъ „доносъ“ былъ писанъ еще *въ 1810 году.*

„Изъ письма Каразина къ Реману, говоритъ г. Ивановъ, видно, что этотъ поборникъ мракобѣсія далеко опередилъ въ своихъ ретроградныхъ взглядахъ даже знаменитаго „гасителя просвѣщенія“ Магницкаго“.

Въ дѣйствительности изъ этого письма мы видимъ, какъ глубоко и широко понималъ Каразинъ дѣло народнаго образованія. Эта же широта взглядовъ отличаетъ все научное творчество Василія Назаріевича. Достаточно посмотрѣть его изслѣдованія „о паденіи курса рубля“, „Исторія медицины въ Россіи“, „О украинской старинѣ“, „Объ археологическихъ древностяхъ Слободской украйны“, „О имени славянъ“, „Путешествіе въ Россію апостола Андрея Первозваннаго“, „Объ окаменѣлостяхъ“, „О метеорологіи“, „О приложеніи электричества“, „О химическихъ превращеніяхъ“ и т. д., и. т. д., чтобы понять, какъ разносторонне и въ то же время спеціально былъ образованъ Каразинъ, да еще для своего времени. Сперанскій, работая по вопросу о крестьянахъ, обращался за совѣтомъ къ В. Н. Каразину; Н. М. Карамзинъ, составляя исторію государства Россійскаго освѣдомлялся о взглядахъ Каразина и пользовался доставляемыми имъ источниками. Письма ихъ обо всемъ этомъ дошли до насъ. На такой же почвѣ завязалось зна-

комство съ Жуковскимъ, Погодинымъ, Глинкой, Плетневымъ, Дмитріевымъ, Бецкимъ и многими др. Съ Каразинымъ переписывались многіе профессора, между прочимъ, и иностранные. Научныя заслуги Каразина признавались обществомъ; оффиціальными, лестными свидѣтельствами онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ семи ученыхъ коллегій: Московскаго университета, Московскаго Общества Естествоиспытателей, Харьковскаго университета, Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ, С.-Петербургскаго Общества Любителей Россійской Словесности, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Вольно-Экономическаго Общества. Въ этихъ учрежденіяхъ Каразинъ нерѣдко докладывалъ о своихъ трудахъ, удостоивался одобреній и проч., но теплѣе всего онъ относился къ родному ему Харьковскому университету; до конца жизни мы видимъ стремленіе принести ему пользу. Немедленно послѣ отставки онъ даритъ собраніе научныхъ моделей и коллекцій, въ концѣ 1804 г. даритъ электрическую машину, 1806 г. передаетъ университету собственный переводъ съ иностраннаго научныхъ сочиненій, что́ университетъ призналъ „полезнымъ" напечатать на университетскій счетъ; даритъ научныя изданія и мног. друг. Жизнью университета Каразинъ близко интересовался и на закатѣ дней своихъ съ любовью описываетъ посѣщеніе своего дѣтища [1]). Въ 1840 г. Каразинъ обратился съ просьбой къ попечителю Харьковскаго округа назначить его сверхштатнымъ помощникомъ библіотекаря университета *безъ жалованья*. 67-лѣтній старикъ мотивировалъ свое прошеніе желаніемъ спасти отъ гибели цѣнныя изданія и рукописи библіотеки, пропадавшія отъ небреженія; просьба была уважена и такимъ образомъ В. Н. Каразинъ еще разъ засвидѣтельствовалъ свое безкорыстное чисто идейное служеніе благу общему.

Послѣ сказаннаго читатель, вѣроятно, удивится, что г. И-ву „понятна ненависть Каразина къ Харьковскому университету" (стр. 32).

33. Теперь коснемся несправедливости, тяготѣющей надъ памятью В. Н. Каразина по поводу акцій филотехническаго общества. Впервые намекъ на этотъ счетъ былъ брошенъ много лѣтъ послѣ смерти В. Н. Каразина (Анастасевичемъ) и болѣе 30 лѣтъ послѣ основанія общества. Въ продолженіи существованія общества и до конца жизни Каразина (1811—1842) никто ни разу не упрекнулъ его въ обманѣ или подлогѣ, не дѣ-

---

[1]) См. его статью въ Харьк. Вѣд. 1840 г., № 15.—Г. И-въ говоритъ, что В. Н. Каразинъ мечталъ объ университетской каѳедрѣ, но это неправда, ибо Каразинъ никогда объ этомъ не говорилъ. Цитированныя слова (стр. 32) принадлежатъ не Василію Назаріевичу, а его сыну Филадельфу, при чемъ смыслъ ихъ искажонъ.

лалъ этого и Анастасевичъ. На основанiи знакомства съ исторiей филотехническаго общества представимъ дѣло въ настоящемъ его видѣ.

Въ 1814 году (т. е. черезъ 3 года послѣ покупки акцiи филотехническаго общества) [1]) Анастасевичъ сообщилъ Каразину о томъ, что на принадлежащей ему акцiи филотехническаго общества появился зеленый знакъ [2]). Каразинъ въ отвѣтъ предложилъ познакомиться съ уставомъ общества (Высочайше утвержденнымъ).—Задача основаннаго Каразинымъ общества заключалась въ слѣдующемъ: поднять первобытную культуру „полуденнаго края" (8 губернiй) (§ 1); съ этою цѣлью привлечь помѣщиковъ къ устроенiю заводовъ, обрабатывающихъ сельско-хозяйственные продукты и т. п. (§ 3—5); для первоначальной поддержки послѣднихъ основать капиталъ. Послѣднiй составлялся такимъ путемъ:—каждый членъ общества долженъ былъ внести 100 рублей, на которые онъ получалъ росписку въ видѣ акцiи (§ 15). Акцiя представляетъ собою четвертушку простой писчей бумаги съ обозначенiемъ сроковъ полученiя процентовъ (6%) (§ 17). Подобную акцiю ничего не стоило поддѣлать, а потому, чтобы „установить довѣрiе публики", на каждой выдаваемой акцiи ставился невидимыми чернилами знакъ (о чемъ значится на каждой акцiи). Всѣ акцiи обезпечиваются залогомъ (соотвѣтствующей цѣнности), который представляетъ „правитель дѣлъ", выдавшiй акцiю, оффицiальнымъ порядкомъ передавая закладную на имя членовъ Общества (§ 19) [3]). Въ теченiе 3 лѣтъ со дня выдачи, акцiя должна быть предъявлена для полученiя по ней процентовъ и въ продолженiе этого времени имѣетъ значенiе „ходячей монеты" (§ 22). Черезъ 3 года самъ собою появляется зеленый знакъ и акцiя теряетъ свою цѣнность *въ томъ только случаѣ*, если къ этому времени будутъ выстроены на капиталъ общества промышленныя заведенiя и если они будутъ приносить доходъ. Съ этого времени членскiй взносъ обезпечивается самимъ заведенiемъ и составляющимъ теперь капиталъ Общества (§ 22). Если же подобныхъ заведенiй не будетъ, акцiи продолжаютъ обезпечиваться залогомъ правителя дѣлъ. — Акцiя, предъявленная съ обнаружившимся уже знакомъ (т. е. на 4-мъ году послѣ выдачи), считалась недѣйствительною. Это дѣ-

---

[1]) См. списокъ членовъ Филотехн. Общ. за 1811 г.

[2]) И до этого письма и послѣ Анастасевичъ находился съ Каразинымъ въ прiятельской перепискѣ, дошедшей (не напечатанной) до насъ.

[3]) Такимъ образомъ въ случаѣ смерти Правителя дѣлъ наслѣдники выплачивали всѣ акцiи (§ 23). Согласно уставу В. Н. Каразинъ немедленно по учрежденiи общества далъ въ залогъ и обезпеченiе акцiй часть своего имѣнiя на имя членовъ общества. Этотъ залогъ превышалъ цѣнностью 10 т. р., на каковую сумму не разошлось акцiй даже ко времени прекращенiя дѣятельности общества.

лалось съ цѣлью заставить членовъ быть аккуратными (предъявлять акціи на третьемъ году со дня выдачи) и тѣмъ „обезпечить капиталъ общества“ отъ несвоевременныхъ погашеній (надпись на акціи).

Въ 1814 году зеленый знакъ обнаружился на 56 акціяхъ (въ томъ числѣ Анастасевичевой), выданныхъ въ 1811 году. Такъ какъ правитель дѣлъ Каразинъ не могъ выполнить всѣхъ условій, необходимыхъ для уничтоженія акцій, то его имѣніе, отданное въ залогъ членамъ общества, продолжало обезпечивать выданныя акціи. Только въ 1820 году, когда Каразинъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургъ (за либеральность своихъ воззрѣній), общество фактически прекратило свое существованіе (оффиціально оно не было упразднено) и только въ 1828 году члены предъявили искъ по закладной.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что заключеніе г. И-ва о взглядѣ современниковъ на дѣло филотехническаго общества, какъ на „мошенничество“ (стр. 33),—неосновательно. Наоборотъ, современники отдавали должную дань уваженія В. Н. Каразину и признанія его заслугъ на пользу общую. Министръ внутреннихъ дѣлъ О. Козодавлевъ писалъ Каразину: „Не могу не признать, что вездѣ видны усердіе и дѣятельность ваши въ исполненіи порученій общества и во многихъ опытахъ, служащихъ къ улучшенію разныхъ предметовъ домоводства. Для меня будетъ весьма пріятно содѣйствовать по моей возможности трудамъ и успѣхамъ филотехническаго общества и по званію моему доводить объ оныхъ до свѣдѣнія его величества“ [1]). По тому же предмету писалъ епископъ Ѳеоктистъ: „кто великъ въ маломъ, кто въ краткое время дѣлаетъ много, того особливо почитать должно, взирая на его таковые данные ему отъ Бога таланты. Вы почтеннѣйшій мужъ, по даннымъ вамъ отъ Бога талантамъ и въ краткое время сдѣлали много. Теперь остается всѣмъ патріотамъ всеусердно желать вамъ долголѣтія и благоденствія къ умноженію пользы и славы здѣшняго края!“ [2]). Такъ-же отнесся къ предпріятію старикъ *Державинъ:* „Отдаю всю справедливость истинному патріотизму вашему и прямому усердію къ истинному благу отечества, и прошу Бога, чтобъ возбудилась таковая ревность и въ прочихъ сынахъ отечества, а безъ того едва ли успѣховъ ожидать можно будетъ“ [3]). Графъ В. П. Кочубей писалъ: „Я желаю, чтобы успѣхи (филотехническаго общества) совершенно оправдали полезныя предпріятія ваши и доставили вамъ удовольствіе видѣть увѣнчанными труды ваши, клонящіеся къ благосостоянію полуденнаго края, въ коемъ вы по занятіямъ и качествамъ вашимъ

---

[1]) Русская Старина 1901 г., іюль, стр. 200.

[2]) Сѣв. Пч. 1860 г. № 92.

[3]) Русская Старина 1900 г., ноябрь.

пользуетесь столь пріятнымъ для васъ уваженіемъ“ [1]). Это, конечно, не всѣ отзывы; есть много другихъ аналогичныхъ съ приведенными.

Если обратиться къ исторіи филотехническаго общества, то съ полной ясностью обнаруживается истинный его идеалистическій характеръ. Въ основу общества Каразинымъ была положена (какъ и во всѣхъ его предпріятіяхъ) крайняя вѣра въ людей и торжество общественнаго блага. Напримѣръ, Каразинъ обѣщалъ давать на акціи 6% чистаго дохода, который по его мнѣнію *непремѣнно* долженъ былъ явиться слѣдствіемъ ученыхъ опытовъ и ихъ введенія въ жизнь; и онъ съ рвеніемъ принялся за устройство заводовъ, лабораторій, организацію опытныхъ полей, приготовленіе дорогихъ физическихъ и химическихъ приборовъ и опытовъ; подобныя затраты не могли давать доходъ, а самое ближайшее время указало на полную инертность членовъ общества, которые ограничивались полученіемъ по акціямъ процентовъ, выплачиваемыхъ Каразинымъ, разумѣется, изъ собственныхъ средствъ. Опыты продолжались, продолжались затраты на нихъ; нѣсколько разъ оффиціально назначались коммиссіи спеціалистовъ для констатированія пользы открытій Каразина, какъ правителя дѣлъ общества, и каждый разъ (за исключеніемъ одного) опыты Каразина признавались заслуживающими полнаго вниманія и проведенія въ жизнь. Но для послѣдней цѣли нужны были люди и средства, чего и не доставало. Къ 1817 г. Каразинъ истратилъ свыше 19 т. руб. на научные опыты по филотехническому обществу, изъ коихъ лишь 9 т. были внесены по акціямъ, прочее было изъ личныхъ средствъ Каразина [2]). Можно ли послѣ этого согласиться съ г. И-вымъ, что въ основѣ филотехническаго общества было „мошенничество“ Каразина? [3])

Теперь мы подойдемъ къ тому времени, когда В. Н. Каразинъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость за свои либеральныя воззрѣнія.

Г. И-въ такъ говоритъ объ этомъ фактѣ: „Каразинъ переселяется (въ 1820 г.) въ Петербургъ и здѣсь всѣ свои силы, всю свою энергію посвящаетъ доносамъ и шпіонству“ (стр. 33). Мы укажемъ происхожденіе и характеръ „доносовъ и шпіонства“ Каразина.

Въ 1801 году Каразинъ высказалъ свое политическое credo императору Александру и былъ имъ за то обласканъ и приближенъ. Въ 1820 году тому же государю Каразинъ высказалъ тѣ же мысли и былъ за то заточенъ въ Шлиссельбургъ. Читателю будетъ понятна такая не- 34—42.

---

1) Сѣв. Пч. 1860 г. № 92.

2) Сборн. Ист. Мат. Канц. Е. Вел. вып. II. Докладъ государю.

3) О филотехническомъ обществѣ см. Кіевск. Стар. 1905 г. май.

послѣдовательность, если онъ вспомнитъ, что либеральныя начала, проводимыя въ первое пятилѣтіе царствованія императора Александра I, мало по малу начинаютъ отступать на заднiй планъ, стушовываются ко времени Священнаго союза и замѣняются программами Магницкихъ, Фотіевъ, Руничей и Аракчеевыхъ къ 1820 годамъ. Такимъ образомъ, что можно было сказать въ 1801 году, того нельзя было сказать въ 1820 году. А взгляды Каразина остались одни и тѣ же, и онъ употреблялъ одинъ и тотъ же способъ ихъ исповѣданія. Этотъ способъ исповѣданія вытекалъ въ свою очередь изъ политическаго міровоззрѣнія Каразина, взгляда его на долгъ каждаго „сына отечества", какимъ онъ себя считалъ.

Какъ въ 1801 году, такъ и теперь на первое мѣсто Каразинъ ставилъ 1) *законность* (происходятъ „злоупотребленія самого законодательства", время обосновать и упрочить существованіе Россіи на принципѣ законности, чтобы спасти государство отъ гибели (тетр. 7); потребна честность, строгая законность („loyauté"), систематическій планъ, твердо обдуманный и неуклонно поддерживаемый въ жизни государства; (записки 1820 г.). На стражѣ закона стоитъ правительство съ 2) *государемъ* во главѣ. Государь не деспотъ самодержецъ, а монархъ въ христіанскомъ смыслѣ слова. Государство подчинено ему, „но не какъ рабъ его, а какъ совѣтникъ" (зап. 1820 г.). Правительство опирается на 3) *общественное мнѣніе.* „Я вседушевно не одобряю *нынѣшнихъ* конституцій (такъ какъ „опредѣленіе или выборъ имѣютъ мѣсто только тамъ, гдѣ власть и собственность не имѣютъ между собою ничего общаго"). Начала нашего государственнаго установленія должны быть отысканы въ религіи и *въ древнихъ обычаяхъ нашего отечества.* Къ чему эти громкія собранія, уничтожающія власть подобно, какъ и ораторство съ престола? Но государи наши, бывъ представителями Бога вселенной, съ могуществомъ, которое по началамъ религіи отъ него заимствуютъ, не могутъ, яко человѣки, соединять въ себѣ самихъ его премудрости. Вотъ почему для достойнаго и благотворительнѣйшаго народамъ представленія въ своемъ лицѣ высочайшаго существа, для управленія народами на землѣ, подобнаго его управленію мірами, цари наши всегда были внушаемы *государственною думою!*.. Но *дума* сія, *представляя въ себѣ разумъ цѣлаго царства*, не извѣстна была народу своимъ велерѣчіемъ. *Дѣйствія ея предваряли* всегда торжественныя и невозвратныя изреченія власти державной, *но предваряли ихъ тайно.* Это было зеркало, въ которомъ цари могли ясно видѣть *общественное мнѣніе: что необходимо!*" (т. 7-я). „Долгъ сына отечества" это—нести правительству свою долю свѣдѣній о положеніи государства и о мѣрахъ для его прогресса; въ свою оче-

редь, „правительство есть средоточіе, куда *необходимо должна* стекаться *всякая мысль* о благѣ общемъ“ (т. 3-я). Подача голосовъ непремѣнно должна быть тайная, чтобы разоблаченіями непорядковъ не уронить необходимаго престижа власти: „въ правленіяхъ монархическихъ, всякій отзывъ къ монарху своему позволенъ, *лишь бы не публично.* Это—почтительная, тайная бесѣда добраго сына. Излишество или неразуміе въ ней наказывается однимъ неуваженіемъ,—и только“ (письмо 1826 г. къ императору Николаю).

Эти убѣжденія Каразина были причиной его безпрестанныхъ обращеній съ 1801 года къ государю и министрамъ (1805, 1806 и 1808 къ государю, 1810 - Сперанскому, 1811—Кочубею, 1811—1814—Аракчееву, Козодавлеву, 1815—Салтыкову, 1817, 1818—государю и множество другихъ) съ указаніями на необходимость общихъ законодательныхъ мѣръ въ разныхъ частяхъ управленія. Часто Каразина благодарили и исполняли его совѣты, а иногда онъ только ухудшалъ такой смѣлостью и безъ того тяжолое свое положеніе. Самый тяжкій ударъ былъ вызванъ Каразинымъ въ 1820 г. Еще въ 1819 г. онъ обращалъ вниманіе гр. Кочубея на дикія проявленія мистицизма, вкоренившагося въ жизнь русскихъ учебныхъ заведеній. По Харьковскому округу былъ даже разосланъ (попечителемъ мистикомъ З. Я. Карнѣевымъ) циркуляръ предписывающій преподавать въ университетѣ и гимназіяхъ сочиненія мистическаго содержанія, образцомъ которыхъ ставилась „Божественная Философія“ Дю-Туа. Трудно повѣрить, какими суевѣріями и бредомъ наполнена эта книга: здѣсь мистическая характеристика разума, религіи, нравственности, магіи (!) и т. д. „Разумъ есть добрый смыслъ человѣка; онъ есть приливъ обыкновенныхъ мыслей вслѣдствіе того, что переданныя ему чувства, воспламенившія, возбудившія, приведшія въ движеніе внутреннюю его плодотворность въ отношеніи къ тому, что они ему передали; сія внутренняя плодотворность есть звѣздный духъ или воспламенѣніе его“. Въ главѣ „О различныхъ родахъ магій и о притягательныхъ силахъ святыхъ, злыхъ и смѣшныхъ (!)“, говорится: „Слово магія въ самомъ общемъ своемъ значеніи есть притягательная сила, пружина, приводящая въ движеніе или сверхъестественную, или нижнюю область“; „есть магія божественная, магія ангельская, чистая безъ примѣси, магія естественная, магія плотская и магія единственно діавольская“ и т. д. и т. д. „Чудеса дѣлаются посредствомъ Эфира“. Въ той же книгѣ авторъ, шотландецъ Дю-Туа уподобляется Христу въ крестной смерти; разница лишь въ томъ, что Христу давали пить уксусъ, а святому Дю-Туа—шоколадъ. Подобными откровеніями заполнена

вся „Божественная Философія“ [1]). И эта книга съ разрѣшенія министра назначалась циркуляромъ попечителя „преимущественно и предпочтительно для наставленія юношества“, какъ „соразмѣрная понятію учащихъ и учащихся“. Каразинъ не вытерпѣлъ и представилъ Кочубею экземпляръ „Божественной философіи“ съ приложеніемъ циркуляра попечителя. И возмущеніе этимъ В. Н. Каразина можно ли назвать доносомъ на попечителя?

Въ продолженіе 1820 г. Каразинъ былъ въ Петербургѣ, сотрудничалъ въ разныхъ журналахъ, печаталъ свои статистическія изслѣдованія о населеніи Слободской Украины. Въ то же время онъ бывалъ у министра внутр. дѣлъ гр. Кочубея и указывалъ ему на необходимость коренныхъ реформъ въ разныхъ областяхъ государственнаго управленія. Главное зло Каразинъ видѣлъ въ томъ, что Россія управляется не законами, а безчисленными циркулярами. Въ особой докладной запискѣ (дек. 1819 г.) Каразинъ обнаружилъ вопіющія злоупотребленія въ продажѣ крѣпостныхъ людей помѣщиками. Благодаря неточности законодательства „десять разъ узаконяется одно и то же только разными словами и въ различныхъ видахъ, между тѣмъ какъ прежнія узаконенія не выполняются“. „Сколько указовъ, конфирмованныхъ мнѣній совѣта и докладовъ противу продажи людей порознь! Но она тѣмъ не менѣе совершается безъ всякаго отступленія отъ формъ закона“. „Нѣтъ закона, дѣлающаго *лично* крестьянъ крѣпостными помѣщика; обычай обратился въ законъ чрезъ долговременное употребленіе“. И продажа людей происходитъ безпрепятственно и безчеловѣчнымъ образомъ; цѣлыя толпы „продаютъ за Кубань во владѣніе чеченцевъ; въ семъ послѣднемъ случаѣ, человѣкъ показывается умершимъ“. Существуютъ спеціальные коммиссіонеры для продажи крѣпостныхъ. Изобрѣтено множество способовъ обходить законъ и продавать людей лицамъ, не имѣющимъ права покупать ихъ—армянамъ, бухарцамъ, разъѣзжающимъ съ шалями. Вотъ одинъ примѣръ. Пишутъ такой контрактъ: «помѣщикъ или помѣщица отдаетъ нахичеванскому или казанскому купцу свою крѣпостную дѣвку *для наученія шитью* золотомъ и шелками или тканью тѣхъ или другихъ матерій, срокомъ на двадцать пять лѣтъ». Рыдающая невинность, разлучась съ родителями и женихомъ навѣки, переходитъ въ объятія азіатца; а у барыни въ замѣнъ остается выбранная ею шаль“. Преступленіе совершено и законъ соблюденъ. „Умножая многосложность законовъ, умножите только ухищренія противъ нихъ“ указывалъ Каразинъ на необходимость точныхъ и краткихъ законовъ. „Въ тридцати томахъ in folio (ибо

---

[1]) См. Сборн. Ист.—Фил. Общ. кн. 8. „Опытъ“, т. II.

столько уже набралось!) *указовъ* нынѣшняго царствованія, повторенія за повтореніями и оговорки за оговорками!“ „Но я опасаюсь продолжать сію записку, и рука поистинѣ начинаетъ дрожать. Горе *въ землѣ злоупотребленій* тому, кто отваживается ихъ обнаруживать! Не сдѣлавъ никакого добра отечеству, онъ легко можетъ повредить самому себѣ“ [1]. Для г. И-ва подобныя разоблаченія ужасовъ времени, дѣлаемыя въ лицо правительству, суть не что иное какъ „доносы“, предпринимаемые съ цѣлью выслужиться! (стр. 34). Намъ кажется, что всякій честный и благородный человѣкъ, у котораго хватило бы силы воли, поступилъ бы такъ-же, какъ Каразинъ. И онъ писалъ подобные „доносы“, пока его не посадили за это въ Шлиссельбургъ какъ политически-преступнаго человѣка.

Въ 1820 году разладъ между направленіемъ русской политики и русской интеллигенціи сталъ уже очень сильно ощущаться. Результатомъ этого разлада появилось множество тайныхъ обществъ и сектъ нерѣдко съ уродливыми проявленіями своей дѣятельности. Соотвѣтствующія мѣры принимало и правительство. Стѣсненія религіозной свободы, строгость цензуры, преслѣдованія и высылки становились все болѣе и болѣе обычнымъ явленіемъ. Въ Петербургѣ настроеніе было особенно тревожно. Государь за границей соблюдалъ пункты Священнаго Союза.

Каразинъ питалъ отвращеніе къ французской революціи и боялся подумать о возможности чего-либо подобнаго въ Россіи. Онъ все чаще говорилъ и писалъ Кочубею о необходимости реформъ со стороны правительства, чтобы избѣгнуть мѣръ насильственныхъ со стороны народа. Рѣзкое, антиправительственное направленіе журналовъ какъ бы подтверждало опасенія. Каразину казалось, что Россія наканунѣ революціи, что не сегодня завтра начнется ужасное разрушеніе государства. Письма частныхъ лицъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи говорили о такомъ же настроеніи въ провинціяхъ. Долгъ истиннаго патріота заставлялъ Каразина нести свои „мысли о благѣ общемъ“ правительству, скорѣе предупредить его о необходимости уврачевать язвы, образовавшіяся на тѣлѣ русскаго царства. Онъ поступалъ такъ, какъ дѣйствуютъ и нынѣ люди, неравнодушные къ судьбамъ своей родины. 31 марта онъ подалъ записку гр. Кочубею, гдѣ подробно изъяснялъ свой взглядъ на политическое состояніе Россіи. 21 апрѣля просилъ письменно государя обратить вниманіе на серьезность переживаемаго момента, доказываемую сообщеніями разныхъ лицъ изъ разныхъ мѣстъ, которыя всѣ сходятся въ одномъ— въ ожиданіи потрясеній для отечества.—На записку Каразина, передан-

---

[1]) „О бывшихъ злоупотребленіяхъ въ продажѣ людей“. Русск. Стар. 1903 г., августъ 457—460.

ную государю не черезъ лакеевъ, а лично княземъ Волконскимъ, и государь и Кочубей обратили вниманіе. Отъ Каразина было потребовано „по чувству долга и присяги вѣрноподданнаго указать обстоятельства, о которыхъ онъ говорилъ, подробнѣе, подкрѣпить ихъ доводами, *назвать самыя лица* отъ коихъ имѣетъ тѣ или другія свѣдѣнія и такъ далѣе". Каразинъ содрогнулся отъ одной мысли о доносѣ на лица! Немедленно онъ пишетъ Кочубею. „Относительно до указанія лицъ, имѣющихъ болѣе значенія *поимянно*, отъ кого, что и гдѣ, когда слышалъ,—признаюсь, ваше сіятельство, что совѣсть моя возмущается отъ одной мысли о таковомъ *предательствѣ всѣхъ благородныхъ чувствованій*. Я уже это вамъ сказывалъ при случаѣ разговора о язвительныхъ сочиненіяхъ. Сохрани насъ Боже возобновлять сцены царствованія Анны Ивановны!" „Вся мысль моя заключается въ тѣхъ словахъ вѣрноподданическаго моего письма, гдѣ я умоляю государя не оставить безъ вниманія *явленій*, которыя начинаютъ у насъ обнаруживаться". На „повелѣніе изложить обстоятельства подробнѣе" Каразинъ отвѣтилъ, что уже ссылался на записку 31 марта, поданную Кочубею. Главное зло Каразинъ по прежнему видѣлъ въ недостаткахъ русскаго циркулярнаго законодательства: „Двухъ произведеній министровъ, иногда чрезъ немногіе мѣсяцы одно послѣ другого вышедшихъ, нельзя сравнить, не ощутивъ очевидной разности *началъ*, или справедливѣе, въ оныхъ крайняго недостатка. Я не болѣе двухъ недѣль времени испрашиваю, чтобы пересмотрѣвъ 30 съ лишкомъ томовъ in folio (о которыхъ я писалъ вашему сіятельству 12 декабря прошлаго года), представить, конечно, болѣе 300 противорѣчій затруднявшихъ и затрудняющихъ исполнителей и народъ. Такое сравненіе было бы любопытно и полезно въ высшей степени" [1]).

Какъ бы то ни было, но на предупрежденія Каразина обратили вниманіе и предложили ему подробнѣе высказаться. Съ 13 мая по 17 ноября 1820 г. онъ пишетъ семь „тетрадей" о коренныхъ злоупотребленіяхъ и нестроеніи въ жизни Россіи, происходящихъ съ вѣдома и даже подъ покровительствомъ правительства. Конечно, это не доносы, а одна изъ замѣчательнѣйшихъ по смѣлости и яркости записокъ о политическомъ положеніи Россіи въ началѣ XIX в. Если записку Каразина считать доносомъ, то съ такимъ же правомъ можно такъ называть и современныя записки, резолюціи и т. п. Это скорѣе обвинительный актъ противъ тогдашняго правительства.

Религіозная свобода сдавлена. „Не только всѣ состоянія народа, но всѣ вѣроисповѣданія, какъ будто нарочно оскорбляются и раздражаются

---

[1]) Русс. Стар., 1870 г., т. II, стр. 568—574.

въ такомъ государствѣ, которое съ незапомнимыхъ временъ было образцомъ терпимости". „Давно ли изгнанъ добродѣтельный и умный Буссе, за изданіе нѣсколькихъ церковныхъ гимновъ, допущенныхъ, впрочемъ, Цоликоферомъ и другими почтеннѣйшими богословами въ Германіи, между тѣмъ какъ теперь г. Линдль, коверкаясь въ католическихъ храмахъ, преподаетъ къ соблазну католиковъ, содержаніе тѣхъ самыхъ гимновъ въ прозѣ?" и т. д. „Минская епархія не имѣетъ епископа, равно Гродно-Виленская: въ первой администраторомъ какой то каноникъ, а во второй, заключающей въ себѣ до 2 милліоновъ жителей—митрополитъ Сестренцевичъ, котораго, по его старости, естественно, едва можетъ доставать на могилевскую епархію. Въ Подольскую же опредѣленъ *безъ одобренія капитула* (мистикъ) нѣкто Мацкевичъ... низкій поклонникъ Министру" (министру кн. Голицыну). „Католики увѣрены, что якобы сдѣланъ правительствомъ планъ уничтожить сіе вѣроисповѣданіе! Такъ ли хочетъ и мыслитъ Россія утвердить въ союзѣ своемъ польскія провинціи?" Стѣсненіе іезуитовъ должно было быть мѣрою постепенной, ибо „хитрые эти пролазы, успѣвшіе поразвѣдать тайны наши рѣшительно пріуготовлены къ мщенію изгнаніемъ изо всей Россіи". Кромѣ того благодаря быстрой мѣрѣ вся Бѣлоруссія внезапно лишилась всѣхъ училищъ: „Не говорю уже о *присвоеніи*, или по крайней мѣрѣ *незаконномъ* отчужденіи іезуитскихъ имѣній" русскимъ правительствомъ. Послѣднее обвиненіе правительства было особенно рѣзкое; Каразинъ чувствуетъ это и продолжаетъ: „Ничто меня не можетъ устрашить *до того, чтобы я измѣнилъ правдѣ*. Притомъ, можетъ ли оскорбить вѣрноподданный, вѣщая подъ печатію тайны, между тѣмъ, когда чужестранецъ, гласящій иногда всенародно, не оскорбляетъ?"—„Почти вмѣстѣ съ іезуитами оскорблены $1^1/_2$ милліона *евреевъ*, пребывающихъ въ Россійской имперіи". Имъ запрещено имѣть прислугу изъ христіанъ; въ результатѣ является безпомощность еврея „свято («или упрямо»)" держащагося моисеева закона (запрещеніе труда и купли) и потому обязаннаго терпѣть голодъ и холодъ по субботамъ. „Они (евреи) опасаются болѣе всего привязокъ низшихъ чиновниковъ полиціи, алчности которыхъ, подобный законъ каждый день можетъ давать пищу" (тетр. I). Г. И-въ полагаетъ (стр. 41—42), что В. Н. Каразинъ мѣшался не въ свое дѣло, обращаясь къ правительству. Но приведемъ собственную цитату В. Н. Каразина, могущую служить прекрасною и благородною отповѣдью на это г. И-ву и ему подобнымъ. „Я мѣшаюсь не въ свое дѣло! А давно ли дѣло отечества, въ которомъ я живу, въ которомъ будутъ жить мои дѣти и внуки, котораго монархъ почитается *отцомъ* обширнѣйшаго семейства, перестало быть моимъ собственнымъ дѣломъ? Изъ какой азіатской системы взята

мысль эта? *Учить правительство:* выраженіе, изобрѣтенное нарочно для уязвленія самолюбія лицъ, правительство составляющихъ. Но авторы, публично издающіе книги о лучшемъ устройствѣ *законодательства,* финансовъ, и проч., развѣ не болѣе еще должны казаться виновными?" „Да и много ли насъ теперь въ Россіи, *желающихъ, имѣющихъ и дерзающихъ* говорить нѣчто правительству? Оно съ сей стороны можетъ оставаться покойнымъ: ему не наскучатъ". Такъ объяснялъ и оправдывалъ свой образъ дѣйствій В. Н. Каразинъ во 2-й тетради. Въ третьей онъ всею силою слова обрушивается на мистическо-библейское направленіе просвѣщенія народа (министерство Голицына). „Устремленіе умовъ *къ мистикѣ,* посредствомъ библіи и къ чтенію библіи *по направленію мистики,* есть мечтательна". Каразинъ указываетъ на непроизводительность правительственныхъ заботъ о распространеніи библіи и на совершенный комизмъ стремленія питать голодный русскій народъ—библіями. Это не есть неотложная необходимость по мнѣнію Каразина: „я не вижу ничего требующаго *немедленнаго* вниманія правительства, кромѣ отношенія поселянъ [1]) къ ихъ помѣщикамъ. Сего одного отнюдь не должно откладывать". Замѣтимъ, что въ это самое время, при близкомъ участіи Каразина составилось въ Петербургѣ общество, цѣлью котораго было стремиться „къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства, какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ въ сіе общество вступающимъ". Первыми членами были кн. Воронцовъ, кн. Меньшиковъ, Ник. и Ал. Тургеневы и В. Н. Каразинъ. „Нашему вѣку свойственно *пускать пыль въ глаза* и безполезно умножать *способы*", мѣтко высказался Каразинъ о страсти распространять въ народѣ библію и тѣмъ вести его къ совершенству [2]) (тетр. 3). Послѣ отправленія третьей тетради министру внутреннихъ дѣлъ, Каразинъ случайно попалъ въ Кронштадтъ; картина, какую представляли изъ себя жалкіе слѣды русскаго флота, ужаснула его. Разсказы моряковъ

---

[1]) „Я избѣгаю именованія *крестьянинъ.* Христіанинъ или крестьянинъ и рабъ значило у татаръ одно и то же: намъ ли увѣковѣчивать такой синонимъ?" Каразинъ. „О подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ..."

[2]) „Для распространенія благонравія прежде всего должно пріуготовить добрыхъ пастырей, сдѣлавъ сіе званіе почтеннымъ и *совсѣмъ независимымъ* отъ счетовъ *съ прихожанами* и позволяя вступать въ оное только тѣмъ изъ учащихся молодыхъ людей, которые отличились добрыми нравами и незыблемостью характера". „Одно чтеніе библіи не умножаетъ и добрыхъ нравовъ. Доказательствомъ тому наше духовенство, которое по необходимости обращаясь съ библіею каждый день, есть одно изъ развращеннѣйшихъ классовъ народа (т. е. я виню не состояніе [„званіе"], а обстоятельства, которыя тому причиною)". Г. И-въ исказилъ смыслъ этихъ словъ Каразина урѣзавъ фразы по усмотрѣнію (стр. 39).

подтвердили дѣйствительность. Каразинъ описываетъ свою поѣздку въ 4-й тетради. Нужно прочесть эту тетрадь, чтобы увидѣть, какъ слабы и блѣдны по сравненію съ нею разоблаченія о современномъ состояніи нашего морского дѣла нѣкоторыхъ нынѣшнихъ публицистовъ. А по г. И-ву, это доносъ! (стр. 34). „Истину (словъ Каразина) государь можетъ легко повѣрить *(провѣрить)*, если онъ употребитъ людей, ему и отечеству совершенно душою принадлежащихъ; только ихъ не должно искать въ числѣ особъ, которыя все одобряютъ и всѣмъ восхищаются; которыя пресыщаясь изобиліемъ и честьми, называются въ публикѣ *друзьями*, а въ кабинетѣ *вѣрными слугами* государя". „Вѣроятно-ли? въ самыхъ глазахъ друзей сихъ, многія тысячи народа, запроданныя какъ рабочій скотъ подрядчикамъ, вопіютъ къ небу, и вспоминая своихъ несчастныхъ женъ и дѣтей, оставленныхъ за семьсотъ и болѣе верстъ на скудныхъ нивахъ, въ одиночествѣ, со слезами безславятъ имя государя („помѣщики Витебской губерніи графъ Борхъ, Платеръ, Шадурскій, Михельсонъ и Шишкинъ, Могилевской—графъ Сологубъ, князь Любомирскій, Кроіеръ, отдаютъ своихъ крестьянъ подрядчикамъ на цѣлое лѣто, т. е. отъ 10 мая по 10 октября въ работу на дорогахъ въ здѣшней губерніи, получая по 110 р. за человѣка; кормить ихъ должны подрядчики чѣмъ заблагоразсудятъ, а покоить подъ открытымъ небомъ!"). „У меня не достало бы вѣроятно ни бумаги, ни силъ, если-бъ я долженъ былъ писать *о злоупотребленіяхъ*". „Милліоны расхищаются безъ малѣйшей пользы для государства". „Тысячу разъ я представлялъ себѣ россійское правительство огромнымъ и чудесною силою одареннымъ исполиномъ, который, вмѣсто устроенія себѣ покойнаго жилища, истощается на безполезное перекладываніе камней съ мѣста на мѣсто безъ всякаго отдыху" [1]). Трудно повѣрить, какъ все это сходило Каразину съ рукъ. Но вотъ произошло въ Петербургѣ событіе, надѣлавшее много шума и крайне раздражившее Александра I—неповиновеніе Семеновскаго полка. Настроеніе въ городѣ было чрезвычайно тревожное. Оберъ-полицiймейстеръ Горголи докладывалъ, что не отвѣчаетъ и за три дня спокойствія. „Зараженіе умовъ есть генеральное и замѣчается повсюду", говорилъ великій князь Константинъ Павловичъ. По Петербургу искали человѣка, читавшаго семеновцамъ прокламацію. Солдатамъ готовилась страшная судьба. Каразинъ садится и пишетъ оправданіе завѣдомо осужденнымъ солдатамъ

---

[1]) Вмѣстѣ съ 4 тетрадью Каразинъ отослалъ Кочубею нѣсколько рѣзкихъ антиправительственныхъ стихотвореній въ различныхъ журналахъ въ доказательство своихъ словъ о тревожномъ состояніи общества: „дабы увѣрить васъ, графъ, что я не сказалъ ничего лишняго въ бумагѣ моей 31 марта".

и обвиненіе политикѣ правительства; все это подаетъ министру внутреннихъ дѣлъ для передачи государю.

„Случившееся происшествіе не такъ страшно, какъ нѣкоторые здѣсь воображали, говорили, и какъ, можетъ быть, донесли государю. *Напротивъ*, изъ него-то я вижу во всемъ блескѣ благороднѣйшій характеръ безподобнаго русскаго народа“. „Съ прекраснымъ полкомъ было поступлено безъ снисхожденія“. „Жалобы были приносимы на Шварца (полковника, вызвавшаго жестокимъ обращеніемъ неповиновеніе солдатъ) неоднократно. Наконецъ они рѣшились нарядно просить объ удаленіи начальника. Единодушіе всего полка въ сей упорной просьбѣ, въ настояніи о ней, составляетъ, можно сказать, всю его вину. Никто изъ такого множества людей не имѣлъ при себѣ оружія, никто не произнесъ ни слова, которое могло бы имѣть значеніе угрозы. Первую роту обманомъ залучили и взяли въ крѣпость. Прочія, даже и симъ не оскорбясь, добровольно пошли за нею —въ однихъ шинеляхъ—желая раздѣлять наказаніе за общую вину. Какая черта среди безпорядка противъ дисциплины!... О народъ единственный! Я становлюсь предъ тобою на колѣни: слезы наполняютъ глаза мои. *Я горжусь* тѣмъ, что къ тебѣ принадлежу!.. Такъ ли поступаютъ возмущающіеся полки въ прочихъ земляхъ?“

Въ исторіи Семеновскаго полка Каразинъ видитъ одну науку правительству, указаніе на необходимость реформъ: „время укрѣпить разслабѣвающій составъ нашего государства! время замѣнить религіозное къ престолу почтеніе другимъ, основаннымъ на законахъ“. „Правители народовъ должны добровольными, *ими данными* постановленіями предварять постановленія насильственныя“. „Благородное наше юношество и народъ, который также выходитъ изъ дѣтскаго возраста, стоятъ въ настоящее время на самомъ опасномъ распутіи. Одно мгновеніе: и они пойдутъ въ тотъ или другой путь невозвратно. Ни самовластныя мѣры, ни подслащенныя слова, ниже тонкости французской полиціи тутъ потребны, все это дастъ совсѣмъ противный оборотъ дѣлу!—но честность, строгая честность (loyauté), систематическій планъ, основанный на началахъ христіанско-монархическаго правленія“. — *Необходимо* считаться съ *общественнымъ мнѣніемъ* (см. выше); „Напрасно думаютъ, что у насъ нѣтъ людей для составленія мнѣнія государственнаго. Ихъ очень достаточно. Довольно нѣсколькихъ въ каждой губерніи. Нѣтъ и нужды вызывать ихъ оттуда. Довольно учредить въ Петербургѣ средоточіе, которое бы дѣйствовало на губернскія подобныя же средоточія общественнаго мнѣнія и ими бы взаимно оживлялось“. Путь и характеръ реформъ должно искать „въ древнихъ обычаяхъ нашего отечества“; „Духъ народный представитъ истинныя начала, на которыхъ должны быть: отечественное поста-

новленіе, законы и образъ управленія". „Напрасно думаютъ, что какую-нибудь истину должно скрывать отъ народа. Отъ него должно скрывать ложь и бредъ, которые одни вредны, а истину должно сдѣлать только понятною". „Бояться дать поводъ разсуждать *о взаимныхъ отношеніяхъ правительства и народа*. Полиція съ жезломъ въ рукахъ,—цензуры, духовная и гражданская, съ затворами для словъ и мысли, поставлены на стражѣ". „Едва вѣроятно, что у насъ по сей части происходитъ! Глубокимъ молчаніемъ даютъ поводъ разсѣевать самыя вздорныя, самыя вредныя начала; между тѣмъ какъ правительство *противорѣчіемъ* самому себѣ, по временамъ показываетъ, какъ будто не имѣетъ никакихъ. Вчера оно превозглашало вольность, сегодня является деспотомъ; прежде славилось терпимостію вѣръ, потомъ вдругъ гонитъ и смѣшиваетъ всѣ религіи, всѣ начала" [1]). „Государи и ихъ царства («по духу религіи составляя одно тѣло») должны быть между собою въ томъ отношеніи какъ мужъ и жена. Сія послѣдняя подчинена мужу яко главѣ; но *не раба его, а совѣтница*".

Подобное оправданіе солдатъ-преступниковъ и либеральныя мысли Каразина слишкомъ шли въ разрѣзъ съ политикой времени. Его заподозрили въ возмущеніи Семеновцевъ [2]); ночью 26 ноября 1820 года Каразинъ былъ схваченъ и посаженъ въ Шлиссельбургъ.

Таковъ былъ результатъ смѣлаго слова Каразина въ защиту тѣхъ, въ пользу которыхъ не осмѣливался говорить никто въ государствѣ. А г. И-въ цинично замѣчаетъ, что Каразина справедливо „вздули", ибо онъ долженъ былъ дѣйствовать „по сезону" и не долженъ былъ говорить о вредѣ мистическихъ суевѣрій такъ „безтактно": „Радѣнія татариновскаго кружка въ Михайловскомъ дворцѣ вызывали слезы умиленія у Александра и Голицына; всѣмъ было извѣстно, что этотъ кружокъ находится подъ особымъ покровительствомъ этихъ историческихъ личностей; пророку Никитушкѣ Императоръ далъ чинъ и орденъ за его пророчества. Противъ всего этого возстаетъ Каразинъ и такимъ образомъ какъ бы укоряетъ самого Императора" (стр. 42).

---

[1]) Сходство воззрѣній Каразина и Магницкаго, которое видитъ г. И—въ (стр. 31—32), можетъ быть иллюстрировано нѣсколько слѣдующими словами Каразина: правительство противорѣчитъ самому себѣ, „учреждаетъ училища, но подчиняетъ ихъ невѣждамъ, или фанатикамъ („одно изъ величайшихъ противорѣчій!"). Магницкій, напр., всю молодость свою ничѣмъ не занимался, кромѣ французскаго вольнодумства и дурныхъ стишковъ. Теперь же ратуетъ за Евангеліе, разогналъ изъ Казани профессоровъ и полагаетъ уничтожить всякое преподаваніе философіи въ университетахъ". Тетрадь 7.

[2]) Русс. Арх. 1875 г., II, 327, 326. Историч. Вѣстн. 1900, апр. Шильдеръ, Имп. Алек. 1, IV, X прил.

Теперь о статистическомъ департаментѣ Каразина, въ которомъ яко бы особенно рельефно сказалось шпіонство Каразина.

По словамъ г. И-ва „Каразинъ доказываетъ, что отдѣльныя лица, какъ бы они не были благонамѣренны и наблюдательны въ качествѣ обсерваторовъ („т. е. шпіоновъ“) немного могутъ дать правительству: нужно учредить департаментъ съ этой цѣлью“ (стр. 35).

Прежде всего надо предупредить читателя, что проектъ статистическаго департамента Каразина, если и былъ имъ выработанъ, то не дошелъ до насъ. Г. И-въ ухитряется сдѣлать точный выводъ изъ тѣхъ немногихъ словъ (по обыкновенію изуродованныхъ г. И-вымъ до измѣненія смысла) Каразина, которыми онъ обмолвился въ запискѣ къ Кочубею. Мы бы вовсе не могли понять намековъ Каразина (въ упомянутой запискѣ) на статистическій департаментъ, если бы въ то самое время онъ не печаталъ уже свои статистическія изслѣдованія о Слободско-Украинской губерніи. Этотъ результатъ долгихъ трудовъ представляетъ собою статистическія данныя о числѣ жителей, браковъ, рождаемости и смертности во всѣхъ рѣшительно селеніяхъ Слободской губерніи въ продолженіе 10 лѣтъ (1808—1817 гг.). Громадныя статистическія таблицы были обработаны Каразинымъ въ приложенномъ къ нимъ „Объясненіи таблицы *обстоятельствъ народнаселенія* Слободско-Украинской губерніи“... Въ этомъ то „Объясненіи“ Каразинъ, сравнивая и дѣлая выводы изъ цифровыхъ данныхъ, высказываетъ свои взгляды вообще на великое значеніе статистическихъ изслѣдованій: „Таблицы обстоятельствъ народнаселенія, не только представляютъ истины новыя, достойныя вниманія дѣеписателей природы, врачей и философовъ, открывая постоянный и удивительный *порядокъ*, соприсутствующій роду человѣческому во всѣхъ его обстоятельствахъ, въ которыхъ прежніе мнили видѣть дѣйствіе слѣпого случая, но еще, что *онѣ обнаруживаютъ предъ очами правительствъ то, что чаще всего прочаго скрывается отъ ихъ свѣдѣнія—жизнь, благосостояніе и умноженіе подданныхъ*“. „Статистическія таблицы представляютъ и самое состояніе несравненно подробнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ *дѣлаютъ видимыми вѣроятныя причины каждой перемѣны*. Изъ чего выходитъ величайшая та выгода, что *чиновники* всѣхъ разрядовъ, *составляющіе правительства, могутъ обращать вниманіе на самыя причины*, зависящее отъ нихъ вліяніе, и отъ времени до времени повѣрять успѣхи своихъ попеченій, т. е. судить о ихъ дѣйствіи на *удаленіе препятствій къ народному благосостоянію и на споспѣшество къ оному*“. Средніе выводы изъ статистическихъ данныхъ открываютъ „обыкновенное (нормальное) теченіе естества въ размноженіи жизни и смертности человѣковъ на земномъ шарѣ“, а зная такой

нормальный ходъ жизни народа правительству остается лишь устранять препятствія этому правильному теченію [1]). Подобныя же статистическія сравненія указали Каразину въ 1817 году на тѣсную связь между благосостояніемъ народа и *образомъ управленія* [2]). Дополненіе и развитіе взглядовъ Каразина на статистику мы и встрѣчаемъ въ письмѣ къ Кочубею (3 тетр.): „Счастливымъ себя почту, если моя откровенность произведетъ мысль, что подобные мнѣ обсерваторы могутъ приносить свою пользу въ правительствѣ, столько многосложномъ, каково есть наше. Есть вещи, которыя ни оффиціально, ниже посредствомъ наемныхъ наблюдателей низкаго рода, никогда не дойдутъ до государя, который долженъ необходимо быть *всевидящее око своей имперіи.* Дайте мнѣ средства, и вы въ непродолжительное время станете созерцать картину ея, каковой не было еще представлено. Она нужна особливо въ настоящее время, которое (по выраженію Лейбница) чревато будущностію. „Le temps présent est gros de l'avenir." Простыя, даже статистическія свѣдѣнія, которыхъ собираніе должно служить предлогомъ (средствомъ), въ высшей степени важны для правительства, и я, сверхъ многаго, сказаннаго прежде, что, безъ сомнѣнія, вы изволили донести его величеству, представляю при семъ первый листъ моихъ таблицъ о Слободско-Украинской губерніи, каковыхъ листовъ вообще будетъ семь по порядку алфавита (теперь второй къ печати пріуготовляется). Взгляните, графъ, на результаты, выведенные въ послѣднихъ трехъ рядахъ. Не ужаснетесь-ли, напримѣръ, увидѣвши, что въ казенномъ селеніи № 38, по десяти-лѣтней сложности, ежегодно изъ шестнадцати до семнадцати жителей умираетъ одинъ? Та-

---

1) Акты Филотехн. Общ. т. VI. „Объясненіе таблицы", стр. 3—4. М. 1829 г.

2) Сравнивъ цифровыя данныя (по метрическимъ и исповѣданнымъ книгамъ) за 10 лѣтъ (1808 -1817) о жителяхъ Кручика и 3 сосѣднихъ казенныхъ селеній, Каразинъ нашелъ, что несмотря на одинаковость пахотной земли и образа жизни крестьянъ, несмотря на неблагопріятное для здоровья географическое (болотное) положеніе Кручика, смертность въ немъ оказалась почти вдвое меньше, а рождаемость и число браковъ въ Кручикѣ было значительно больше, чѣмъ у сосѣдей. Статистика была произведена за срокъ дѣйствія въ Кручикѣ сельскихъ учрежденій В. Н. Каразина. Изъ дальнѣйшихъ статистическихъ сравненій оказалось, что благосостояніе кручанскихъ крестьянъ значительно возросло, а сборы хлѣбовъ въ Кручикѣ при одинаковомъ количествѣ земли гораздо больше, чѣмъ въ сосѣднихъ частно-владѣльческихъ и казенныхъ селахъ, крестьяне которыхъ „не различествуютъ отъ кручанскихъ *ни чѣмъ*, кромѣ *образа управленія*". Всѣ указанные выводы были оффиціально засвидѣтельствованы уѣзднымъ начальствомъ (отчетъ Филот. Общ. 1818 г X. 1818. стр. 15—17, 30). Подобнымъ же образомъ широко организованная статистика могла открыть правительству подлинное внутреннее положеніе всего государства; изъ такихъ основаній исходилъ Каразинъ и подобное средство, разумѣется, ничего не имѣетъ общаго со шпіонскими пріемами.

ковой смертности нигдѣ не слыхано въ Европѣ! Это настоящій моръ: и кому, какъ не *правительству надлежитъ какъ возможно скорѣе позаботиться открыть подлинныя его причины и удалить ихъ? Вотъ между прочими истинный предметъ (назначеніе) статистики!*" „Результаты моихъ таблицъ показываютъ еще *благосостояніе каждаго селенія, хорошее или дурное ихъ управленіе и вліяніе мѣстоположенія и климата:* все сіе *съ перваго взгляда* и вѣрнѣе всѣхъ прочихъ доводовъ. Непремѣнно *надобно завести подобныя въ военныхъ поселеніяхъ, если государь императоръ желаетъ математически увѣриться въ томъ, пойдутъ ли они къ своей цѣли*". Въ другомъ письмѣ къ Кочубею (послѣ 21 апр.) Каразинъ еще обмолвился нѣсколькими словами о статистическомъ департаментѣ, которыя мы цитируемъ полностью (ср. стр. 35—36 брош. г. И-ва). Говоря о пользѣ учрежденія спеціальнаго статистическаго департамента Каразинъ объясняетъ: „Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ, каковыя можетъ имѣть правительство узнать не отдѣльные анекдоты („пищу низкихъ шпіоновъ")—но подлинное внутреннее положеніе государства систематическимъ образомъ,—было бы, кажется, учрежденіе статистическаго департамента... Я безъ всякаго шуму и подъ предлогомъ (при посредствѣ) однихъ статистическихъ обозрѣній открылъ бы въ связи тысячи происшествій и обстоятельствъ, и *злоупотребленій важнѣйшихъ, вовсе неизвѣстныхъ правительству.* За способности и усердіе мое вы сами можете поручиться, и я охотно собою жертвую на сей предметъ подъ начальствомъ вашимъ, *особливо если званіе это соединить со званіемъ правителя дѣлъ общества, предполагаемаго мною и другими значительнѣйшими меня особами* (общества объ облегченіи участи крестьянъ и освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости), о которыхъ, я думаю, его величеству уже донесено; буде же нѣтъ, то представьте списокъ, съ общаго нашего согласія ввѣренный на разсмотрѣніе вашему сіятельству" [1]).

Изъ всѣхъ записокъ 1820 г. мы видѣли, что Каразинъ указывалъ правительству на совершающіеся въ Россіи непорядки и *злоупотребленія, совершенно правильно понимаемыя*; что записки Каразина ничего общаго съ доносами не имѣютъ, такъ какъ имъ преслѣдовались не частные

---

[1]) Митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) писалъ объ отношеніи гр. Кочубея къ статистическому департаменту Каразина: „Правительство обнаруженія статистическихъ результатовъ не любитъ. Екатерина II съ своимъ кн. Вяземскимъ, бывало, считала это pour un crime de les majesté; при Павлѣ же посадили бы въ крѣпость" (іюль 1820 г.); „Жаль В. Н-ча! Кочубей только проводитъ его по-министерски.... Въ столицахъ насмѣшки убійственны для дарованій и для чувствительнаго сердца...." (октябрь). Русс. Арх. 1889 г., т. II.

личные, а общіе народные интересы. Тотъ же характеръ носило и предложеніе статистическаго департамента, цѣлью котораго было путемъ тщательныхъ статистическихъ изслѣдованій найти общія причины благосостоянія русскаго народа, главнымъ образомъ крестьянства, и устранить язвы, вкоренившіяся въ его жизни отъ злоупотребленій и недостаточной освѣдомленности правительства о положеніи крестьянъ. При знакомствѣ съ біографіей Каразина, нетрудно увидѣть, что крестьянскій вопросъ занималъ въ его политическомъ міровоззрѣніи, научномъ творчествѣ и общественной дѣятельности едва ли не первое мѣсто. Есть основанія заключить, что будущность Россіи Каразинъ ставилъ въ тѣсную зависимость отъ того или иного рѣшенія крестьянскаго вопроса, что̀ въ свою очередь непосредственно связывалъ съ вопросомъ о народномъ просвѣщеніи. Эти средства, а слѣдовательно и достиженіе цѣли, находятся въ рукахъ правительства, *на обязанности котораго* лежитъ *иниціатива* законодательныхъ и предупредительныхъ противъ злоупотребленій мѣръ. Правительство должно всегда итти впереди прогрессивныхъ стремленій общества, должно быть его руководителемъ въ этомъ отношеніи, и непремѣнно должно считаться съ его мнѣніемъ. Законодательная руководящая роль не должна переходить въ руки грубой, неразвитой массы; слѣдствіемъ подобнаго порядка Каразину представлялись лишь ужасы французской революціи. Въ подобной революціи Каразинъ видѣлъ больше зла, чѣмъ добра, и съ ужасомъ ожидалъ въ Россіи „насильственныхъ постановленій“, въ 1820 году. Почва для развитія революціи была по Каразину подготовлена и подготовляема, главнымъ образомъ, правительствомъ, стоящимъ не на высотѣ своего призванія [1]), его неумѣлыми дѣйствіями, ухудшающими только внутреннее политическое положеніе, и его неосвѣдомленностью о дѣйствительномъ состояніи Россіи. Политика правительства преслѣдовала цѣли *пресѣченія зла*, при чемъ средствами служили полицейскія тонкости; Каразинъ указывалъ, что подобными способами достигается какъ разъ обратный результатъ, зло не уничтожается, а лишь умножаются ухищренія нарушителей закона. Онъ полагалъ нужнымъ не развитіе шпіонства для упроченія государства, не мѣры пресѣченія, а мѣры предупрежденія, *уврачеванія* зла, своевременнымъ и толковымъ вмѣшательствомъ власти. Одною изъ причинъ возможной ре-

---

[1]) Назначеніе правительства Каразинъ понималъ въ христіанскомъ смыслѣ слова: оно должно самоотверженно жертвовать собою во имя блага общаго; всякое преимущество законно лишь при исполненіи соотвѣтствующихъ ему обязанностей. „Кто хощетъ быти болій, да будетъ всѣмъ слуга“ (Тетрадь 6-я; Зап. 1820 г.); какъ видимъ, и здѣсь идеалистическая подкладка воззрѣній Каразина.

волюціи Каразинъ, повидимому, считалъ дѣятельность нѣкоторыхъ тайныхъ обществъ. Вредныя секты и тайныя общества съ мистической подкладкой вели подчасъ агитацію среди населенія, неспособнаго понять ихъ идеаловъ. Именитые участники подобныхъ обществъ дѣлали то, что правительственныя лица не замѣчали и не стремились узнать о характерѣ дѣятельности указанныхъ организацій. Но съ точки зрѣнія Каразина — правительство совершало государственное преступленіе, если не могло дать себѣ точнаго отчета о положеніи вещей въ странѣ. Въ этомъ случаѣ власть стояла ниже своего призванія и не могла выполнить въ случаѣ надобности свои обязанности толковаго предупрежденія общественнаго зла. Вотъ въ какомъ смыслѣ Каразинъ 6 лѣтъ спустя (1826 г.) въ письмѣ къ императору Николаю писалъ, что задачей образовавшагося въ 1820 году общества, вмѣстѣ съ улучшеніемъ участи крестьянъ, было также наблюденіе за революціонной пропагандой „такъ называемыхъ вольныхъ, явныхъ и тайныхъ обществъ“ [1]).

Читатель, можетъ быть, найдетъ недостаточно ясными мысли Каразина о статистическомъ департаментѣ; но мы предупреждали, что проектъ этого учрежденія до насъ не дошелъ. Во всякомъ случаѣ клеймить Каразина именемъ „шпіона“ (стр. 35) на основаніи сохранившихся ничтожныхъ данныхъ было бы несправедливо-смѣло [2]).

42. Какъ извѣстно, В. Н. Каразинъ полъ года сидѣлъ въ крѣпости; затѣмъ былъ высланъ въ Кручикъ подъ надзоръ полиціи. 14-го декабря 1825 года оправдались до нѣкоторой степени страхи Каразина, высказанные въ 1820 году. Бунтъ былъ подавленъ суровыми мѣрами. Интеллигентное общество притихло.

Г. И-въ говоритъ: „Имѣя самыя розовыя надежды, Каразинъ берется за перо и пишетъ прошеніе Николаю Павловичу. Въ немъ онъ старается доказать, что все случившееся 14 декабря онъ предвидѣлъ и на грозившую опасность указалъ Александру и министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею“ (стр. 42).

Дѣйствительно, Каразинъ остался однимъ и тѣмъ же. Потихоньку отъ напуганной семьи, 18 сентября 1826 г. онъ пишетъ императору Николаю I письмо въ томъ же смѣломъ духѣ, какъ писалъ императорамъ Павлу и Александру; присоединяя къ посланію свои „тетради“ 1820 г., Каразинъ доказываетъ справедливость своихъ, высказанныхъ тогда, взгля-

---

[1]) Русс. Стар. 1870 г. т. II, стр. 563.

[2]) О статистическомъ департаментѣ см. мою статью: „В. Н. Каразинъ“. Кіевск. Стар., 1905 г. іюнь.

довъ. „Тогда,—писалъ онъ,—возмущенный духомъ поступилъ я въ моей откровенности за черту позволеннаго *въ самодержавныхъ*, синонима *самовластныхъ* („перестанемъ себя обманывать словами!") *правленіяхъ*, я рѣшился сообщить всѣ свои мысли о происшедшемъ и ожидаемомъ". „Я хотѣлъ всеусильно, и сколько отъ ничтожнаго, частнаго человѣка могло зависѣть, предупредить—не только казавшуюся мнѣ близкою тогда, но и всѣ возможныя въ послѣдствіи времени революціи, обративъ вниманіе государя на противорѣчія между разливающимся чрезъ всѣ сословія въ народѣ просвѣщеніемъ и формами правленія, которыя могли быть приличны прошедшимъ лишь вѣкамъ: противорѣчія, кои необходимо, по общимъ законамъ моральнаго міра, производятъ и всегда будутъ производить одно дѣйствіе. *Ничто не поможетъ, нѣтъ никакого средства, не достанетъ никакой человѣческой силы остановить колесо (исторіи), или дать ему противное (обратное) движеніе*.... Не должно было сближать насъ съ Европою, начиная отъ XVI вѣка еще, *если самодержецъ пребыть хочетъ выше общественнаго мнѣнія и законовъ*, если онъ караетъ за самыя вѣрноподданническія о томъ, подъ печатью тайны, сыновнія представленія... *Гдѣ, кромѣ Карамзина, возьмемъ и историковъ, которые бы одобряли самовластіе?*"—Читатель можетъ судить самъ, какія „розовыя надежды" могъ питать Каразинъ послѣ подобной апологіи своихъ дѣйствій [1]).

Дѣйствительно, Каразинъ до самой смерти былъ въ глубокой опалѣ: **43.**
исторія 1820 года закрыла ему всѣ пути на оффиціально-общественную роль. Въ 1824 г. онъ былъ избранъ обществомъ въ совѣстные судьи—избраніе не было утверждено. Въ 1829 г. былъ выбранъ предсѣдателемъ Уголовной Палаты; избраніе не только не было утверждено, но публично въ Каѳедральномъ соборѣ были прочитаны мотивы такого рѣшенія—политическая неблагонадежность Каразина, обнаруженная тайной канцеляріей въ 1820 г. [2]). Этотъ ударъ было очень больно вынести Каразину. Онъ обращается съ жалобами къ императору Николаю и проситъ его, хоть облегченіемъ тяжелой участи, возмѣстить публично нанесенное оскорбленіе (письмо 31 декабря 1831 г.). Въ томъ же письмѣ Каразинъ старается убѣдить государя въ своей преданности, не разъ выраженной въ частныхъ бесѣдахъ и письмахъ еще до вступленія его на престолъ.

---

[1]) „Для того, можетъ быть, пишу,- кончалъ письмо Каразинъ,—чтобы увеличить еще вину мою, представить ее во всей ея наготѣ". Русс. Стар. 1870, II, 561—568.

[2]) Арх. Харьк. Дв. Собр. Дѣло о с. с. Каразинѣ, кандидатѣ въ предсѣдатели Уголовной Палаты, 1830 г. № 65. То-же свидѣтельствуютъ документы изъ Арх. Мин. Внут. Дѣлъ (еще не напечатанные).

Г. И-въ видитъ въ этомъ (имъ урѣзанномъ) письмѣ несчастнаго, разбитаго старика—„назойливость“, „самомнѣніе“ и „нахальство“ Каразина.

Годъ отъ году жизнь Каразина складывалась все тяжелѣе. Всѣ пути къ свойственной ему стихіи—общественной дѣятельности (за исключеніемъ частной благотворительности) были ему отрѣзаны. Безъисходная задолженность и незаслуженныя невольныя страданія семьи окончательно убивали Василія Назаріевича. Онъ пытался еще жаловаться, просить, безъ надежды на результатъ, безъ силъ для дѣятельности. Единственное утѣшеніе Василію Назаріевичу было то уваженіе и та дань признательности, которую не могли не отдавать ему современники.

Г. И-въ говоритъ въ заключеніе своего изслѣдованія:

44. „Всѣ современники смотрѣли на Каразина, какъ на несчастнаго и вреднаго человѣка! И ужъ конечно, презирали совсѣмъ не за то, за что думалъ самъ Каразинъ“. „Не видя къ себѣ ничего кромѣ презрѣнія Каразинъ задумалъ переселиться въ Турецкую Имперію“ (стр. 44).

Намъ уже не разъ приходилось цитировать отзывы современниковъ о Василіѣ Назаріевичѣ; мнѣніе о Каразинѣ было въ большинствѣ случаевъ одно и то же, начиная съ императора Александра и кончая кручанскимъ крестьяниномъ Манжаренкомъ, горько оплакивавшимъ кончину благодѣтеля его односельчанъ. Чистота намѣреній Каразина, его самоотверженное служеніе общему благу были признаваемы не только въ частныхъ многочисленныхъ случаяхъ, но были засвидѣтельствованы неоднократно рѣшеніями общества, несмотря на опальное и несчастное положеніе Каразина. Припомнимъ ходъ университетскаго дѣла, постановленіе богодуховскаго дворянства 1829 года, избраніе Каразина почетнымъ членомъ 7 ученыхъ обществъ и учрежденій (послѣднее въ 1827 г.), среди которыхъ торжественное признаніе Каразина въ 1811 г. основателемъ Харьковскаго университета занимаетъ первое мѣсто; въ 1819 г. былъ вторично избранъ депутатомъ Слободского дворянства, въ 1824 г.—Совѣстнымъ Судьею, въ 1829 г.—предсѣдателемъ Палаты Уголовнаго Суда. Годъ спустя послѣ того времени, какъ Каразинъ, по словамъ г. И-ва, долженъ былъ спасаться отъ „презрѣнія“ общества, Харьковскій университетъ и харьковскіе граждане еще разъ оффиціально и въ то же время трогательно засвидѣтельствовали В. Н. Каразину свою дань признательности и уваженія, какъ виновнику учрежденія университета въ Харьковѣ и благодѣтелю своего края. 12 января 1833 года попечитель Харьковскаго учебнаго округа Филатьевъ писалъ предсѣдателю гражданской палаты Кашинцеву:

„М. г. Як. Ив.! Господа профессоры и преподаватели въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ, узнавъ, что Василію Назарьевичу

Каразину слѣдуетъ внести въ харьковскую гражданскую палату, въ возвратъ графу Подгоричани, пошлинныхъ 2,384 рубля, коихъ онъ, по стѣсненному своему положенію въ назначенный срокъ представить не можетъ. не могли остаться въ равнодушномъ бездѣйствіи при семъ, столь близкомъ для насъ обстоятельствѣ: но *движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому единственному виновнику основанія здѣсь университета*, въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству, просятъ меня взнесть въ помощь г. Каразину, собранную ими сумму. Съ полнымъ чувствомъ сердечнаго удовольствія раздѣляя *стремленіе душевной признательности гг. членовъ университета къ г. Каразину* честь имѣю препроводить 1,280 рублей".

17 января 1833 года Харьковскій городской голова писалъ тому же лицу:

„М. г. Як. Ив.! Увѣдомился я—ст. с. Василій Назарьевичъ Каразинъ имѣетъ въ Слободско-Украинской гражданской палатѣ дѣло; по окончаніи онаго потребна сумма 1,200 руб. Желая предупредить его въ доставленіи сей суммы, по желанію моему и *гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и представительства г. В. Н. Каразина* предъ престоломъ блаженной и вѣчнодостойной памяти покойнаго монарха Александра I, *о учрежденіи въ г. Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли; чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе*, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе, *сей малый знакъ истинной признательности*, прошу употребить по дѣлу вышепрописанному".

Послѣ всего сказаннаго намъ кажется лишнимъ приводить многочисленные отзывы современниковъ о В. Н. Каразинѣ [1]) какъ о „рьяномъ ревнителѣ добра" (Погодинъ) и виновникѣ учрежденія университета въ Харьковѣ. Такой взглядъ былъ на Каразина при жизни, такой же остался и послѣ смерти. Въ некрологѣ Каразина сообщаютъ, что „ему собственно Харьковскій университетъ обязанъ своимъ существованіемъ", что Каразинъ былъ человѣкъ „одушевленный пламенной любовью къ отечеству" [2]). Бецкій (издатель Молодика), указывая (въ некрологѣ) на ученыя заслуги Каразина, призналъ его „почтеннымъ основателемъ Харь-

---

[1]) Часть ихъ (едва ли и десятую) можно найти въ брошюрѣ проф. Д. И. Багалѣя „Просвѣтительная дѣятельность В Н. Каразина".

[2]) Московскія Вѣдомости, 1842 г. № 101.

ковскаго университета“ [1]), Погодинъ заявилъ, что Каразинъ лицо недостаточно еще оцѣненное въ русской исторіи“, что „Харьковскій университетъ долженъ засвидѣтельствовать („памятникомъ“) свою благодарность своему почти основателю“ [2]). Лестные отзывы современниковъ о нравственной личности В. Н. Каразина появлялись нерѣдко послѣ смерти Каразина во многихъ журналахъ: „Москвитянинѣ“, „Одесскомъ Вѣстникѣ“, „Чтеніяхъ“, „Современникѣ“ и мн. др. И нельзя не согласиться, что В. Н. Каразинъ былъ человѣкомъ идеи, личностью проникнутой искреннимъ стремленіемъ къ благу общественному. Эта идея руководила всѣми его дѣйствіями: при учрежденіи университета, при основаніи филотехническаго общества, при проектированіи ученыхъ обществъ, научныхъ изданій (при широкомъ участіи общества), при организаціи крестьянскихъ учрежденій, общественной благотворительности и т. д. и т. д. Эта же идея (блага народнаго) лежала въ основѣ научнаго творчества В. Н. Каразина, его общественно-политическаго міросозерцанія. Благо общественное Каразинъ считалъ легко достижимымъ при дружныхъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ людей, въ которыхъ твердо вѣрилъ, которыхъ, въ продолженіе всей жизни, настойчиво призывалъ соединиться, чтобы итти впередъ по пути прогресса, связаннаго съ пользой общей. Каждый членъ общества долженъ руководиться чувствомъ и сознаніемъ долга, и В. Н. Каразинъ смотрѣлъ на себя, какъ на одну изъ множества общественныхъ единицъ съ ея общественнымъ назначеніемъ и обязанностями: гражданинъ долженъ поступаться интересами частными во имя блага публичнаго, не долженъ считаться съ опасностью личною, преслѣдуя безопасность общую. Вотъ почему Каразинъ не могъ оставаться равнодушнымъ при видѣ явныхъ неустройствъ въ жизни его родной страны и народа, которыхъ беззавѣтно и горячо любилъ; вотъ чѣмъ объясняются всѣ его „непрактичныя“, смѣлыя дѣйствія, имѣвшія слѣдствіемъ почти всегда его личное несчастіе и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ блестящіе примѣры блага общественнаго [3]). Такою свѣтлою личностью знали В. Н. Каразина современники, такъ же отзывались о немъ послѣ смерти. Съ 1861 г. возникаетъ мысль о памятникѣ виновнику учрежденія университета въ Харьковѣ. Съ начала 70-ыхъ годовъ ее выдвигаетъ проф. Н. А. Лавровскій. Въ 1875 г. Высочайше постановляется всероссійская подписка на памятникъ В. Н. Каразина, а въ концѣ прошлаго года Высочайше утвержденъ проектъ памятника.

---

[1]) Молодикъ на 1844 г. Спб. 1844.

[2]) Письмо къ Н. А. Лавровскому.

[3]) Устроеніе университета, результаты сельскихъ учрежденій и нововведеній.

Въ предлагаемомъ разборѣ читатель найдетъ отвѣтъ на всякое заключеніе, которымъ г. И-въ характеризуетъ личность В. Н. Каразина.

Послѣ всего сказаннаго хотѣлось бы также резюмировать общее впечатлѣніе, оставляемое брошюрой г. И-ва „В. Н. Каразинъ, мнимый основатель Харьковскаго университета". Опредѣленно сознается одно: произведеніе это не имѣетъ цѣлью исканіе исторической истины или „исторической правды", поборникомъ которой выставляетъ себя г. И-въ (стр. 10, 11 и др.). Нѣтъ въ немъ внимательности и точности, требуемыхъ отъ добросовѣстнаго изслѣдованія, спокойно распутывающаго сложившуюся годами яко бы историческую несправедливость. Мы не видимъ изслѣдованія по первоисточникамъ, которые только и могли бы считаться достаточнымъ основаніемъ для категоричныхъ и рѣзкихъ заключеній г. И-ва. Наоборотъ, пріемы, употребляемые имъ для доказательствъ, менѣе всего могутъ претендовать на значеніе научнаго обоснованія выводовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какими источниками пользуется г. И-въ? Нѣсколькими вырванными изъ контекста фразами Сухомлинова и Богдановича и свидѣтельствами Каразина, котораго признаетъ обманщикомъ и лжецомъ (стр. 5, 10, 12, 13, 14, 15 и др.) [1]). Какими либо неизвѣстными доселѣ документами г. И-въ не пользуется, ибо основываетъ свои выводы только на данныхъ, вышедшихъ въ печати. Мало того. Нѣтъ ни одной мысли Каразина, которая бы не была урѣзана, пересказана, перетолкована до неузнаваемости, до полнаго ея извращенія. Для послѣдней цѣли всѣ средства кажутся г. И-ву позволенными. Онъ на каждомъ шагу умалчиваетъ о фактахъ первостепенной важности, въ неограниченной мѣрѣ пользуется анахронизмами, приписываніемъ чужихъ словъ Каразину и словъ сына Каразина отцу, перепутываніемъ

---

[1]) Напр., на стр. 11 г. И—въ единственно на основаніи словъ (извращенныхъ) Каразина выводитъ заключеніе о характерѣ работъ особаго комитета.

На стр. 26 г. И—въ считаетъ Каразина одержимымъ маніей преслѣдованія; въ доказательство приводитъ письмо Каразина (1831 г.) къ А. Х. Бенкендорфу; здѣсь Вас. Наз. проситъ не повредить его сыну, только начинающему службу. Просьба эта была сдѣлана по той причинѣ, что Бенкендорфъ былъ нерасположенъ къ В. Н. Каразину и доказалъ это послѣднему нѣсколько разъ (отказы въ просьбахъ Каразину 1826 и слѣд. гг., столкновеніе 1831 г. и высылка Каразина благодаря личнымъ счетамъ и представленію Бенкендорфа, письмо послѣдняго къ Каразину, цитируемое г. И—вымъ, въ которомъ Бенкендорфъ, зная семью Каразина, оправдываетъ свои поступки полнымъ невѣдѣніемъ семейнаго положенія его); г. И—въ, будучи слабо ознакомленъ съ біографическими данными о В. Н. Каразинѣ, рѣшилъ, что письмо къ Бенкендорфу было написано „безъ всякой причины", потому что „Каразинъ страдалъ маніей преслѣдованія".

въ цитатахъ знаковъ препинанія до неузнаваемости истиннаго смысла цитируемаго мѣста [1]), наконецъ, той же цѣли служатъ издѣвательства надъ Каразинымъ, построенныя на игрѣ словъ, стремленіе выставить его въ каррикатурномъ свѣтѣ и все вмѣстѣ обильно пересыпается вульгарными терминами. Развѣ такъ доказываютъ „историческую правду"? А множество драгоцѣнныхъ источниковъ, доступныхъ автору, помѣщенныхъ въ тѣхъ самыхъ книгахъ, которыя онъ имѣлъ въ рукахъ (Украинская Старина, статьи Лавровскаго), не удостоиваются его вниманія только потому, что говорятъ въ пользу Каразина! Развѣ такъ поступаютъ безпристрастные историки? А чѣмъ виноватъ проф. Н. А. Лавровскій, что изъ его благопріятныхъ выводовъ и отзывовъ о В. Н. Каразинѣ г. И-въ вывелъ послѣднему столько оскорбительныхъ обвиненій? Подоб-

---

[1]) Укажемъ нѣкоторые примѣры подобнаго путанія знаковъ препинанія. На стр. 30 г. И—въ ссылается на слова Каразина: „Сократить число университетовъ и тѣмъ уменьшить издержки, оказывающіяся донынѣ малопроизводительными: Казанскій университетъ временно закрыть или преобразовать"... Изъ этой фразы и изъ послѣдующихъ ясно, что Каразинъ полагалъ полезнымъ преобразовать или временно закрыть *одинъ* Казанскій университетъ. Г. И—въ раздѣлилъ цитированныя строки вмѣсто двоеточія точкой съ запятой; получилось два самостоятельныхъ предложенія: „Сократить число университетовъ. .; Казанскій университетъ закрыть"... Можно было бы принять за опечатку указанную перемѣну знака препинанія, если бы г. И—въ тутъ же не дѣлалъ заключенія на основаніи новаго смысла искаженной фразы: „Какіе *другіе* университеты нужно прикрыть Каразинъ не говоритъ въ этомъ письмѣ". „Но судя по тому, что онъ Харьковскій университетъ находилъ испорченнымъ, можно думать, что и его должна постигнуть участь Казанскаго." Разумѣется Каразинъ ни слова не говорилъ объ упраздненіи какого либо университета, а тѣмъ болѣе Харьковскаго.—На стр. 29 г. И—въ говоритъ, что „предложеніе (1805 г. въ совѣтѣ профессоровъ) избрать Каразина въ почетные члены университета было отвергнуто единогласно." Это перефразировка словъ Лавровскаго, который говоритъ, что ректоръ Рижскій призналъ несвоевременнымъ (въ то время министръ Завадовскій запретилъ Каразину мѣшаться въ дѣла университета) ходатайствовать предъ министромъ о выборѣ Каразина почетнымъ членомъ университета, „съ чѣмъ (т е. съ несвоевременностью, а не съ недостоинствомъ Каразина) согласились всѣ присутствовавшіе" профессора. Ясно, что смыслъ заключенія Лавровскаго иной, чѣмъ заключенія г. И—ва; однако послѣдній ставитъ послѣ своихъ словъ кавычки и тѣмъ вводитъ въ заблужденіе читателя, который естественно приписываетъ цитированное мѣсто изысканіямъ Лавровскаго, тѣмъ болѣе, что тутъ же слѣдуетъ ссылка на этого автора. Подобный пріемъ употребленъ и на стр. 19. Вся страница представляетъ цитаты (со ссылками на Лавровскаго), до половины страницы поставленныя въ кавычкахъ. Затѣмъ пропускаются начальныя кавычки и слѣдуетъ перифразированіе словъ Лавровскаго и произвольное комбинированіе фактовъ г. И—вымъ. Въ концѣ стоятъ нѣсколько словъ Лавровскаго, заключающіяся кавычками. Читатель невольно придаетъ значеніе словамъ г. И—ва, какъ результату архивныхъ изысканій Лавровскаго и вдается въ обманъ. Подобнымъ образомъ сплошь да рядомъ искажаются свидѣтельства разныхъ лицъ и особенно Каразина.

ная же участь постигаетъ и Сухомлинова, свидѣтельства котораго о заслугахъ Каразина въ комиссіи училищъ замалчиваются, какъ не соотвѣтствующія цѣли г. И-ва. Послѣ этого не стоило бы даже говорить объ обязанности г. И-ва ознакомиться съ историческими изслѣдованіями поновѣе 70 и 60-ыхъ годовъ, прежде чѣмъ говорить о ходѣ работъ въ Министерствѣ Просвѣщенія. Тогда бы не было у него, по крайней мѣрѣ, невольныхъ грубыхъ ошибокъ и вольныхъ слишкомъ смѣлыхъ предположеній. Что же касается архивныхъ изысканій, то они еще менѣе заслужили вниманія новаго біографа Каразина. Къ содержанію подобнаго рода источниковъ г. И-въ питаетъ особенную антипатію, что, повидимому, объясняется нежелательнымъ для него ихъ содержаніемъ. Данныя, добытыя изъ архивовъ или перепечатанныя съ подлинниковъ, считаются г. И-вымъ незаслуживающими довѣрія потому, напр., что прошли чрезъ руки Филадельфа Каразина, слѣдовательно „созданы“ имъ. А между тѣмъ недавно найденные въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія многочисленные матеріалы и письма самого В. Н. Каразина при сравненіи оказываются напечатанными Филадельфомъ Каразинымъ слово въ слово и буква въ букву [1]); то же утверждаемъ и о письмахъ, адресованныхъ В. Н. Каразину и опубликованныхъ съ буквальной точностью Фил. Каразинымъ [2]); слѣдовательно, напечатанные имъ документы не „созданы“ Каразинымъ, какъ заявляетъ безъ всякихъ основаній г. И-въ, и заслуживаютъ полнаго довѣрія [3]). Кромѣ того мы видѣли, что для признанія заслугъ В. Н. Каразина достаточно архивныхъ матеріаловъ, которыхъ не касалась рука Каразиныхъ.

Словомъ, произведеніе г. И-ва не есть научное изслѣдованіе, а скорѣе злободневный фельетонъ, задача котораго въ томъ, чтобы при помощи непозволительныхъ средствъ—извращенія свидѣтельствъ, умолчанія о фактахъ, путанія хронологіи, ложныхъ ссылокъ и т. д.—подѣйствовать на чувство обманутаго читателя, который не имѣетъ возможности со вниманіемъ по источникамъ провѣрить искаженные факты.

---

[1]) Напр., всѣ документы, касающіеся хлопотъ Каразина по дѣлу университета въ Петербургѣ 1803 г.

[2]) Сравни, напр., письма, помѣщенныя въ Сѣв. Пч. 1860 г. и нынѣ найденныя, вновь печатаемыя въ Русс. Стар. 1900—1904 гг.

[3]) Что касается писемъ и сочиненій самого В. Н. Каразина, то едва ли надо говорить о значеніи, которое должны имѣть для біографіи человѣка его произведенія и образъ мыслей; г. И—въ не считаетъ нужнымъ считаться съ неурѣзанными свидѣтельствами В. Н. Каразина, ибо признаетъ таковыя „вымыслами“ и „ложью“ его. Но послѣднія опредѣленія требуютъ вѣскихъ и убѣдительныхъ доказательствъ, чего нельзя сдѣлать по отношенію къ рукописямъ В. Н. Каразина.

Средства, употребляемыя г. И-вымъ, говорятъ противъ исканія имъ „исторической правды“; тѣ же неблагородныя средства г. И-ва и совершенная его неосвѣдомленность въ историческихъ данныхъ о В. Н. Каразинѣ лишаютъ насъ даже возможности признать за взглядами г. И-ва особую, оригинальную точку зрѣнія (подобную, напр., Чирикова и В. Семевскаго).

Что касается характеристики В. Н. Каразина со стороны отношенія его къ Харьковскому университету, то мы на основаніи сказаннаго полагаемъ справедливымъ именовать его *виновникомъ учрежденія университета въ Харьковѣ*. Характеризовать В. Н. Каразина *основателемъ Харьковскаго университета* было бы не совсѣмъ точно, такъ какъ Каразину не было дано довершить начатое имъ дѣло.

ОПЕЧАТКИ.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
4	7 св.	Назарьевича	Назаріевича
8	19 сн.	Назаровича	
16	13 св.	Назарьевичъ	Назаріевичъ
18	14 сн.	образованія	образованіи
37	5 св.	(стр. 15):	(стр. 15)
51	7 св.	Иванова	И-ва
52	19 сн.	Подъ	„Подъ
53	10 св.	Иванова	И-ва
	18 сн.	Ивановъ	И-въ

ХАРЬКОВСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
М. В. Д.